

ВЫБОРГСКИЙ
ОБЪЕДИНЁННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Комитет по культуре правительства Ленинградской области
ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник»
Институт истории Санкт-Петербургского
государственного университета

**Санкт-Петербург и страны
Северной Европы
19 (№2)**
тематический выпуск

**РОССИЯ, ФИНЛЯНДИЯ
И СКАНДИНАВИЯ:
КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ
В ИСТОРИИ**

*К столетию
Великой русской революции
и независимости Финляндии*

*Материалы седьмых ежегодных
Барышниковских научных чтений*

Выборг
2018

Governmental Committee of the Leningrad Region for Culture
Vyborg's associated heritage museum
Institute of History of St. Petersburg State University

Редакционная коллегия: д.и.н., профессор В. Н. Барышников
(ответственный редактор),
Васара В.-Т., д.и.н., профессор В. Е. Возгрин,
д.и.н., профессор П. А. Кротов (зам. ответственного редактора),
Д. Р. Лобанова, к.и.н. Ю. И. Мошник (зам. ответственного редактора).

Рецензенты:
к.и.н., доцент А. В. Лихоманов (Российская Национальная библиотека);
к.и.н. А. И. Терюков (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого /Кунсткамера/ РАН)

ISSN 2411-8796

C18 Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 19 (№2). Тематический выпуск: «Россия, Финляндия и Скандинавия: ключевые события истории. К столетию Великой революции в России и независимости в Финляндии». Материалы седьмых Барышниковских чтений (23 сентября 2017 г.). / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова, Ю. И. Мошник. – Выборг: ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», 2018. – 232 с.

Тематический выпуск содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов международной научной конференции «Россия, Финляндия и Скандинавия: ключевые события в истории. К столетию Великой русской революции и независимости Финляндии», проведенной в рамках Седьмых Барышниковских чтений.

Книга адресована всем, кто интересуется проблемами взаимоотношений России с Финляндией и Скандинавией.

Книга является приложением к журналу «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>).

ISBN 978-5-91882-049-0

© ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», 2018.

© В. Н. Барышников, П. А. Кротов, Ю. И. Мошник, сост., 2018.

© Центр Сохранения Культурного Наследия (макет, верстка), 2018.

Saint Petersburg and the countries of Northern Europe

19 (№2)
special issue

RUSSIA, FINLAND AND SCANDINAVIA: THE FUNDAMENTAL EVENTS OF HISTORY

***By the centenary of the Great Revolution in Russia
and the independence of Finland***

*Proceedings of The 7th Annual Baryshnikov
Memorial Reading*

Vyborg
2018

The Editorial Board: PhD in History, professor V. N. Baryshnikov
(managing editor),
PhD in History, professor V. E. Vozgrin,
PhD in History, professor P. A. Krotov (assistant editor),
D. R. Lobanova,
Candidate of Historical science J. I. Moshnik (assistant editor)

Reviewers:

Candidate of Historical science A. V. Likhomanov
(The Russian National library);
PhD in History A. I. Terykov (Peter the Great Museum of anthropology
and ethnography /Kunskamera/)

ISSN 2411-8796

Saint Petersburg and the countries of Northern Europe. 19 (№2). Special issue. «Russia, Finland and Scandinavia: The fundamental events of history. By the centenary of the Great Revolution in Russia and the independence of Finland». Proceedings of The 7th Annual Baryshnikov Memorial Readings (September 23, 2017). / Ed. V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov, Y. I. Moshnik. Vyborg: Vyborg's associated heritage museum, 2018. – 232 c.

The special edition includes the papers delivered at the international academic conference «Russia, Finland and Scandinavia: The fundamental events of history. By the centenary of the Great Revolution in Russia and the independence of Finland». This conference is a part of the seventh Baryshnikov Memorial Readings. This issue is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg, North European countries and Scandinavia.

The issue is a supplement to the journal «Saint Petersburg and the countries of Northern Europe» (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>).

ISBN 978-5-91882-049-0

© Vyborg's associated heritage museum, 2018.

© V.N. Baryshnikov, P.A. Krotov, J.I. Moshnik, ed., 2018.

© CSKN, 2018.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	11
РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ИСТОРИИ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ	13
Н. Р. Славнитский Финские рабочие в народническом движении.....	15
Б. С. Жаров Датский юрист Хермод Ланнунг — свидетель революционных событий 1917 г. в Петрограде.....	20
Ю. И. Мошник «Эшелоны направлять в Выборг». Гарнизон Выборгской крепости в декабре 1917 — январе 1918 гг.	28
А. В. Смолин Проблемы демаркации русско-финской морской границы в 1918 г.....	37
В.-Т. Васара Советская Карелия глазами участников «карельских походов» 1918–1922 гг.....	49
В. Н. Барышников Проблема изучения в СССР в 1920–1930-е гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии	56
Д. Р. Лобанова Гражданская война в Финляндии в финской историографии в первой половине XX-го века.....	68
П. В. Петров Документы об участии Финляндии в событиях революции и Гражданской войны в России в фондах ЦГАИПД СПб.....	81
МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ВОЙНЫ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ.....	87
В. В. Василик Св. князь Александр Невский и Финляндия (Поход 1256 г., его причины, характер и результаты).....	88
В. Е. Возгрин Выборг и Нарва как ключевые центры Шведской колониальной империи.....	102
А. А. Лебедев Свет и тени крейсерских действий русского флота в Русско-шведской войне 1788–1790 гг.....	108
А. В. Востров Аландский вопрос и его трансформация в период 1809–1917 гг.....	114
Н. И. Николаев Проблема датских проливов в военно-морском планировании Великобритании и России накануне и в годы Первой мировой войны...126	
В. И. Мусаев «Соплеменная» эмиграция и «работа с соплеменниками» («heimotyö»): ингерманландский и восточно-карельский фактор в политике межвоенной Финляндии.....	135

М. А. Партала История участия 12-го лыжного батальона в «Зимней войне» в литературных источниках.....	150
А. С. Жирнова, А. В. Мельнов Петровская гора в Выборге как памятное место русской истории города: до и после 1917 г.....	161
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ: ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ.....	169
И. В. Пилипчук Комплект чертежей Выборгской крепости Л. К. Стобеуса от 18.03.1703 г. как основа для реконструкции внешнего вида городских укреплений Выборга в XV–XVII вв.....	170
Г. А. Гребенщикова Некоторые аспекты развития кораблестроения на Балтике в конце XVIII – начале XIX вв.....	180
А. Г. Шкваров Русский гарнизон Фридрихсгама в 1750–1850-х гг.: по материалам Национального архива Финляндии.....	190
А. Н. Шувалова Метрические книги православных церквей Старой Финляндии середины XVIII в. как исторический источник.....	209
Т. А. Шрадер Этнография городской жизни в Скандинавских странах (XIX – нач. XX вв.).....	215
Резюме.....	220
Сведения об авторах.....	231

CONTENTS

PREFACE.....	11
REVOLUTIONS AND SOCIAL CONFLICTS IN THE HISTORY OF THE NORDIC COUNTRIES.....	13
N. R. Slavnitsky Finnish workers in the Narodnik movement.....	15
B. S. Zharov Danish lawyer Hermod Lannung, a witness of the revolutionary events of 1917 in Petrograd.....	20
J. I. Moshnik «Send echelons to Vyborg». Vyborg garrison in December 1917 – January 1918.....	28
A. V. Smolin The problems of demarcation of the Russian-Finnish maritime border in 1918.....	37
V.-T. Vasara Soviet Karelia through the Eyes of the Participants of the «Kinship Wars» in 1918–1922.....	49
V. N. Baryshnikov The problem of studying in USSR in 1920s – 1930s the history of Finland's revolution and Civil War.....	56
D. R. Lobanova The Civil War in Finland in finnish historiography of the first half of XXth Century.....	68
P. V. Petrov Documents on Finland's participation in the events of the revolution and the Civil War in Russia in the funds of the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg.....	81
INTERNATIONAL CONFLICTS AND WAR IN THE NORTH OF EUROPE AND THEIR OVERCOMING.....	87
V. V. Vasilik St. Prince Alexander Nevsky and Finland (Warfare of 1256, its reasons, character and results).....	88
V. Je.Vozgrin Vyborg and Narva as key centers of the Swedish colonial empire.....	102
A. A. Lebedev Lights and shadows cruising the actions of the Russian fleet in the Russo-Swedish war of 1788–1790.....	108
A. V. Vostrov Aland question and its transformation between 1809 and 1917.....	114
N. I. Nikolaev The problem of the Danish straits in the naval planning of the UK and Russia before and during the First World War.....	126

V. I. Musaev «Co-tribal» Emigration and «Work with the Co-tribesmen» («heimotyö»): Ingrian and East-Karelian Factor in the Policies of Interwar Finland.....	135
M. A. Partala The history of the 12th ski battalion in the «Winter war» in the literary sources.....	150
A. S. Zhirnova, A. V. Melnov Petrovskaya cliff in Vyborg as a historic site of Russian town history: before and after 1917.....	161
HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS.....169	
I. V. Pylypchuk L. C. Stobæus and his set of drawings of Vyborg castle (18.03.1703) as a basis for the reconstruction of the appearance of the Vyborgs city fortifications of XV–XVII centuries.....	170
G. A. Grebenshchikova Some aspects of Baltic Sea shipbuilding at the end of XVIII – beginning of XIX centuries.....	180
A. G. Shkvarov Russian garrison of Fredrikshamn in 1750–1850: documents from the National archive of Finland.....	190
A. N. Shuvalova Registers of births of orthodox churches of Old Finland middle of the XVIIIth century as a historical source.....	209
T. A. Shrader Ethnography of townlife in Scandinavian countries (XIX – beginning of XX centuries).....	215
Abstract.....	220
Information about authors	231

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник, представленный вниманию читателей, содержит материалы докладов на международной научной конференции «Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события истории. К столетию Великой русской революции и революции в Финляндии». Конференция прошла 23 сентября 2017 г. в рамках шестых Барышниковских чтений в Выборгском объединенном музее-заповеднике. Она была организована Комитетом по культуре правительства Ленинградской области, Выборгским объединенным музеем-заповедником, а также Институтом истории Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра истории Нового и новейшего времени).

Научные чтения кафедры Нового и новейшего времени в Выборге и п. Ильичево (Ялкала), посвященные истории взаимоотношений России и Финляндии, имеют уже свою историю и традиции. Они начали проводиться с 2000 г. В их работе принимали активное участие известные историки из Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Выборга, а также исследователи из Финляндии и Швеции. По итогам прошедших конференций было выпущено два сборника: «105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Материалы международной научной конференции» и «1941 год: СССР — Финляндия». Материалы международной научной конференции¹, а также коллективная монография — «От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.»². Кроме этого, часть докладов была опубликована в ежегодных сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»³.

С 2011 г. конференция, решением ее участников, была преобразована в ежегодные «Барышниковские чтения», названные в память известного российского историка, изучавшего советско-финляндские отношения и одного из главных организаторов всех предшествовавших конференций, профессора Николая Ивановича Барышникова.

На сегодняшний день «Барышниковские чтения» проводились уже более пяти лет, на них рассматривали весьма разнообразные проблемы российско-финляндских отношений⁴. При этом VII-я конференция «Барышниковские чтения», материалы которой представлены в сборнике, уже расширила рамки обсуждаемых проблем. Ее участники рассматривают вопросы взаимоотношений России, Финляндии и Скандинавии на протяжении всей истории этих государств.

1. 105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб., 2000; 1941 год: СССР-Финляндия. Материалы международной научной конференции. СПб., 2003.

2. От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006.

3. См.: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html#spb>.

4. 30 июня 2011 г. прошла конференция «Россия и Финляндия: через века истории» и была посвящена памяти профессора Н. И. Барышникова. Основная проблематика этой конференции касалась событий приуроченных к семидесятилетию начала Великой Отечественной войны. Далее, 29 сентября 2012 г. на конференции «Россия и Финляндия» рассматривались вопросы истории взаимоотношений и противостояний двух государств, а также проблемы идентичности в истории. Эти же вопросы рассматривались также на конференциях 12 октября 2013 г. и 27 сентября 2014 г. Пятая юбилейная конференция «Барышниковские чтения» подводила определенный итог предшествующей работе, поскольку на ней рассматривались проблемы изучения и новых открытий в истории российско-финляндских отношений.

PREFACE

These proceedings include the papers delivered at the international academic conference «Russia, Finland and Scandinavia: The fundamental events of history. By the centenary of the Great Russian Revolution and the Revolution in Finland». This conference, being a part of the seventh Baryshnikov Memorial Readings, was held on September 23, 2017 at the Vyborg's associated heritage museum. The conference was organized by the Governmental Committee of the Leningrad Region for Culture, Vyborg's associated heritage museum and Modern History Department of the Institute of History of St. Petersburg State University.

The conferences dedicated to relations between Russia and Finland have been run since 2000 and therefore they share long history and uphold their own traditions. Their contributors included renowned historians of St. Petersburg, Moscow, Petrozavodsk, Vyborg, as well as the scholars from Finland and Sweden. The proceedings of previous conferences were issued in the volumes «105 days of the Winter War» and «1941: the USSR – Finland»¹, in multi-authored monograph «From War to Peace: the USSR and Finland in 1939-1944»², and, finally, a number of papers was published in the almanac «St. Petersburg and the Nordic Countries».³

Since 2011, these annual conferences have been titled Baryshnikov Memorial Readings in the memory of the prominent Russian historian, Professor Nikolay Ivanovich Baryshnikov, who studied the Soviet-Finnish relations and was one of the main organizers of all the previous conferences.

Baryshnikov Memorial Readings have been held for more than five years and quite a range of issues concerning Russian-Finnish relations were covered there.⁴ The papers delivered at the 7th Baryshnikov Memorial Readings and published in this book, have already exceeded the scope of the topics previously discussed there, as its contributors are examining the issues of Russian, Finnish and Scandinavian relations throughout the whole history of these countries.

РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ИСТОРИИ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

---

1. 105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб., 2000; 1941 год: СССР-Финляндия. Материалы международной научной конференции. СПб., 2005.

2. От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006.

3. См.: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html#spb>.

4. 30 июня 2011 г. прошла конференция «Россия и Финляндия: через века истории» и была посвящена памяти профессора Н. И. Барышникова. Основная проблематика этой конференции касалась событий приуроченных к семидесятилетию начала Великой Отечественной войны. Далее, 29 сентября 2012 г. на конференции «Россия и Финляндия» рассматривались вопросы история взаимоотношений и противостояний двух государств, а также проблемы идентичности в истории. Эти же вопросы рассматривались также на конференциях 12 октября 2013 г. и 27 сентября 2014 г. Пятая юбилейная конференция «Барышниковские чтения» подводила определенный итог предшествующей работе, поскольку на ней рассматривались проблемы изучения и новых открытий в истории российско-финляндских отношений.

Финские рабочие в народническом движении

Среди первых народников – участников движения, получившего название «хождение в народ», было несколько финских рабочих. Наиболее известные из них – Иоган Пельконен и Карл Иванайнен. Кроме того, в материалах дознаний есть сведения о Карле Стольберге и Вильгельме Прейсмане.

Первый из упомянутых был сапожником. О том, как прошли годы его юности, нам, к сожалению, ничего не известно. В начале 1870-х гг. он оказался в Москве, работал сапожником и каким-то образом познакомился с П. И. Войноральским, который привлек его к пропагандистской деятельности. В начале 1874 г. члены «кружка чайковцев» решили заняться пропагандой «в народе», и для этого взялись за изучение ремесел. В связи с этим И. И. Пельконен стал заниматься обучением студентов сапожному ремеслу.

Одним из основных центров пропаганды решили сделать Саратов и его окрестности. Связано это было с тем, что это был «город весьма населённый, привлекающий в летнее время большую массу рабочих, почему для действий пропагандистов как самый Саратов, при малочисленности в нём полиции, а тем более уезды, громадные по своему протяжению, представляют все удобства избежать преследования»¹. Инициатива организации пункта в Саратове принадлежала И. Ф. Селиванову и П. И. Войноральскому, и логично, что роль организатора мастерской была возложена на И. И. Пельконена². Мастерская в Саратове должна была стать явочной квартирой, а также типографией, где предполагалось печатать соответствующую литературу. Для этого в Саратов отправились Елена и Юлия Прушакевич – дочери коллежского асессора из Архангельска, а также их подруга Е. В. Супинская (дочь коллежского секретаря). Эти девушки окончили гимназию в Архангельске, после этого перебрались в Москву, где стали работать в типографии И. И. Мышкина, с которым был связан П. И. Войноральский.

Однако просуществовала эта мастерская недолго. 21 мая 1874 г. И. И. Пельконен с товарищами прибыл в Саратов, а уже 31 числа к

1. Гусакова З. Г. О том, кто жил, о том, что было. Заметки архивиста. Саратов, 2012. С. 39.
2. Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды: «Большое общество пропаганды» 1871–1874 гг. Саратов, 1991. С. 128.

нему в квартиру пожаловала полиция. Народники не учли того, что Саратов был небольшим городом, и полицейские прекрасно знали, кто в него приезжает. Пристава полицейской части насторожило, что артель, созданная И. И. Пельконеном, состоит «из людей подозрительных и принадлежащих не к простому сословию», и он решил провести там обыск, в ходе которого обнаружил запрещенную литературу³. Поэтому все, кто находился в квартире (включая Пельконена, сестер Прушакевич), были арестованы, и это задержание стало ниточкой, благодаря которой жандармы раскрыли вскоре всю организацию. Пельконен скончался во время следствия⁴.

Карл Адамович Иванайнен был сыном ремесленника, происходившего родом из Нейшлота (Савонлинна), родился и вырос в Санкт-Петербурге. При этом родители смогли обеспечить ему начальное образование – он учился в школе при финской церкви Св. Марии, а затем работал слесарем на Патронном заводе в столице. С. П. Швецов отмечал, что «Иванайнен, будучи по происхождению финном, во всех других отношениях являлся сыном рабочего Петербурга. И по своему общему развитию ничем не отличался от среднего студента, обладая в то же время большим знанием жизни, большой опытностью»⁵.

В то время на заводах в результате пропаганды, которую вели участники «кружка чайковцев», стали уже возникать кружки из рабочих, и Карл Адамович стал деятельным участником одного из таких кружков в Невском районе⁶. Считается, что наиболее деятельным организатором рабочих кружков был А. В. Низовкин, через которого и поддерживались связи с «чайковцами».

В начале 1874 г., когда студенты ринулись для пропаганды в деревни, К. Иванайнен решил отправиться за границу вместе с другим рабочим – С. И. Виноградовым. Там он поработал литейщиком в Женеве и Цюрихе, однако применить полученный в Швейцарии опыт в России, ему не удалось – в мае 1875 г., когда он вернулся в страну, его сразу арестовали и привлекли к дознанию по делу «о преступной пропаганде в империи» (то есть в связи с той пропагандой, которой занимались члены «кружка чайковцев» в деревнях).

3. Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 334. Л. 25–26.

4. Там же. Д. 328. Л. 369, 370.

5. Швецов С. П. Вышневолоцкая тюрьма в 1880 г. // Каторга и ссылка. 1931. № 8-9. С. 142.

6. Левин Ш. М. Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 20.

По воспоминаниям С. П. Швецова, «Иванайнен говорил, что многим обязан своему пребыванию за границей как в смысле общего развития, так и по приобретению технических навыков. Наблюдения на Западе привели его, между прочим, к заключению, что в техническом отношении русский рабочий сам по себе далеко не так плох, по сравнению с европейским, как это тогда часто высказывали, хотя продуктивность его труда, вообще говоря, значительно ниже»⁷. При этом он отмечал следующее: «За немцем – поколения упорного труда, навыков, выдержки. Русский рабочий – весь в будущем. Я убежден, что он выдержит всякую конкуренцию. Пока ему не хватает только школы. Но зато у него есть то, чего нет на Западе – размах и смелость в самой работе, в этом с ним никто не сравнится»⁸. Интересно здесь то, что Карл Адамович полностью отождествлял себя с русскими.

С 4 июня 1875 г. по 15 января 1876 г. он находился в заключении в тюрьме Трубецкого бастиона Санкт-Петербургской крепости⁹. Так как единственной установленной причиной ареста было знакомство с А. В. Низовкиным и посещение тех собраний, что он устраивал (а также «участие в существовавшей среди рабочих кассы, именовавшейся самопомощью, и устроенной для оказания помощи рабочим, нуждавшимся в деньгах и приобретения книг для имевшихся у рабочих библиотек»), К. А. Иванайнена не стали привлекать к суду. Дело о нем было разрешено в административном порядке, и в августе 1876 г. он был освобожден из-под стражи, но при этом подчинен гласному надзору полиции¹⁰.

Это не остановило Карла Адамовича, и сразу после освобождения он продолжил заниматься антиправительственной агитацией, вступил в организацию «Общество друзей», созданную М. А. Натансоном и Н. Н. Хазовым (ставшую костяком партии «Земля и Воля»), и в декабре 1877 г. снова был арестован. Теперь он обвинялся в том, что «посещал сходки и принадлежал к преступному сообществу». Кроме того, именно тогда полиции стало известно о его поездке за границу в 1874 г. и то, что Иванайнен не пожелал дать каких-либо разъяснений по этому поводу, то его посчитали «личностью крайне неблагонадежной» и решили отправить «в одну из отдаленных губерний под надзор полиции».

7. Швецов С. П. Вышневолоцкая тюрьма в 1880 г. С. 144.

8. Там же.

9. РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 1140. Л. 41; Д. 439. Л. 28 об.–55.

10. Там же. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 393. Л. 23–28.

Вместе с ним к дознанию был привлечен и другой уроженец Финляндии – 25-летний Карл Стольберг, который по версии жандармов «принадлежал к преступному сообществу и был в близких отношениях с главным деятелем Натансоном»¹¹. В результате К. Иванайнен был отправлен в Олонецкую губернию, а К. Стольберг – в Вятскую¹². Он поселился в городе Глазове, куда вскоре приехала его жена Ольга, также оказавшаяся под надзором полиции¹³. Их дальнейшая судьба нам пока не известна. Еще одним финским уроженцем, привлекавшимся к этому же делу, стал Вильгельм Прейсман¹⁴. Он также был подчинен надзору полиции, и больше о нем ничего не известно.

К. А. Иванайнен летом 1879 г. прибыл в Пудож, где вскоре оказался замешан в конфликт с полицией, получивший название «грибной бунт». Связан он был с тем, что одна из ссыльных, Э. Л. Улановская, с подругами отправилась «по грибы» на лодке по реке Водле. При возвращении они были задержаны «при попытке к бегству». Когда их под конвоем вернули в Пудож, то группа ссыльных во главе с П. Князевским и К. Иванайненом отбили их у полицейских. Прибывшие вскоре солдаты вновь арестовали девушек. В итоге П. Князевский был выслан в Архангельскую губернию, К. Иванайнен — в Восточную Сибирь, а Э. Л. Улановская — в Вятскую губернию¹⁵.

К. А. Иванайнен был препровожден в Вышневолоцкую тюрьму, а оттуда выслан в Сибирь. В Томске он получил разрешение вернуться в европейскую часть России (в тот момент ряд дел был пересмотрен, в том числе, и дело о его конфликте), после чего он отправился в южные губернии России. В Одессе Карл Адамович вошел в состав народнической группы, занимавшейся пропагандой среди рабочих (одесская рабочая организация была самой крепкой после петербургской), но после того, как в столице был арестован В. А. Меркулов, начавший давать откровенные показания и знавший его, перешел на нелегальное положение и уехал в Москву. Там, после убийства военного прокурора В. С. Стрельникова, был арестован в третий раз и за пособничество в организации покушения был в 1883 г. приговорен Одесским военно-окружным судом к каторжным работам сро-

ком на 15 лет¹⁶. Каторгу отбывал на берегах реки Кары (Карийская каторга) в Забайкальской области, где летом 1887 г. утопился. По отзывам каторжан, «в тюрьме жил замкнуто, сильно тосковал, в вольной команде (куда был выпущен в 1886 г.), запил, почему и кончил жизнь самоубийством»¹⁷.

Таким образом, нам известны имена четырех финляндских уроженцев, принимавших участие в народническом движении, причем трое из них оказались связаны с организацией, носившей название «Общество друзей». Эта группа сформировалась вокруг М. А. Натансона и стала костяком партии «Земля и Воля».

Литература

Валк С. С. Самоубийство Иванайнена // Каторга и ссылка. 1927. № 6. С. 105–109.

Гусакова З. Г. О том, кто жил, о том, что было. Заметки архивиста. Саратов: Наука, 2012. 351 с.

Левин Ш. М. Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 7–27.

Пашков А. М. Политическая ссылка в Олонецкую губернию в годы правления Александра II (1855–1881 гг.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 17. С. 233 – 249.

Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды: «Большое общество пропаганды» 187 –1874 гг. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 312 с.

Швецов С. П. Вышневолоцкая тюрьма в 1880 г. // Каторга и ссылка. 1931. № 8–9. С. 136–196.

11. Там же. Д. 398. Л. 99.

12. Там же. Л. 23, 24.

13. Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 438. Л. 117.

14. Там же. Д. 366. Л. 1.

15. Пашков А. М. Политическая ссылка в Олонецкую губернию в годы правления Александра II (1855–1881 гг.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 17. С. 241.

16. РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 410. Л. 72.

17. Валк С. С. Самоубийство Иванайнена // Каторга и ссылка. 1927. № 6. С. 105.

Датский юрист Хермод Ланнунг – свидетель революционных событий 1917 года в Петрограде

Известный датский юрист, политический деятель и дипломат Хермод Ланнунг прожил очень долгую и полную ярких событий жизнь¹. Он был уважаемым адвокатом, избирался в верхнюю палату датского парламента, затем, после ее ликвидации, вошел в качестве депутата в уже однопалатный парламент Дании – фолькетинг. Он посвятил свою жизнь борьбе за сближение народов, работал в ООН. С момента создания в Дании в 1924 г. общества дружбы с Россией, был его членом, а последние 22 года жизни – президентом².

1. Следует отметить, что при рождении он получил имя Lars Hermod Skræntskov Larsen. Под фамилией Ларсен он работал в России в первый период. После его возвращения в 1919 г. он и его три брата одновременно сменили фамилию Ларсен на Ланнунг. В единственной биографии Ланнунга говорится, что их отец также сменил фамилию, но это не соответствует действительности (*Nielsen H. Hermod Lannung. En uforbederlig idealist. København, 1987. S. 7*).

2. Landsforeningen til samvirke mellem Danmark og Sovjetunionen, с 1992 г. Dansk-Russisk Samvirke. Автор этих строк имел несколько личных встреч с Ланнунгом. Самая первая произошла в 1974 г., когда Ланнунг стал президентом общества «Дания–СССР». Будучи секретарем Ленинградского отделения общества «СССР–Дания», я вместе с активистами встречался с датскими гостями в Доме дружбы на Фонтанке (Шуваловский дворец). Но на этот раз Ланнунг через «Интурист» попросил меня одного приехать к нему в гостиницу «Астория». Я знал, что ему много лет (79, как я знаю теперь), подумал, что ему трудно передвигаться, и приехал в гостиницу. Оказалось, что по энергии он был не нам, молодым, чета; всегда активный, соглашался на любые встречи, беседы и посещения. В этот день он принял участие в каких-то программах, вечером собрался в театр, но у него оставались час-полтора, которые он хотел потратить на знакомство с деятельностью ленинградского отделения общества «СССР–Дания». Он встретил меня в холле гостиницы, провел в свой номер и использовал «час-полтора» на все сто. «Не будем включать яркий свет», – сказал он, и в полумраке долго расспрашивал про жизнь города, про работу общества «СССР–Дания». И сам рассказывал много о пребывании в Петрограде в 1917–1918 гг. Он много раз упомянул Сергиевскую улицу. Помню рассказ, как он ходил по Невскому проспекту в июле, когда вокруг стрельяли. Тогда все думали, что уже в июле начнется новая революция, говорил мне Ланнунг. Потом после занятия Зимнего дворца он ходил по Дворцовой площади. Рассказывал об ожидании в приемной Ленина. Затронул он и период 1922–24 гг., когда был членом штаба Нансена, и о похоронах Ленина. Он всегда оказывался там, где что-то происходит. Я имел еще несколько встреч с Ланнунгом, одна особенно памятная. На датском отделении ЛГУ/СПбГУ в 1978 г. возник Датский Драматический Театр (ДДТ), который играл датские пьесы на датском языке. Прорыв произошел в 1984 г. – это был год 300-летия со дня рождения основателя скандинавского театра, выдающегося представителя драматургии Дании и Норвегии Людвиг Хольберга. Поначалу это были совсем небольшие отрывки из комедий «Йеппе с горы» и «В комнате роженицы». Потом спектакль постепенно расширился и превратился в сокращенный вариант двух комедий при сохранении их сюжетного стержня. Этот спектакль был показан на большой сцене Ленинградского Дома дружбы для гостей из Скандинавии, когда 19 июня 1984 г. отмечалось 60-летие установления дипломатических отношений между Данией и СССР. Президент Общества дружбы «Дания–СССР» Хермод Ланнунг присутствовал на спектакле, внимательно смотрел и потом сказал,

В 1978 г. Ланнунг опубликовал книгу «Моя русская юность 1917–19 и 1922–24»³. Она в любом случае имела бы большую ценность, как воспоминания 80-летнего человека о важных событиях, свидетелем которых он был⁴. Но это и важный исторический документ, поскольку в ней используются многочисленные, часто очень подробные письма Ланнунга родственникам и знакомым, его дневниковые записи того времени и фрагменты довольно большого числа статей, которые он посылал в датские и иностранные газеты, правда без указания имени автора. Вообще он писал много и одно время даже думал стать журналистом.

Книга рассказывает о двух периодах пребывания в России, каждый из которых делится на две части. Началось с того, что 22-летний Ланнунг, только что сдавший экзамен за первую половину юридического курса в Копенгагенском университете весной 1917 г., прочитал в газетах, что после вступления в мировую войну США не могут представлять интересы Австро-Венгерской империи в революционной России, эту миссию будет выполнять нейтральная Дания. В связи с этим МИД Дании искал кандидатов для работы. Ланнунг немного знал русский язык, хотел посмотреть мир и пришел в МИД⁵. Вид у него был весьма юный, и сотрудник МИД отреагировал кратко: «Это не для детей!»⁶. Но решения принимал советник Скоу, который впоследствии стал его начальником в Петрограде. Во время их беседа выяснилось, что оба были в Англии в одном колледже, что, возможно, повлияло на положительное решение, по крайней мере, так пишет автор. Он был принят на работу 1 мая 1917 г.

С мая 1917 г. по июль 1918 г. Ланнунг в Петрограде. В начале мая большая группа датчан поехала в Россию на поезде через Швецию, что было единственно возможным путем в то время, пересекла границу в северной Финляндии, которая в этот момент была частью

что это было «замечательно». Некоторых участников спектакля «Йеппе с горы» (Йеппе – Виктор Воробьев и Нилле – София Бояринова) он хотел бы видеть на сцене Королевского театра в Копенгагене, где тогда шла эта комедия. В каком-то смысле так и получилось. В декабре в Москве был вечер, посвященный юбилею, на который ДДТ пригласили с оплатой дороги и гостиницы. В зале оказался представитель датского телевидения Лайф Давидсен (сейчас известный писатель), который передал репортаж в Данию. Тогда был только один канал ТВ, и в одну из суббот вся Дания увидела русских студентов, игравших датскую пьесу на датском языке.

3. *Lannung H. Min russiske ungdom 1917-19 og 1922-24. København, 1978. 198 s.*

4. Перевод на русский язык части данной работы, касающейся революционных событий в Петрограде осенью 1917 г. см.: *Хермод Ланнунг. Моя русская юность // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17 (2). С. 177-191.*

5. *Lannung H. Min russiske ungdom 1917-19 og 1922-24. S. 7.*

6. *Ibid. S. 8.*

Российского государства, затем границу Финляндии с Россией в Белоострове⁷. Они прибыли в Петроград и разместились в бывшем посольстве Австро-Венгрии на Сергиевской улице (ныне улица Чайковского) в доме № 10⁸. Огромный дом был построен архитектором Г. А. Боссе в 1857–1860 гг. для графини Е. М. Бутурлиной. Случайно оказалось, что в доме напротив находилась Датская амбулатория, над входом в который развевался датский флаг⁹.

Задача представительства состояла в оказании помощи австро-венгерским военнопленным и интернированным гражданским лицам, каковых в России было от полутора до двух миллионов человек. Люди разных национальностей, входивших в лоскутную Австро-Венгерскую монархию, не очень охотно сражались за свое государство, вспомним историю одного чеха — бравого солдата Швейка, и легко сдавались в плен. В новом представительстве работало 30 датчан, что было гораздо больше, чем в миссии (посольства были только у крупных держав) Датского королевства, расположенной в тот момент на Миллионной улице. Ланнунг пишет, что Густав Расмуссен, один из приехавших вместе с ним, позже стал министром иностранных дел Дании после 1945 г.¹⁰ Очевидно, что отбирали достойных кандидатов, для них это был хороший старт в жизни. Ланнунг занимался финансовыми вопросами в отделении военнопленных.

В книге подробно описываются условия жизни. Здание напоминало осажденную крепость, мешки с песком в окнах на улицу, ворота с вооруженной охраной и т. п., поскольку в городе часто стреляли, бывали грабежи¹¹. Начинался голод, была нехватка всего необходимого. Когда Ланнунг однажды поехал на поезде в Павловск, то понял, что значит переполненный поезд, люди ехали не только внутри вагонов, но и на ступеньках, на крыше¹².

Ланнунг наблюдал за жизнью революционного Петрограда, часто ходил на Марсово поле, на Невский проспект. В июльские дни толпы людей шли с красными флагами, пели Марсельезу и кричали «Долой капиталистов!», «Долой Временное правительство!»¹³. Их

7. Ланнунг мимоходом замечает, что в советское время город стал называться Красноостров. Так действительно было до 1940 г.

8. *Lannung H. Min russiske ungdom 1917-19 og 1922-24.* S. 11.

9. *Ibid.* S. 13.

10. *Ibid.* S. 8.

11. *Ibid.* S. 11.

12. *Ibid.* S. 13.

13. *Ibid.* S. 27.

сменяли несущие черные флаги анархисты. Когда появились казаки с шашками наголо, соседи Ланнунга закричали казакам «Ура!» и зааплодировали. Он признается, что присоединился к ним. Но потом появился «броневик большевиков», как он пишет, пулемет нацелился на казаков. Все аплодировавшие, и он в том числе, попрятались по соседним дворам. Впрочем, больше ничего в этот момент не произошло. Но в других местах происходили ожесточенные схватки со стрельбой, убитыми и ранеными. Рядом с датским представительством на углу Литейного проспекта и Сергиевской улицы были воздвигнуты баррикады¹⁴. Только разведение мостов в центре города воспрепятствовало столкновению революционно настроенных масс, находившихся на правом берегу Невы, и проправительственных войск на левом.

Однажды в августе он совершил, как он пишет, «маленькую интересную поездку в крепость на острове Кронштадт, бывшем базой революционных матросов, очень хотелось увидеть как можно больше»¹⁵. Территория была военной базой, его немедленно арестовали и несколько часов выясняли, не является ли он германским шпионом, но потом отпустили¹⁶. Больше всего его удивляло, что в эти же самые дни в театрах шли спектакли, в том числе французского театра на французском языке, которые он с удовольствием посещал¹⁷.

Самое главное произошло осенью. Уже 1 ноября по новому стилю в письме домой Ланнунг написал: «Здесь ждут больших событий в ближайшие дни»¹⁸. С 6 по 11 ноября он тщательно записывал происходящее в городе, отрывки из дневника воспроизводят, что он видел. Накануне занятия Зимнего дворца он ходил по Дворцовой площади, видел баррикаду из дров, охранявших дворец юнкеров и женский «батальон смерти»¹⁹. Ночью в городе были слышны взрывы, выстрелы. Вернувшись на площадь на следующий день, он увидел покрасневший снег, но, как пишет автор, это были не следы крови, а следы грабежа дворцовых винных подвалов. По площади прогуливались офицеры с дамами в мехах с довольным видом, им казалось, пишет Ланнунг, что произошедшее означает конец революции и возврат к

14. *Ibid.* S. 29.

15. *Ibid.* S. 32.

16. *Ibid.* S. 33.

17. *Ibid.*

18. *Ibid.* S. 39.

19. *Ibid.* S. 45.

старым временам. Они не знали, как они ошибаются, ведь их ждало самое мрачное будущее²⁰.

Ланнунг всю жизнь был активным членом датской радикальной партии, которая была правящей в 1913–1920 гг. Он не скрывает, что из российских политических партий ему больше других нравились социалисты-революционеры (эсеры), и был рад, когда эта партия получила максимум мест на выборах в Учредительное собрание. Но, как известно, у этого собрания была весьма короткая жизнь.

В ноябре началась новая эпоха, новые правила жизни, появились новые люди. Ланнунг лично встречался с очень многими из тех, о ком тогда и позже писали и говорили. Например, к ним в представительство несколько раз приходил Троцкий с просьбой передать через их курьера письма в Европу²¹. При угрозе занятия Петрограда германскими войсками правительство переехало в Москву в марте 1918 г.

Ланнунг в Москве в июле 1918 – марте 1919 гг. Он хорошо проявил себя на работе в Петрограде, и Датский Красный Крест, имевший представительство в Москве, предложил ему переехать туда и занять должность секретаря – вторую по важности²². В реальности он часто выполнял обязанности руководителя представительства, которое оказывало помощь любым иностранцам, оказавшимся в трудном положении на территории всей страны.

Ланнунг делится с читателем рассказами о многом из того, что происходило в Москве. Сразу после приезда он оказался свидетелем событий 6 июля, когда эсерами, которые поддерживали большевиков, но выступали против Брестского мира, был убит германский посол фон Мирбах. Возникла опасность возобновления войны с Германией, судьба советской власти висела на волоске. Посмотрев позже советский фильм «6 июля», Ланнунг сказал, что хронология событий там показана очень близко к исторической, только персонажи фильма были одеты слишком хорошо, в то время как все люди, включая руководителей, тогда выглядели по-другому²³.

Для оказания помощи иностранным гражданам были необходимы поездки сотрудников Датского Красного Креста по всей стране. Датчанин по имени Карл Кребс должен был совершить поездку

по Сибири, для чего получил документы с печатями и подписями многих московских руководителей. Но чтобы чувствовать себя совершенно уверенно, он захотел также получить документ о своих полномочиях за подписью председателя Совнаркома. Для посещения Ленина после больших хлопот были получены три разных пропуска. Ланнунг и Кребс вдвоем прибыли в Кремль, дошли до приемной перед кабинетом Ленина и сели. Ожидание продолжалось долго. Другие посетители входили и выходили, они ждали. Наконец, секретарь попросил их дать ему документ и вынес с желанной подписью. Впоследствии документ очень помог спутнику Ланнунга во время пребывания в Сибири. В тех местах, где у власти были большевики, подпись действовала безотказно. Когда же Кребс оказывался в других местах, то прятал мандат в носки. Поездка закончилась благополучно²⁴.

Ланнунгу тоже пришлось совершать поездки, в частности съездить на Украину для обсуждения вопросов о военнопленных²⁵. Это произошло после победы революции в Германии в ноябре 1918 г., Украина была независимой с гетманом во главе, но все вопросы решались остававшимися германскими властями. Поездка показалась настоящей авантюрой, но закончилась благополучно. В марте 1919 г. Ланнунг вернулся в Данию, Датский Красный Крест завершил свою деятельность в России в июле.

Ланнунг работал также на Украине в августе 1922 – мае 1923 г. 1921 г. в южной России и на Украине был неурожайным в связи с небывалой засухой, а также из-за политики властей по отношению к крестьянам, которые не были заинтересованы в увеличении производства, а напротив сокращали посевы. В 1922 г. в стране начался голод. Хорошо известно, что в борьбе с голодом неоценимую роль сыграл верховный комиссар по делам беженцев Лиги Наций Фрильоф Нансен (1861–1930), удостоенный за свой большой вклад Нобелевской премии мира в 1922 г.²⁶

Принял участие в оказании помощи голодающим и Ланнунг, который к этому моменту завершил юридическое образование. Европейское бюро по оказанию помощи студентам (European Student Relief) в июне 1922 г. обратилось к Ланнунгу, имевшему опыт работы

20. Ibid. S. 55.

21. Ibid. S. 75.

22. Ibid. S. 80.

23. Ibid. S. 82.

24. Ibid. S. 90.

25. Ibid. S. 98.

26. Ibid. S. 127.

в России и знавшему русский язык, с просьбой стать ее представителем в деле оказания помощи студентам. При этом он одновременно должен был войти и в состав миссии Нансена, которая оказывала помощь работникам интеллектуального труда: профессорам и научным работникам. Прибыв сначала в Москву, он от властей получил мандат: «Все органы ЧК должны оказывать всевозможную защиту и помощь г-ну Ланнунгу, который имеет право свободного передвижения по России»²⁷.

Основным местом пребывания Ланнунга в первый год был Харьков, тогдашняя столица Украины, но он нес ответственность за всю южную Россию, Украину и Крым. По дороге из Дании в Харьков, которая заняла несколько недель, Ланнунг заразился тифом и по прибытии попал в больницу. К счастью, перед поездкой он получил большое количество прививок, и болезнь была не очень долгой. Используя необходимые средства, получаемые из-за рубежа, представительство организовало сначала одну, а затем еще несколько столовых, где питались харьковские студенты. Поправившись, Ланнунг стал ездить в другие южные города, в частности Ростов и Новочеркасск, для организации таких же столовых, в этих целях ему был выделен особый вагон. Как особо важное событие Ланнунг выделяет приезд в Харьков Фритьофа Нансена, которого принимали очень торжественно, в его честь был устроен большой праздник²⁸.

Ланнунг пишет также, что среди сотрудников представительства был норвежец Квислинг, который позже стал известен как глава пронацистского правительства Норвегии в годы Второй мировой войны и после войны расстрелян по приговору норвежского суда. У Ланнунга сложилось негативное мнение об этом человеке²⁹.

В мае 1923 г. Ланнунг стал руководителем работы Европейского бюро по оказанию помощи студентам во всей России с пребыванием в Москве. В этой роли он совершил несколько поездок в города Поволжья (Самара, Саратов, Казань), на Кавказ (Ереван, Тифлис) и в Крым. Очень детально описывает он похороны В. И. Ленина в морозном январе 1924 г.³⁰ Неоценимая помощь, организованная Фритьофом Нансеном, в которой принял участие также и Ланнунг, помогла сохранить жизнь многим представителям интеллигенции

России и Украины и мемуары Ланнунга дают об этом весьма ценный исторический материал.

Литература

Возгрин В. Е. Датчане в революционном Петрограде // *LiteraruS*. 2013. № 4. С. 8-14.

Возгрин В. Е. Корреспонденция Харальда и Анны Скавениус как источник по истории Петербурга: события в России 1917 года глазами датского дипломата // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. 2014. № 15. С. 166-186.

Гехт А. Б. Мемуары У. Ашберга «En vandrande jude från glasbruksgatan» как источник изучения внешнеэкономических связей большевиков. 1917–1924 // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. 2017. № 18 (1–2). С. 146–152.

Дания и Россия – 500 лет. М.: Международные отношения, 1996. 366 с.

Коваленко Г. М. Советская Россия 1920-х гг. глазами Туре Арне // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. 2016. № 17 (1). С. 54–60.

Хермод Ланнунг. Моя русская юность // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2017. № 17 (2). С. 177–191.

Nielsen H. Hermod Lannung. En uforbederlig idealist. København: Hermod Lannung Fonden, 1987. 198 s.

Lannung H. Min russiske ungdom 1917–19 og 1922–24. København: Gyldendal, 1978. 198 s.

27. Ibid. S. 132.

28. Ibid. S. 148

29. Ibid. S. 159-166.

30. Ibid. S. 178-184.

«Эшелоны направлять в Выборг».

Гарнизон Выборгской крепости в декабре 1917 – январе 1918 гг.

К лету 1917 г. численность русского военного корпуса в Финляндии достигла своего максимума и составила ок. 125 тыс. человек¹. В Выборгской крепости в этот период была сосредоточена самая крупная в Финляндии группировка русских войск – около 10–12 тыс. человек. Это были подразделения сформированного в 1915 г. 42-го Армейского корпуса, штаб которого с 1917 г. располагался в Выборге, и командование которого было напрямую подчинено командованию Петроградского военного округа. Войска выборгского крепостного гарнизона включали в себя три пехотных полка, артиллерийский полк и склад, саперную и минную роты, искровую станцию, а также «национальные» роты.

С началом русской революции в воинских частях Финляндии началось формирование Советов и солдатских комитетов, которые неуклонно наращивали свое влияние в армии. Процесс демократизации армии развивался столь стремительно, что армейское командование очень быстро потеряло контроль над дисциплиной в войсках. Разгул революционной анархии в Выборге вылился 29 августа (11 сентября) в самосуды над офицерами, которых взбунтовавшиеся солдаты заподозрили в поддержке корниловского выступления. Среди убитых были командующий корпусом генерал В. А. Орановский и командир Выборгской крепости генерал-майор Ф. В. Степанов².

Новое командование 42-го корпуса уже не представляло собой независимую от солдатских организаций силу. Временно исполняющим обязанности командующего корпусом стал первый председатель Выборгского Совета капитан М. М. Елизаров, которого в октябре сменил в должности генерал-лейтенант Д. Н. Надежный, «демократически настроенный» боевой офицер, который в начале 1918 г. добровольно вступит в Красную армию. Новый командир Выборгской крепости, капитан Финляндского радио-телеграфного дивизиона

1. Дубровская Е. Ю. Население Финляндии и российские военные: проблемы взаимного восприятия в годы Первой мировой войны // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 82.

2. Dubrovskaja E., Vesterlund L. «Upseerin uimakoulu». Viipurin upseerisurmat syyskuussa 1917 // Venäläissurmat Suomessa 1914–22. Osa 1. Sotatapahtumat 1914–17. Helsinki: Valtioneuvoston kanslia, 2004. S. 201.

Обернибесов был не назначен, а избран на должность на совместном заседании Выборгского Совета солдатских и рабочих депутатов и Армейского комитета 42-го армейского корпуса³.

На протяжении лета и осени 1917 г. в выборгских воинских частях велась открытая политическая агитация под лозунгами «защиты завоеваний революции». В Выборгском Совете власть последовательно смещалась в пользу членов РСДРП(б), которые должны были обеспечить поддержку захвату власти большевиками в Петрограде. Накануне событий 25 октября, в Петроград из Выборга был отправлен сводный отряд пехоты и артиллерии под командованием В. С. Найдковского. На следующий же день в Выборге состоялось экстренное заседание армейского исполнительного комитета корпуса, на котором было принято решение об образовании Военно-революционного комитета (ВРК) 42-го отдельного армейского корпуса, председателем которого стал большевик Г. З. Заонегин, утвержденный в начале ноября в должности комиссара армкома (армейского комитета). На ВРК была возложена задача контроля над деятельностью штаба корпуса. На следующий день ВРК призвал солдатские массы быть «в полной готовности к отражению натиска врага и контрреволюционных походов»⁴. Еще один ВРК был создан при выборгском Совете солдатских и рабочих депутатов. Его возглавил И. Цишевский.

Именно с деятельностью Военно-революционных комитетов при русских воинских частях связано начало вооружения формирующихся отрядов финской красной гвардии. Так, 5 ноября ВРК принял решение о выдаче финским красногвардейцам 250 винтовок «для несения ими караула по городу и реквизиции хлебных запасов»⁵. В декабре из Петрограда через Выборг в Гельсингфорс (Хельсинки) и Лахти велись поставки патронов, винтовок и пулеметов для финских красногвардейцев. Руководивший этими поставками Ю. Рахья даже не делал попыток скрыть перемещение оружия, требуя у таможенных и пограничных чиновников предоставления вагонов и пропуска грузов без таможенного досмотра⁶.

Состоявшийся 25–29 ноября в Выборге IV съезд Областного исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии окончательно закрепил власть большевиков над воинскими подраз-

3. Kansallis Arkisto (далее: КА). VeSA. 5936 Viipurin linnoitus. Käskyt, puhelinsanommat ja muita asiakirjoja 1916–1918.

4. Базанов С. Н. Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014. С. 39.

5. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 526. Оп. 1. Д. 4. Л. 470.

6. Финляндия в печати. 1917. № 15. 05 декабря. С. 18.

делениями Выборга. Выработанный участниками съезда «Наказ» содержал утверждение о том, что Областной комитет отныне является «верховным органом власти для русского населения в Финляндии»⁷. Подчинивший себе жизнь русского населения Финляндии Областной комитет возглавлял И. Т. Смилга, став т.н. «высшим представителем Ленинского правительства в Финляндии»⁸. Именно Областной комитет уже в конце ноября 1917 г. начал переброску войск из Финляндии в распоряжение Петроградского ВРК для отправки их «на борьбу с войсками Каледина и Радой»⁹. Выборг стал тем местом, где производилась перегруппировка войск. Петроград требовал от местных ревкомов спешного формирования боевых отрядов, а также реквизиций продовольствия. Характерна телеграмма, отправленная 10 декабря 1917 г. помощником комиссара 2-го Армейского корпуса Власенковым комиссару 106-й дивизии: «требую самых энергичных мер быстрому формированию отряда. Эшелоны направлять в Выборг. Забрать сколько можно патрон, необходимые патронные двуколки и двуколки для подвоза продовольствия по две на 250. Забрать хлеба, мяса, сухарей, консервов. Консервы можно дать в Выборге. О времени отправления эшелонов телеграфируйте. Помкомиссаркор Власенков»¹⁰. Подготовка отрядов велась столь спешно, что солдаты даже не понимали, куда их переправляют – ведется ли расформирование подразделений, отправляют ли их на фронт или на борьбу с войсками генерала А. М. Каледина. Весьма красноречива телеграмма, в которой названный выше Власенков жалуется председателю дивизионного комитета 106-й дивизии Закревскому, что прибывшие в Выборг солдаты Лужского полка обсуждают куда и зачем их везут: «я не знаю, кто в этом виноват, но факт тот, что люди не были подготовлены надлежащим образом»¹¹.

В этот же период по постановлению армкома из представителей разных воинских частей формируется комиссия по реквизиции фуража, причем в состав комиссии требуются солдаты, говорящие по-фински¹². Т.о. командование корпусом напрямую руководит грабежом финского населения.

7. Базанов С. Н. Великая война: как погибала Русская армия. С. 42.

8. Финляндия в печати. 1917. № 20. 10 (23) декабря. С. 5.

9. Подробно о пересылке войск и вооружений из Финляндии в Петроград см.: Базанов С. Н. Великая война: как погибала Русская армия. С. 40.

10. KA. VeSA. 3846. Venäjän armeijan vallankumous ja sotilaskomiteat. 42. Armeijakuntan komiteoiden puhelinsanommat 1917–1918.

11. Ibid.

12. Ibid.

Провозглашение независимости Финляндии в декабре 1917 г. изменило статус русского военного корпуса в Финляндии. Теперь русские войска воспринимались финляндцами как обуза, чужеродный элемент и даже как враг. Даже финские социалисты в этот период начинают относиться к русским войскам с недоверием, а напуганное реквизициями население склонно случаи насилия и грабежей связывать с русскими солдатами. Основания для того, чтобы обвинять русских военных в криминальных действиях были. Неопределенность положения русских солдат в Финляндии эти действия, в некотором роде, провоцировала. Так, например, 1 (14) января 1918 г. приказом № 22 Военного отдела Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, был объявлен в розыск «Иван Константинович Рылов, имеющий документ начальника хозяйственной части Первого выборгского крепостного полка, похитивший 180000 марок казенных денег, которые должен был отвезти в Выборг»¹³. Подобный случай хищения денег не был единичным.

Прямым проявлением падения дисциплины стал и отказ солдат от несения караульной службы. О том, что уклонение от своих обязанностей и неподчинение армейским комитетам стало в воинских частях распространенным явлением, говорит, например, протокол заседания армейского комитета от 3 января 1918 г., на котором обсуждался отказ артиллеристов 509-го и 511-го полков от несения караульной службы в пределах Выборгской крепости, о неподчинении мусульманского маршевого батальона комитету Выборгского крепостного артиллерийского полка и о необходимости привлечения 1-го польского батальона к несению караульной службы по главной выборгской гауптвахте¹⁴.

В декабре в аркоме 42-го армейского корпуса, возглавляемого к тому времени А. Раковым, бывшим фельдшером 2-го Выборгского крепостного полка, поступила телеграмма главковерха (верховного главнокомандующего) Н. В. Крыленко: «...в настоящее время в срочном порядке разрабатывается план перехода от постоянной армии к всеобщему вооружению народа, ввиду чего приказываю солдатам, увольняемым от службы, оружия и снаряжения не выдавать»¹⁵. Вооруженные отряды, название которых поначалу никак не опреде-

13. Социалист революционер. 1918. № 2. 4 (17) января. С. 4.

14. Голос финляндской армии. 1918. № 3. 21 января. С. 22.

15. KA. VeSA. 5936 Viipurin linnoitus. Käskyt, puhelinsanommat ja muita asiakirjoja 1916–1918.

лено, начинают формироваться при аркоме 42-го армейского корпуса: «Армейский комитет и Выборгский Совет идет в ряды бойцов победить или умереть. Товарищи солдаты и бывшие офицеры, мы ждем вас постоять за правое дело, нам обеспечена поддержка пролетариата всего мира. Окрылите себя верою в успех святого дела. Немедля часу являйтесь в Выборг, где формируются отряды всех родов оружия». К началу января название для новой армии, все же появилось – народно-социалистическая гвардия. Условием вступления в нее был «возраст не менее 18 лет, политическое направление на платформе Советской власти, обязательство пробыть в армии не менее 6 месяцев, подчинение выборным организациям и выборному командному составу в полном сознании долга и необходимости революционной дисциплины»¹⁶. Руководство армкома особенно настойчиво вело агитацию среди демобилизующихся солдат старших сроков службы, призывая их добровольцами вступать в ряды «красной революционной армии»¹⁷. Несмотря на немалые усилия, принятые Комитетом, трудно представить себе, чтобы попытка создания «демократической» армии оказалась успешной.

В середине января в Выборге произошли события, которые привлекли к себе всеобщее внимание и потребовали от руководства аркома 42-го армейского корпуса принять, наконец, решение по вопросу, сохраняет ли русская армия нейтралитет в отношении формирующихся отрядов финской красной и белой армии, либо поддержит одну из сторон. 13 (26) января в газете «Социалист-революционер» была опубликована телеграмма за подписью председателя армкома 42-го армейского корпуса А. Родионовского, в которой сообщалось, что в Выборге «в ночь с 6 на 7 января с.г. между красногвардейцами и белогвардейцами произошло вооруженное столкновение и стрельба на улицах в центре города. Проходившие по улице солдаты гарнизона подверглись обстрелу и двое из них были ранены. Армейский комитет и Выборгский Совет для восстановления порядка и общественной безопасности солдат и русских граждан, выслали усиленные караулы на улицы города. Стрельба не прерывалась. Солдатами и красногвардейцами был обнаружен штаб в здании мебельной фабрики, откуда производилась усиленная стрельба из винтовок. Часть солдат и красногвардейцев ворвались

16. Голос финляндской армии. 1918. № 2. 14 января. С. 6.

17. KA. VeSA. 3846. Venäjän armeijan vallankumous ja sotilaskomiteat. 42. Armeijakuntan komiteoiden puhelinsanommat 1917–1918.

в здание и обнаружили там два пулемёта, один пулеметный замок, 60 винтовок японского образца, в большинстве без затворов, фунтов 15 пороха, ящик пироксилина и ящик ручных бомб, все это с германской маркой заготовки 1917 г.». Оружие было конфисковано и отправлено на артиллерийский склад, часть винтовок попала в руки красногвардейцев. Заканчивалась телеграмма уверением в том, что «меры к ограждению крепости и солдат от каких-либо беспорядков приняты»¹⁸. Журнал «Голос финляндской армии» излагает события несколько иначе: «Красной гвардией были получены сведения о закупке местной буржуазией оружия и Штаб гвардии решил воспрепятствовать этому вооружению. Было приказано произвести обыски. В здании... мебельной фабрики Пиэтинена засел отряд белогвардейцев в количестве 50–60 человек. Стянув туда силы, красные начали планомерную осаду и проникну(ли) затем после перестрелки. В здании фабрики обнаружили целый склад оружия»¹⁹. Ночью и на следующий день в разных частях города не прекращались перестрелки. В результате этих событий было убито два русских военнослужащих и несколько ранено²⁰.

В буржуазной прессе на эти же события отреагировали противоположным образом. Газета «Дагенс-Пресс» сообщала 24 января: «Выборг пережил дни ужаса. Свирепствовали красные банды в союзе с русскими солдатами. Угрозою бомбардировки города охранные дружины (шюцкор – авт.), поспешившие со всех концов Карелии на помощь, были вынуждены покинуть Выборг. Согласно сообщениям, теперь по приказанию главнокомандующего русскою армиею Крыленко должно бы последовать там всеобщее разоружение. Главнокомандующий имеет полное основание требовать возвращения оружия, переданного русскими солдатами красным бандам. Было бессовестным преступлением давать оружие в руки безответственным, на низком уровне нравственного развития стоящим, отчасти из явных преступников состоящим шайкам. Давно пора было потребовать возвращения этих ружей. Но что касается дружин охраны, дружин общественного порядка и оружия, им принадлежащего, то до них прапорщику Крыленко никакого дела нет. Приказ о разоружении этих дружин не имеет силы. Он нарушает нейтральное положение Финляндии и право финляндских граждан вооружаться

18. Социалист-революционер. 1918. № 9 (141), 13 (26) января. С. 4.

19. [А.К.] Красные и белые // Голос финляндской армии. 1918. № 2. 14 января. С. 13.

20. Karjalainen. 1918. № 13. 22. Tammikuu. S. 2.

против грабителей, как своих, так и иноземных. <...> наступает время для сведения счетов с находящейся здесь русской солдатчиной. Правительство пусть не отступает перед принятием самых энергичных мер»²¹.

Во вторник, 9 (21) января в Выборгский Совет обратилась депутация от Белой гвардии, требовавшая восстановления порядка и пытавшаяся осторожно узнать, сохраняют ли русские войска нейтралитет в складывающемся противостоянии²². По горячим следам армком провел совещание, на котором было принято решение: «принимая во внимание сохранение боевого значения крепости... на улицах г. Выборга не допускать появления вооруженных лиц без различия к красной или белой гвардии они принадлежат. Все вооруженные лица будут немедленно разоружены»²³. Однако это сообщение очень быстро было аннулировано, вероятнее всего, в связи с поступившими из Петрограда указаниями.

Новое распоряжение по Выборгской крепости основывалось на решении пленарного заседания армкома, Крестьянской армейской секции и Военного комиссариата от 11 января: «в связи с выступлениями финской белой гвардии против русских войск... создать революционный штаб 42 корпуса по борьбе с финской буржуазной гвардией в лице товарищей Власенкова, Половова и Панышина... Буржуазной гвардии предъявлен ультиматум о выдаче оружия в 36-и часовой срок. При отклонении ультиматума войска корпуса будут объявлены в состоянии военных действий по отношению к белой финской гвардии, а потому предлагается всем частям немедленно быть готовыми к боевым действиям против упомянутой гвардии»²⁴.

12 января сейм Финляндии предоставил сенату чрезвычайные полномочия по наведению в стране «строго порядка» и признал шюцкор правительственными войсками. В воззвании Сената «К финскому народу», осуждалось «грубейшее вмешательство» русских войск во внутренние дела Финляндии. Ситуация таким образом существенно осложнилась, и командование 42-го армейского корпуса 16 января приняло на себя всю ответственность за состояние обо-

роны войск корпуса, попутно упразднив новосозданный революционный штаб²⁵ и аннулировав этим выставленный белой гвардии ультиматум.

Атаки отрядов белой гвардии на русские воинские части, между тем, продолжались, а красногвардейцы все более настойчиво требовали от русских войск помощи оружием и боеприпасами. В 20-х числах января армейский комитет обсудил со штабом корпуса вопрос о поставках оружия красногвардейцам, и 26 января красногвардейцам было выдано «300 штук винтовок и по 60 штук на каждую винтовку патронов»²⁶, а на следующий день из Петрограда в Финляндию отправился эшелон с оружием для красногвардейцев. На станции Камяря (ныне Гаврилово) отряды белой армии попытались поезд задержать. С этого сражения, продолжавшегося несколько часов и закончившегося победой красных финнов, в Финляндии началась гражданская война.

Литература

Базанов С.Н. Великая война: как погибала Русская армия. М.: Вече, 2014. 384 с.

Гражданская война в Финляндии (1918 г.). Публ. С. Маркова // Красный архив. 1940. № 2 (99). С. 15–51.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 128 с.

Дубровская Е. Ю. Население Финляндии и российские военные: проблемы взаимного восприятия в годы Первой мировой войны // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 80–89.

Забавская Н. И. Участие военнослужащих русской армии в гражданской войне в Финляндии по воспоминаниям очевидцев событий // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год. СПб.: Издательство Остров, 2012. С. 34–50.

Новикова И. Н. Деятельность русских организаций в Финляндии в 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001. С. 47–51.

Смолин А. В. «Первая советско-финляндская война 1918–1920 гг.» историкографические мифы или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 271–278.

25. Ibidem.

26. Предписание армейского комитета 42 армейского корпуса коменданту Выборгской крепости 26 (13) января 1918 г. / Гражданская война в Финляндии (1918 г.). Публ. С. Маркова // Красный архив. 1940. № 2 (99). С. 39.

21. Финляндия в печати. 1918. № 40. 13 (26) января. С. 13.

22. [А.К.] Красные и белые. С. 12.

23. KA. VeSA. 5936 Viipurin linnoitus. Käskyt, puhelinsanommat ja muita asiakirjoja 1916–1918.

24. Ibid.

Терашкевич А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Том 17 (№2). Выборг, 2016. С. 70–73.

Шкваров А. Г. Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914–1918): проблемы взаимоотношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 109–119.

Dubrovskaja E., Vesterlund L. «Upseerin uimakoulu». Viipurin upseerisurmat syyskuussa 1917 // Venäläissurmat Suomessa 1914–22. Osa 1. Sotatapahtumat 1914–17. Helsinki: Valtioneuvoston kanslia, 2004. S. 185–216.

Проблемы демаркации русско-финской морской границы в 1918 г.

Появление в Финском заливе германской эскадры и создание финнами своего флота из бывших русских судов, поставили перед командованием Балтийского флота задачу по обеспечению безопасности главной морской крепости и по сути базы Балтийского флота — Кронштадта. Опасность, заключалась в том, что русские военные корабли по Брестскому договору не могли выходить из Кронштадта. Нельзя было исключить возможность появления германского флота вблизи от Кронштадта. При неблагоприятном развитии событий русские корабли могли быть атакованы и уничтожены в кронштадтской гавани. Отсутствие демаркационной линии приводило так же к постоянным конфликтам в Финском заливе между Советской республикой и Финляндией, поскольку каждая из сторон понятие территориальные воды толковала в свою пользу.

Учитывая сложившуюся обстановку, Высший военный совет 25 апреля 1918 г., принял решение немедленно начать переговоры с германским морским командованием и финляндским правительством об установлении в Финском заливе временной демаркационной линии. В случае отказа, начальнику морских сил Балтийского моря А. П. Щастному, предлагалось обеспечить надлежащие меры сторожевого охранения кораблей флота¹.

28 апреля 1918 г. Щастный направил старшему морскому начальнику в Гельсингфорсе контр-адмиралу А. П. Зеленому телеграмму, в которой потребовал незамедлительно обратиться к представителям германского морского и финского командования с просьбой об установлении демаркационной линии в Финском заливе². О важности этого вопроса свидетельствует телеграфная переписка, которая происходила между Щастным и Зеленым. Начальник морских сил Балтийского моря 29 апреля просил дать ответ на его предыдущую телеграмму. Однако этого не последовало³. В течение дня 1 мая Щастный трижды запрашивал Зеленого об исполнении приказа. На-

1. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГАВМФ). Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 628. Л. 27.

2. Там же. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

3. Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 136. Л. 16.

конец после третьего напоминания Зеленой ответил, что по обстоятельствам момента ставить этот вопрос сейчас не желательно, поскольку невозможно убедительно аргументировать необходимость этой меры. В связи с этим исполнение поручения было задержано⁴. 2 мая переписка продолжилась. По-видимому, не удовлетворившись ответом подчинённого, Щастный потребовал сообщить, когда требование о демаркационной линии было вручено представителем Германии и финнам.

Объясняя причину задержки с выполнением поручения, Зеленой ссылался на телеграмму от 1 мая⁵. В результате, 3 мая уже Председатель Высшего военного совета Л. Д. Троцкий приказал Щастному разобраться в причинах невыполнения Зеленым полученного распоряжения, приказав немедленно войти в переговоры о демаркационной линии⁶. И только после этого, в этот же день, Зеленой направил предложение о переговорах по демаркационной линии командующему Отрядом особого назначения Балтийского моря и финляндскому правительству. Эту меру он обосновал необходимостью обеспечения безопасного плавания в Финском заливе⁷.

5 мая Зеленой уведомил Щастного о передаче предложения о демаркации в Финском заливе германскому командованию и финляндскому правительству, но ответа на это предложение от них не последовало⁸. Вместе с тем германское командование просило предоставить карты минных заграждений. Однако под предлогом неимения полномочий Зеленой отказался это сделать⁹. 8 мая германское командование уведомило Зеленого, что предложение об установлении демаркационной линии передано германскому Адмиралтейству.¹⁰

В свою очередь финны, через офицера связи генерал-майора В.А. Теслеффа, заявили, что со стороны Финляндии об установлении демаркационной линии не может быть и речи до тех пор, пока русские не сдадут форт Ино финляндским войскам¹¹. 24 апреля финские сухопутные части, в которых имелись германские офицеры, подош-

ли к форту Ино, являвшемуся ключом к Кронштадту, и потребовали его передачи Финляндии¹². Со своей стороны советское правительство прилагало максимум усилий по сохранению форта Ино за собой, используя инструмент мирных переговоров. Ввиду недостатка сил для удержания форта Ино с суши 14 мая 1918 г. его взорвали, по приказу советского командования¹³. Таким образом, опасность для Кронштадта со стороны тяжёлых батарей форта Ино отпала.

Вместе с тем, Первая мировая война продолжалась, и германские военные хотели иметь свободу рук в передислокации своего флота. Однако на этом пути стояло существенное препятствие — русские минные поля, которые стали козырной картой для политической торговли.

В начале апреля 1918 г. Германия направила советскому правительству радиограмму, в которой просила дать подробные данные о русских минных заграждениях в Балтийском море для установления безопасного торгового судоходства. На это предложение 10 апреля Народный комиссариат по морским делам на запрос НКИД просил отклонить передачу карт под тем предлогом, что очистка от мин указанных районов должна производиться русскими¹⁴. Однако ответа на своё предложение германская сторона не получила.

14 мая германское посольство в Москве обратилось вновь с аналогичной просьбой. 25 мая начальник морского генерального штаба (МГШ) Е. А. Беренс на запрос НКИД по этому вопросу не рекомендовал удовлетворить просьбу немцев, поскольку русские тральщики захвачены финнами, и Россия не имеет возможности очищать районы, где она ставила минные заграждения¹⁵. В ответе народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина говорилось, что поскольку русские тральщики захвачены финнами, то осуществить траление русских мин Россия не в состоянии. Только после возвращения захваченных судов и имущества страна может выполнить работы по тралению. В заключение Чичерин предлагал вынести морские проблемы на заседание специальной морской комиссии, чтобы разрешить возникающие спорные вопросы¹⁶. 17 июня последовала

4. Там же. Л. 16, 17, 18.

5. Там же. Л. 21.

6. Там же. Л. 28.

7. Там же. Ф. Р-42. Оп. 1 Д. 2. Л. 6-об, Л. 8-об.

8. Там же. Л. 34.

9. Там же. Д. 1. Л. 44 об.

10. Там же. Д. 2. Л. 3.

11. Балтийские моряки в борьбе за власть Советов ноябрь 1917 – декабрь 1918 г. М., 1968. С. 157.

12. Там же. С. 143, С. 147.

13. Подробнее о принятии решения по взрыву форта Ино см.: Там же. С. 139–140, 143–145, 147, 153, 156, 158–161; Шишков Е. Н. Наморси А. М. Щастный (Трагическая биография в событиях, датах и комментариях). СПб., 2001. С. 61–63, 75; Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. СПб., 2007. С. 18–20.

14. РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 633. Л. 3.

15. Там же. Л. 7 об.

16. Документы внешней политики СССР. Т. 1. 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М., 1957. С. 324–325.

вторичная нота посла в России графа В. фон Мирбаха, в которой предлагалось передать Германии карты минных полей¹⁷.

Вместе с тем в нарушении Брест-Литовского мирного договора, согласно которому Россия должна была очистить Балтийское море от своих минных заграждений, в июне 1918 г. Германия прислала текст германо-финского соглашения по проведению траления Балтийского моря. Советское правительство о заключении этого договора в известность поставлено не было¹⁸. По этому договору Россия освобождалась от работ по очистке моря от мин, но обязывалась предоставить планы минных заграждений и другие данные по проведению необходимых работ в распоряжение Германии и Финляндии. Причем часть расходов по проведению траления, которая возлагалась на Россию, должна была определить специальная комиссия¹⁹. Одновременно в тексте соглашения везде фигурировали правительства Германии и Финляндии.

Отвечая на запрос Г. В. Чичерина, МГШ резко протестовал против германо-финского договора. С такой постановкой вопроса был согласен и нарком Л. Д. Троцкий²⁰. Вместе с тем в советском командовании имелись и другие мнения. Так, Начальник морских сил Балтийского моря С. В. Зарубаев в телеграмме, направленной в МГШ 27 июня считал, что если Высший военный совет не предполагает операций в Финском заливе и Балтийском море, то карты русских минных полей могут быть сообщены германскому командованию²¹. Для определения тактики дальнейших действий МГШ 2 июля обратился в Высший военный совет с докладом по этому вопросу. При этом вопросы по урегулированию вопросов связанных с тралением мин МГШ предлагал передать русско-германской комиссии в Берлине. В резолюции от 3 июля за подписями Л. Д. Троцкого, В. Д. Бонч-Бруевича и Е. А. Беренса говорилось: «1/ продолжать оттягивать до последней необходимости определённый ответ относительно выдачи планов минных заграждений, 2/ в случае, если по обстановке придётся по приказанию Совнаркома дать определённый ответ Германии, то непременно условием выдачи планов должно быть: а/ установление демаркационной линии на Финском заливе и б/ и замирение с Финляндией под гарантии Германии»²².

17. РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 633. Л. 8.

18. Там же. Л. 11.

19. Там же. Л. 13–14 об.

20. Там же. Л. 8.

21. Там же. Л. 12.

22. Там же.

В свою очередь Г. В. Чичерин предлагал скорейшим образом созвать морскую комиссию для выработки нового соглашения²³. Вместе с тем немцы и финны начали очистку восточной части Балтийского моря и намеревались продолжить её в Финском заливе в трёх милях от русского берега²⁴. На такие действия Германии последовала нота протеста со стороны Народного комиссара иностранных дел и предложение по установлению демаркационной линии для устранения различных недоразумений²⁵.

В начале августа 1918 г. стала обостряться ситуация вокруг Петрограда. Советское руководство ожидало высадки немецкого десанта в Кронштадте и захват Петрограда. В связи с этим предпринимались меры по противодействию этим планам.²⁶ В качестве одной из них был приказ председателя СНК В. И. Ленина, отданный 9 августа, о немедленной постановке мин. С 9 по 14 августа минные постановки были осуществлены²⁷. В ответ на минные постановки германское правительство 11 августа выступило с протестом²⁸. Чичерин на это заявил, что новых заграждений в Финском заливе ставиться не будет, а происходившее выдавалось за проверку старых минных полей²⁹.

12 августа на имя Г. В. Чичерина поступила новая нота германского правительства, в которой предлагалось начать переговоры о тралении мин 20 августа в Либаве, хотя до этого они планировались в Ревеле³⁰. При этом сразу же назывались германские представители контр-адмирал Услар и капитан 1-го ранга Фельдман. От русской стороны требовали назвать имена своих представителей. Чичерину предлагалось дать ответ до 14 августа³¹. К этому сроку поступил ответ Чичерина, в котором сообщалось, что новых заграждений Россия в Финском заливе не ставила, а все вопросы предполагалось решить на конференции в Либаве³².

Однако направить квалифицированных представителей на конференцию в Либаву оказалось не так-то просто. Для ведения перегово-

23. Документы внешней политики СССР. С. 373-375.

24. Там же С. 455.

25. Там же. С. 454-455.

26. Балтийские моряки. С. 211-212.

27. Там же. С. 213, 214, 215, 220.

28. РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 633. Л. 24.

29. Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. С. 26; Балтийские моряки. С. 219.

30. Там же. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 635. Л. 6.

31. РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 633. Л. 22.

32. Там же. Л. 32.

воров Беренс наметил капитана 1-го ранга Б. И. Доливо-Добровольского и контр-адмирала А. П. Зеленого. Отвечая на приглашение Беренса, 16 августа Доливо-Добровольский писал: «Отлучка из Петрограда затрудняется для меня критическим денежным положением. Постепенно распродал вещи и теперь нечем купить чемодана и второго кителя. Собраться же и выехать теперь стоит безумных денег по петроградским ценам. Если это всё не препятствие, то прошу сообщить подробнее обстоятельства дела»³³. Второй член делегации Зеленой находился в это время под арестом в Петроградской ЧК. Однако по распоряжению председателя ПЧК М. С. Урицкого дело его прекратили, но и у него деньги на поездку отсутствовали. В связи с этим, начальник морских сил Балтийского моря С. В. Зарубаев телеграфировал в МГШ о выдаче командируемым лицам по 500 руб. каждому под отчёт, поскольку он также не располагал таким и суммами³⁴. Наконец, 19 августа, оба делегата выехали в Москву³⁵. Там им определили денежное содержание, по прежним должностям, а также выдали подъёмные. Зеленой получил 6000 рублей, а Доливо-Добровольский 5500 рублей. Им также назначались суточные по 40 рублей каждому. Зеленому, как главе делегации, выдавались 5000 рублей на выплату суточных и 5000 рублей на канцелярские и непредвиденные расходы под отчёт³⁶.

Вместе с тем немцы и финны начали очистку Финского залива от мин. При этом они предполагали проводить её в 3 милях от русского берега, о чём уведомили 26 августа Г. В. Чичерина³⁷. 27 августа последовал ответ наркома иностранных дел, в котором он охарактеризовал германские намерения как недружественные³⁸. Таким образом, флот противника мог появиться в Кронштадте через полчаса. Такое намерение немцев и финнов расценивалось советской стороной как явно агрессивное³⁹. Складывавшаяся ситуация казалась Чичерину настолько опасной, что вынудила его направить 28 августа полпреду в Берлине А. А. Иоффе телеграмму, которая заканчивалась словами: «Это крайне серьёзно, ибо если они [немцы и финны. – А. С.] пойдут к Кронштадту, то будет столкновение. Немедленно постарайтесь

33. Там же. Л. 26.

34. Там же. Л. 29.

35. Там же. Л. 28.

36. Там же. Л. 34.

37. Там же. Л. 35.

38. Там же. Л. 35 об.

39. Там же. Л. 35 об.–36.

предотвратить это»⁴⁰. В архивном варианте телеграммы этот сюжет передан несколько иначе: «Или мы буквально открываем Кронштадт, или будет сражение, чего мы абсолютно не желаем, но что вопреки нашему желанию может стихийно произойти в результате возбуждённого настроения моряков. Положение чрезвычайно серьёзное и требует немедленного самого энергичного вмешательства»⁴¹.

На следующий день 29 августа пришёл ответ Иоффе, в котором сообщалось, что германское правительство согласилось прекратить траление у русских берегов. И 31 августа германское адмиралтейство отдало приказ о прекращении траления и передаче этого вопроса в Либавскую комиссию. Однако созыв Либавской комиссии немецкая сторона отложила на некоторое время⁴².

31 августа германское правительство уведомило правительство РСФСР о нецелесообразности установления демаркационной линии в Финском заливе, на том основании, что по условиям Брест-Литовского мира русские корабли не должны выходить из русских портов, но «Русское Правительство обязано оказывать содействие немедленному удалению мин»⁴³. В своём разъяснении необходимость проведения демаркационной линии Чичерин обосновывал необходимостью гарантии того, что в непосредственной близости от портов, где стоят военные суда, не могли неожиданно появиться иностранные военные корабли. При этом установление демаркационной линии увязывалось с вопросом об очистке Балтийского моря от мин⁴⁴.

Наконец, на 12 сентября Германия назначила русско-немецкие переговоры для обсуждения вопросов, связанных с разминированием Финского залива для безопасного судоходства. Местом их проведения стал Ревель. Германскую сторону представляли адмирал Л. фон Услар, капитан Фельдман, профессор Поль, помимо них участниками делегации стали капитан 2-го ранга фон Розенберг и старший лейтенант Бастиан, а Финляндию представляли адмирал барон Ю. Индрениус и надворный советник Перрета. Советскую Россию представляли адмирал А. П. Зеленой и штаб-офицер МГШ, капитан 1-го ранга Б. И. Доливо-Добровольский⁴⁵. Перед отъездом советские

40. Документы внешней политики СССР. С. 437.

41. РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 633. Л. 35 об.–36.

42. Там же. Д. 636. Л. 45, 47.

43. Документы внешней политики СССР. С. 485.

44. Там же. С. 484–485.

45. РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 633. Л. 84; Д. 635. Л. 10.

участники получили инструкцию подписанную заместителем наркома по военным и морским делам Д. Склянским и начальником Морского генерального штаба Е. А. Беренсом, датированную 12 сентября.

Суть её состояла в том, что в качестве предварительного условия для начала переговоров об очистке Финского залива от мин, советская делегация должна была выступить с инициативой об установлении демаркационной линии в Финском заливе, как можно западнее Невской губы. При этом в инструкции указывалось четыре возможных варианта такой линии: 1. Меридиан 27 градусов восточной долготы от Гринвича; 2. Устье реки Наровы – западная оконечность о-ва Лавенсари и Соммерса, о – в Видшер Питкопас; 3. Мыс Конгапя – западная оконечность о-ва Сескар – банка Средняя, мыс Кюренеми; 4. Мыс Конгапя – мыс Кюренеми. При этом указывалось, что четвёртый вариант – это предел перенесения демаркационной линии на восток. Также предлагалось выставить требование о немедленном возвращении тральщиков захваченных в Гельсингфорсе или их арендное использование, при внесении определённой платы. Только в этом случае Германия могла получить планы минных заграждений к западу от демаркационной линии. Все тральные работы к востоку от демаркационной линии брала на себя российская сторона. В случае если бы Германия потребовала безотлагательного удаления заграждений ныне и ранее поставленных в районе Невской губы до меридиана 28 градусов 55 мин., то его следовало отклонить как имеющее агрессивное намерение против Советской России. Инструкция так же затрагивала и ряд вопросов связанных с возвращением Германией захваченного российского имущества. Документ заканчивался словами о необходимости всемерного соблюдения интересов России⁴⁶.

Предвидя неуступчивость советской стороны, Германия направила ноту советскому правительству, в которой заявлялось, что установление демаркационной линии является излишним⁴⁷. В ответной ноте, отправленной 15 сентября, советское правительство заявляло, что демаркационная линия нужна для того, чтобы ни в непосредственной близости от портов, в которых стоит русский флот, ни в самих портах не могли внезапно появиться иностранные военные

суда. Нота предлагала также рассматривать вопрос о демаркационной линии одновременно с очисткой балтийских вод от мин заграждения⁴⁸.

Однако выезд советской делегации задержался из-за невозможности получить соответствующее количество мест в поезде для технического персонала, и она прибыла в Ревель только 20 сентября. Там ей сообщили, что комиссия собирается в Либаве, куда советские представители прибыли 23 сентября; на следующий день приехала финская делегация⁴⁹.

25 сентября состоялось первое заседание комиссии. Её председатель, адмирал Услар, потребовал ведения протокола на немецком языке. Однако русские представители настояли на его ведении на немецком и русских языках. Основная мысль, которую высказал немецкий адмирал, сводилась к очищению фарватеров от мин. При этом траление должна была проводить Германия, как воюющая сторона. России разрешалось убирать мины у Кронштадта, расходы по тралению предлагалось разложить на три стороны по числу поставленных мин. Германии следовало уплатить одну четвёртую расходов, а России и Финляндии, как бывшей составной части России, три четверти. Другие вопросы, такие как русско-финские разногласия, он просил не затрагивать⁵⁰.

После выступления главы комиссии начались прения. Русские представители потребовали предварительно обсудить вопрос о демаркационной линии, а затем приступить к обсуждению вопроса о разминировании. После этого начались длительные споры, в которых немцы и финны выступали единым фронтом. Их главным аргументом было то, что они не имели полномочий на ведение переговоров о демаркационной линии. Вместе с тем германская и финская делегации согласились уведомить свои правительства о требованиях русской стороны вначале установить демаркационную линию, а уже затем вести переговоры о разминировании. При этом Услар просил ознакомить его с проектом демаркационной линии. После рассмотрения представленного варианта германский и финский представители заявили о своём несогласии с её проведением. Одновременно Услар сказал, что «любой проект демарклинии [демарка-

48. Там же. Л. 13.

49. Там же. Л. 14, 19. О всех злоключениях путешествия в Либаву и переговорах Доливо-Добровольский изложил в в отчёте «От Петрограда до Либавы». Д. 633 Л. 108–118.

50. Там же. Д. 636. Л. 19, 20.

46. Там же. Ф. р-342. Оп. 1 Д. 636. Л. 50 об.-51.

47. Там же. Д. 636. Л. 8

ционной линии – А.С.] мешающий передвижению германских военных судов в интересующих Германию водах будет неприемлем»⁵¹. Следовательно, опасения советского командования о возможном появлении немецких кораблей у Кронштадта, имели под собой почву. На этом первое заседание закончилось.

Однако информацию о том, как проходило первое заседание, удалось передать в Москву только 30 сентября, поскольку телеграфную линию для переговоров Москва – Либава немцы не давали. Однако после настойчивых просьб такая возможность была предоставлена, но с ограничением ведения переговоров с Москвой с полуночи до 6 утра по берлинскому времени⁵².

2 октября адмирал Услар уведомил русскую делегацию о том, что германское и финское правительства не согласны с русским предложением начать обсуждать сначала вопрос о демаркационной линии, а уже затем говорить о разминировании⁵³. Наконец в ночь со 2 на 3 октября Зеленой и Доливо-Добровольский получили ответ из Москвы. Из него они узнали, что по распоряжению Г. В. Чичерина полпред в Берлине А. А. Иоффе начал переговоры о включении вопроса о демаркационной линии в повестку дня комиссии в Либаве⁵⁴. Однако немецкая сторона ответила отказом, о чём А. А. Иоффе докладывал Г. В. Чичерину⁵⁵. 3 октября ответ из Москвы был доведён до адмирала Услара и вечером того же дня он прислал уведомление о назначении заседания комиссии на следующий день.

В ночь с 3 на 4 октября Зеленой и Доливо-Добровольский беседовали по телеграфу с начальником морских сил РСФСР В. М. Альтфатером и начальником морского генерального штаба Е. А. Беренсом и получили инструкцию на затягивание переговоров, поскольку «события идут очень быстро и обстановка может каждый момент перемениться»⁵⁶. Действительно поражение Германии на Западном фронте и сложное внутривосточное положение в стране давали надежду на возможные изменения.

4 октября в 10 часов утра заседание комиссии возобновилось. Русские делегаты категорически отказались говорить о разминировании прежде решения вопроса о демаркационной линии и просили партнёров сделать вторичный запрос своим правительствам. Правда

51. Там же. Л. 19 об.

52. Там же. Л. 20; Д. 633. Л. 112об.–115.

53. Там же. Д. 633. Л. 122.

54. Там же. Д. 633. Л. 115.

55. Там же. Л. 189.

56. Там же. Д. 636. Л. 30 об.

русские делегаты намекнули, что тот проект демаркационной линии, который они предлагали, может быть пересмотрен. После обмена мнениями Услар объявил перерыв. После возобновления заседания финны заявили, что для вторичного запроса им надо съездить в Гельсингфорс, на что потребуется две недели. После этого председательствующий объявил, что следующее заседание состоится 21 октября в 10 часов утра. По-видимому, перерыв в заседаниях был согласован германской и финской стороной заранее, так как финская делегация отбыла на родину через час после закрытия заседания⁵⁷.

6 октября Зеленой и Доливо-Добровольский встретились с Усларом. На этой встрече было решено, что русские представители на время перерыва в переговорах отправятся в Москву, а в Либаве останутся два связиста и делопроизводитель⁵⁸. 9 октября они уже приехали в Петроград⁵⁹.

В свою очередь, Г. В. Чичерин рекомендовал полномочному представителю Советской России в Германии А. А. Иоффе усилить давление на её правительство с тем, чтобы оно пошло на уступки по установлению демаркационной линии⁶⁰. 12 октября А. А. Иоффе дошёл до сведения МИД Германии, что советское правительство отказывается предоставить планы минных заграждений до тех пор, пока не будет решён вопрос о демаркационной линии в Финском заливе⁶¹. Заявление носило твёрдый характер, и не оставляло у германской стороны надежды на какие либо уступки. По сообщению Иоффе германская сторона обещала пойти на уступки в вопросе о демаркационной линии⁶². По-видимому, этот вопрос имел определённые трудности на пути своего решения. Учитывая это, германская сторона решила перенести заседание на 4 ноября 1918 г.⁶³ Однако 2 ноября на имя Беренса поступила телеграмма Г. В. Чичерина о переносе конференции на 2 декабря⁶⁴. Однако 1 ноября члены русской делегации уже выехали в Либаву и 11 ноября им пришлось возвратиться в Петроград⁶⁵.

В связи с переносом срока заседания комиссии Морской генеральный штаб 28 октября выработал дополнительные директивы для русской делегации, и 29 октября их утвердили заместитель пред-

57. Там же. Л. 23.

58. Там же. Д. 633. Л. 118.

59. Там же. Д. 636. Л. 33.

60. Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. С. 28-29.

61. Документы внешней политики СССР. С. 520-521.

62. Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. С. 29.

63. РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 625. Л. 26; Д. 633. Л. 194.

64. Там же. Д. 633. Л. 156, 158.

65. Там же. Л. 159.

седателя РВСР Э. М. Склянский и нарком иностранных дел Г. В. Чичерин. Они давались на тот случай, если делегация из-за плохой связи не сможет связаться с Москвой. И сводились к установлению демаркационной линии, фарватеров для траления и возвращению финнами тральщиков, захваченных последними в Гельсингфорсе. В случае отказа в обсуждении этих вопросов предлагалось отказаться от дальнейшего участия в переговорах, но только при исчерпании всех возможностей⁶⁶. Однако революция в Германии и выход её из войны прекратили споры о демаркации морской границы.

Литература

Бажанов Д. А. Гражданская война в Финляндии и русские военные моряки: реакция, участие, мотивы (на материалах экипажей кораблей Гельсингфоргской военно-морской базы // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2015. С. 50–61.

Балтийские моряки в борьбе за власть Советов ноябрь 1917 – декабрь 1918 г. Л.: Наука, 1968. 366 с.

Балтийский регион в Новое и новейшее время: история и региональная политика. Калининград: Изд-во БФДУ им. И. Канта, 2016. 322 с.

Балтийский флот в революции и Гражданской войне. Сборник документов Центрального исторического архива. М.-Л.: Партиздат, 1932. 311 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 1. 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1959. 773 с.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг.: очерки истории. СПб.: Европейский дом, 2007. 221 с.

Смолин А. В. «Первая советско-финляндская война 1918–1920 гг.» историографические мифы или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 271–278.

Смолин А. В. Русские в Финляндии в 1918–1919 гг. (Рапорт лейтенанта Дихта морскому атташе в Швеции В. А. Сташевскому) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 165–172.

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв. Санкт-Петербург: РХГА, 2016. 620 с.

Шошков Е. Н., Наморси А. М. Щастный (Трагическая биография в событиях, датах и комментариях) / науч. ред. В. Ю. Грибовский. СПб.: Петровский фонд, 2001. 428 с.

Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М.: Наука, 266 с.

Ткаченко В. Ф. Форт «Ино». Строительство. Служба. Уничтожение. СПб.: Остров, 2009. 114 с.

Uitto A., Geust C.-F. Taistelu Suomenlahden ulkosaarista. Jyväskylä: Docendo Oy, 2016. 256 s.

66. Там же. Д. 625 Л. 26 –об, 27.

В.-Т. Васара

Советская Карелия глазами участников «карельских походов» 1918–1922 гг.

На рубеже 1910–1920-х гг. представление о духовном родстве Финляндии с восточной Карелией не являлось новой идеей. Оно снова, более масштабно, стало развиваться не только среди узкого круга «белых» активистов, имея и более общее значение. В Финляндии Советская Карелия стала неким утопическим миром, о котором не только мечтали, но и отправлялись туда в многочисленных экспедициях. Для финской интеллигенции эта лесная страна представала главным очагом финно-угорской культуры.

Итак, с 1918 г., главным объектом в планах создания «великой Финляндии» стала, бесспорно, Советская Карелия. Для многих мечтавших о независимости финнов «карельский вопрос» был почти равноценным проблеме национальной самостоятельности. С идеологией «великой Финляндии» в финской истории тесно связаны так называемые «карельские походы». Они были попыткой в 1918–1922 гг. присоединить Советскую Карелию к Финляндии.

В это время так называемое «соплеменное дело» получило широкую популярность. Участвовавших в нём «солдат-соплеменников» можно разделить на два поколения: старшее, многие из которых получили свой первый опыт военных действий еще в «егерском движении» в годы Первой мировой войны, и молодое, состоявшее из студентов или будущих студентов университета. Общей чертой для обеих групп стало продолжение ими борьбы за права «братских» народов и в межвоенный период. Однако теперь их деятельность приняла уже другие, мирные формы. И поскольку большинство их вышло из кругов интеллигенции, то вполне естественно, что их увлекла мысль об издании своих воспоминаний в форме журнальных статей, или же книжной литературы мемуарного жанра, посвященной «карельским походам».

В межвоенный период было издано несколько десятков воспоминаний, большинство в первой половине 1920-х и второй половине 1930-х гг. Это связано, скорее всего, с тем, что в первый период деятельности бывших «белых активистов» – нынешних членов Академического карельского общества (АКС), именно «соплеменное

дело» стояло на первом месте. А после середины 1930-х гг., в последние годы перед «зимней войной», оно снова получило актуальность. Отдельные статьи-воспоминания регулярно публиковались в 1923–1944 гг. в журнале АКС «Суомен Хеймо» («Финское Племя»), а в 1930-е гг. – также в журнале «Хеймосотури» («Солдат-соплеменник»).

Общим для обоих журнальных тематических корпусов является удивительно малое количество упомянутых мемуаров. Причём авторы сосредоточивались либо на чисто военных действиях, либо делились собственным опытом, описывали личные переживания, не обходя также вниманием географию и население восточной Карелии. Во многих работах содержится ценная этнографическая информация. Много можно в них почерпнуть и о быте карелов и ингерманландцев, об их этнической психологии, национальном характере и обычаях, о карельской природе. Часто встречаются меткие характеристики своеобразия «красных» финнов, также как «великорусской» части населения. К мемуарам прилагалось, как правило, много карт и фотоснимков, сделанных во время походов.

Воспоминания Пауля Марттина (1898–1963 гг.) «Из краёв, где земля пропитана кровью: Воспоминания о годах распри в Беломорской и Олонецкой Карелии»¹, изданные в 1935 г., довольно обширны – 206 стр. с фотографиями и приложениями. Стоит также отметить, что Марттин – из авторов, имевших корни в восточной Карелии, отчего ему свойствен несколько иной подход к описанию событий, чем у коренных финляндцев. П. Марттин владел также русским языком².

Семья автора книги происходила из крестьян Сямозера, хотя сам П. Марттин родился в Выборге. Во время Гражданской войны он попал в плен к «красным», но после освобождения успел еще участвовать в военных действиях в Выборгской губернии. Во время Олонецкого похода 1919 г. он был удостоен в белой армии звания старшины. Гражданство Республики Финляндии он получил в следующем году, когда занимался на первых в истории Финляндии курсах офицеров запаса.

Когда началась «зимняя война», П. Марттину назначили командиром отдельной дивизии стратегического назначения Кайнуу³.

1. *Marttina P. Miesten syöjiltä sijoilta: muisteluksia Vienan ja Aunuksen vainovuosilta.* Porvoo, 1935. 206 s.

2. *Ibid.* S. 99.

3. На Севере Финляндии, на Востоке граничит с Карелией.

В 1940 г. он был произведен в капитаны, а в 1942 г. в майоры. Осенью 1944 г. он начал изготавливать фальшивые документы ингерманландцев, восточных карелов и военнопленных. Он организовывал для них рабочие места, а также помогал перебраться в Швецию. Во время «лапландской войны» 1945 г. П. Марттин работал в Швеции офицером связи с движением Сопротивления, организованным немецкими службами СД в Финляндии. П. Марттин официально уволился из армии в 1945 г. и бежал через Швецию в Венесуэлу. В 1950 г. он вернулся в Финляндию, где работал журналистом-международником в центральных газетах «Хельсингин Саномат» и «Илта-Саномат».

В своих воспоминаниях П. Марттин уделял много внимания этнографии карел, в том числе их сельской архитектуре, её отличиям от архитектуры «великорусской». Чисто военная сторона событий его жизни в воспоминаниях отражена слабее. Заслуживают особого внимания размышления финского автора о глубоких причинах перехода многих карел на сторону большевиков. Одна из них – политическая неразвитость «селян» (в отличие от городских «белых»), которая делала их лёгкой добычей советской пропаганды. Так, молодой парень из деревни Тсинниля, став до мозга костей «красным», и не выдержав прихода белофиннов, повесился. Впрочем, среди «красных» финнов нередко встречались и асоциальные элементы. Он пишет о пойманных противниках: «Оба “красных” финна были типичными злодеями, против которых жители деревни выдвинули тяжкие обвинения. Поэтому их не отправили с другими пленными в Финляндию, а немедленно исполнили решение военно-полевого суда»⁴. Впрочем, о жёстких наказаниях, применявшихся к красным в случае поимки, он пишет мало.

Напротив, П. Марттин не жалеет времени для описания сплошной русификации исконно карельских областей (в частности, местности по берегам Свири), где о прошлом напоминают лишь топонимы⁵. Тем не менее, и тут местные жители пригласили финнов вместе отметить праздник Пасхи, на котором солдаты попробовали их «странные пасхальные лакомства»⁶. Здесь же автор отмечает сохранившиеся в местной карельской среде такие традиционные, древние черты, как неистребимая доверчивость, доброта по отношению к пришельцам, тёплые семейные и соседские отношения.

4. *Marttina P. Miesten syöjiltä sijoilta.* S. 96.

5. *Ibid.* S. 97–98.

6. *Ibid.* S. 98.

В то же время он не может пройти мимо такого отрицательного психологического качества местных, как мужицкая беспринципность, готовность ради мешка зерна, полученного от большевиков, стать на их сторону.

На объективность таких нелицеприятных суждений П. Марттины не влияло крайне тёплое отношение к нему и к его боевым товарищам карел и, в особенности, вепсов. Местные крестьяне всегда были готовы бескорыстно служить проводниками по местности, которую «они знали не хуже, чем содержимое своих карманов». А во многих местах и русские также принимали финских солдат приветливо. О маленькой деревне Лауттакуля П. Марттина пишет следующее: «Несмотря на то, что жители деревни были коренными русскими, они относились к нам удивительно снисходительно, демонстрируя свою готовность к помощи при любом деле. Было заметно, что команда большевиков не нравилась местному населению. Данное наблюдение получало подтверждение на протяжении всего нашего пути»⁷. Тем не менее, П. Марттина считал сопротивление местного смешанного населения финнам «возможным», и приказывал подавлять его «самыми суровыми мерами»⁸.

Крайне любопытны отражённые в мемуарах события в большом карело-финско-русском селе Заостровье. Здесь народ долго не мог понять смысла создания отряда самообороны, о котором им говорили финские солдаты и офицеры. Но, в конце концов, до них дошла полезность самозащиты, после чего здесь был создан первый в Восточной Карелии отряд шюцкора. Кстати, описывая встречавшихся в таких селениях русских, автор тщательно избегает предвзятого подхода и судит о людях исключительно по их поступкам – а местные, вне зависимости от национальности, относились к белофиннам по-доброму. В своих крайне немногочисленных впечатлениях о русских в целом он всё же находит место для замечания о русских девушках, а именно об их красоте, но и о редком коварстве.

Довольно интересна книга воспоминаний о втором карельском походе Лаури Кивинена под названием «За Карелию»⁹. Лесничий по профессии, он представлял собой типичного образованного участника «белого» движения. Так, в 1942 г. Л. Кивинен занимал высокую

7. Ibid. S. 94-95.

8. Ibid. S. 96-97.

9. Kivinen L. Karjalan puolesta: Muistelmia Vienan Karjalan toisen retkikunnan vaiheista. Helsinki, 1919. 160 s.

должность горного советника, а впоследствии отвечал за эвакуацию населения Северной Финляндии (1944 г.). В отличие от П. Марттины, он более субъективно относится к русским, отчего текст теряет черты нейтральности. Но критичность по отношению к русским не исключает проявлений в его книге самокритики, в частности, по отношению ко всей финской армии добровольцев. И опять-таки, в отличие от П. Марттины, Лаури Кивинен смог издать свою книгу сразу же после её написания в 1919 г., по свежим следам, и в ней не встречаются исправления и додуманные реалии. Поэтому «За Карелию» можно отнести к первоклассным историческим источникам.

Поражаясь красоте природы Карелии, автор-финн воспринимает её как некую сказочную страну. Правда, эту страну его мечты нынешнее руководство «довело до хаоса». Например, Л. Кивинен пишет, что дорога, которую в Карелии называют главной и самой лучшей, находилась в ужасном состоянии – с трудом можно было понять, где кончается «дорожное полотно» и начинается дикая местность. Местные жители, заинтересованные в поддержании дороги для собственных нужд, собирались было её отремонтировать, но новая большевистская власть была против.

Несмотря на низкий уровень жизни карельских крестьян, в первой же деревне, куда пришли финны, мужики встретили их дружелюбно. Их угощали там молоком и простоквашей, что произвело на членов отряда «прекрасное впечатление»¹⁰. Это, впрочем, не мешает Л. Кивинену относиться к местному населению с большей критичностью, чем П. Марттине. Так, у карел им отмечены такие черты, как хитроватость, стремление выторговать себе какие-то блага или выгоды, некое двоедушие, заставляющее относиться к ним с постоянной настороженностью, не особо доверяя их словам¹¹. И это уже не говоря о том, что в некоторых деревнях финнов воспринимали с откровенной враждебностью, в отдельных случаях даже обращая против них оружие.

В этом смысле наиболее чуждой для финнов названа Костомукша – причём без надежды, что ситуация в ней когда-либо сменится на более комплиментарную. Здесь останавливались наиболее образованные и способные из «белых» офицеров, которые прилагали максимум усилий и такта с тем, чтобы подвинуть местное население на

10. Ibid. S. 10.

11. Ibid. S. 53.

организацию шюцкора. Всё было бесполезно. Их внимательно выслушивали, затем расходились – и всё оставалось по-старому¹².

До них даже не доходила задача этих походов, они не понимали, что финны, готовые жертвовать своей жизнью, явились с целью вполне «благородной» – впрочем, это выяснится позже, когда большевики всерьёз возьмутся за карел и не только за них. В целом же и само карельское общество воспринималось автором как конфликтное, что объяснялось, по его мнению, этнопсихологией этого народа, а также «вспыльчивостью», «страстью к скандалам» и даже «злопыхательству» отдельных его членов¹³.

«Солдаты-соплеменники» сталкивались и с другими проблемами. На протяжении всего похода постоянно не хватало продовольствия. Впрочем, у местных удавалось покупать картофель и муку, а также крупу для каши¹⁴. Однажды даже приобрели медвежатину¹⁵. Охотились финны и сами, но их добычу составляли только утки. Медвежатину приходилось покупать и позже. Вообще торговля у карел «в крови», отмечает автор. Они долго и с увлечением торгуются, пытаясь завысить цену на свои товары. Финны обратили внимание на трепетное отношение карел к медведям. Они не ели медвежатину и даже отказались дать им посуду для её приготовления¹⁶. Другой проблемой являлось воровство. Л. Кивинен пишет, что раньше в Карелии воровства не было, даже слово такое было неизвестно. Но всё изменилось с приходом «красных» – теперь уже никакую вещь они не могли оставить без присмотра¹⁷.

Из множества мемуаров финских участников событий «карельских походов» эти три книги, наряду с перечисленными достоинствами, отличаются сравнительной объективностью и полным отсутствием идеализации народов финно-угорского происхождения. Очевидно, их перевод на русский был бы с благодарностью встречен как учёными (историками и этнографами), так и более широкими кругами читателя Северо-Запада России.

---

12. Ibid. S. 32.

13. Ibid. S. 47.

14. Ibid. S. 38-39.

15. Ibid. S. 41.

16. Ibid. S. 42.

17. Ibid. S. 54.

Литература

Барышников В. Н. «Терийокское правительство» (1939-1940): Феномен его образования // Университетские петербургские чтения. Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград 1703-2002. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2002. С. 225–235.

Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 244–256.

История Карелии в документах и материалах: советский период / Сост. Л. И. Драздович и др.; под ред. А. И. Афанасьевой. – 3-е изд., перераб. Петрозаводск: Карелия, 1992. 427 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 634 с.

Киркинен Х., Неволайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: МП «Барс», 1998. 277 с.

Kivinen L. Karjalan puolesta: Muistelmia Vienan Karjalan toisen retkikunnan vaiheista. Helsinki: Otava, 1919. 160 s.

Marttina P. Miesten syöjiltä sijoilta: muisteluksia Vienan ja Aunuksen vainovuosilta. Porvoo: WSOY, 1935. 206 s.

Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen: aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Helsinki: TAVA, 1978. 342 s.

Näre S., Kirves J. Luvattu maa: Suur-Suomen unelma ja unohdus. Helsinki: Johnny Kniga, 2014. 407 s.

Проблема изучения в СССР в 1920–1930-е гг. Истории революции и гражданской войны в Финляндии

Итоги революции 1917 г., а затем и Гражданской войны в России коренным образом изменили подходы к изучению истории стран Северной Европы. Фактически, все прежние достижения российской скандинавистики теперь стремились игнорировать.

Одновременно начался процесс серьезной смены исследовательских поколений. На первый план стали уже выходить работы, в которых обращали внимание лишь на социально-классовые сюжеты развития стран Северной Европы. В результате появились первые книги мемуарно-аналитического характера российских участников революции и гражданской войны 1918 г. в Финляндии. Эти произведения на долгие годы оставались единственными работами, освещающими проблемы рабочего и революционного движения в Финляндии начала XX в. Однако в строгом смысле они не являлись научными произведениями, которые к тому же не имели своих серьезных исторических корней и в изучении истории скандинавских стран в России предшествующей эпохи.

В частности, в 1923 г. были изданы аналитические по своей сути воспоминания М. С. Свечникова – «Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг.»¹. Эта работа, кстати, сразу же была переведена на финском языке, а затем и издана в соседней стране². Причем в предисловии к данному изданию, написанному «белым» участником гражданской войны Хейкки Нурмио, было вполне справедливо указано, что работа реально стала «первой книгой о событиях 1918 года». Далее он, однако, еще уточнил, что сама книга Свечникова была «опубликована противниками свободы», но одновременно подчеркнул, что, несмотря на это, исследование, «выполненное военным экспертом, во многом позволяет в новом свете взглянуть на сумеречные события в 1917 и 1918 годах»³.

Действительно, произведение М. С. Свечникова явилось первой попыткой российского участника финской гражданской войны, на

1. Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. (Воспоминания и материалы). М. –Пг., 1923. С. 3–5.

2. Svetsnikov M. S. Vallankumous ja kansalaissota Suomessa 1917–1918. Helsinki, 1925.

3. Nurmio H. Huomautuksia suomalaisille lukijoille // Svetsnikov M. S. Vallankumous ja kansalaissota Suomessa 1917–1918.

основе своего видения произошедшего, дать анализ произошедших тогда в Финляндии событий. Более того, Свечников впервые активно ввел в научный оборот тексты оперативных приказов и записи переговоров со штабом 42-го армейского корпуса русской армии. Также при написании этого произведения автор всячески стремился пользоваться материалами периодической печати. В частности, Свечников использовал статьи из газеты «Известия гельсингфорсского совета депутатов», издававшейся тогда в Финляндии на русском языке.

В данном отношении приходится только лишь сожалеть, что Свечников в момент написания своей работы не смог еще познакомиться с официальными представлениями о гражданской войне финских военных историков, которые в 1921–1922 гг. уже опубликовали первые три тома фундаментального исследования, посвященного этим событиям⁴. Причем показательно, что именно во втором томе этого фундаментального издания его авторы уже особо обратили внимание на деятельность М. С. Свечникова в ходе описываемой ими гражданской войны в Финляндии⁵.

В целом, из работы М. С. Свечникова становится предельно понятно, что он явно неплохо разбирался в финской военно-стратегической ситуации, хотя автор и допускает ряд неточностей в отношении политического положения в самой стране⁶. Он, в частности, ошибочно Финляндию квалифицировал «преимущественно феодальной». Также исторически неверным стало то, что автор полагал, что ряд актов террора, которые были организованы в Финляндии против царских чиновников, готовились финскими социал-демократами. Кроме того, в книге выглядит достаточно удивительным утверждение об отсутствии до начала Первой мировой войны тесных контактов русских и финских революционеров⁷. Эти неточности, конечно, указывали на то, что представления Свечникова были еще достаточно далекими от реальных политических событий, которые происходили в самом начале XX в. в Финляндии.

С другой стороны, вопросы военно-исторической составляющей его произведения, как и следовало ожидать, представлены вполне объективно. Он, несомненно, правильно оценивал динамику разви-

4. Suomen vapussota vuonna 1918. Osa I–III. Helsinki, 1921–1922.

5. Ibid. Osa II. S. 327–329.

6. На это, кстати, сразу же обратили внимание финские исследователи. См.: Nurmio H. Huomautuksia suomalaisille lukijoille.

7. См.: Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 3–5.

тия военной обстановки в Финляндии, как в период, предшествовавший событиям 1917 г., так и собственно во время гражданской войны, в которой он лично участвовал. В этом отношении, очевидно, стоит, прежде всего, учитывать, что М. С. Свечников к моменту начала гражданской войны являлся сторонником развития революции. Будучи офицером русской армии и проходя службу в 106-й дивизии, штаб которой размещался в Таммерфорсе, он уже весной 1917 г. вступил в партию большевиков. Далее, в 1918 г., вместе с «красными финнами» он развернул решительную борьбу против «белых», приняв, таким образом, участие в финской гражданской войне. Более того, вскоре фактически все красногвардейцы Таммерфорса и Або оказываются под его командованием, поскольку Свечников стал «помощником главнокомандующего» войсками «красной» Финляндии. Далее он перемещается в Гельсингфорс и реально начинает выполнять функции главного военного советника при руководстве финской красной гвардии.

Именно эти события, спустя пять лет после окончания гражданской войны, Свечников решил представить в своей работе. Причем уже на первой странице книги автор определил причину интереса, который тогда мог появиться в отношении недавней истории, связанной с финской революцией и гражданской войной. Он заметил, что здесь «впервые демонстрировались и укреплялись в умах русских войск и финских рабочих интернациональные идеи и необходимость единого фронта в борьбе с буржуазией и международным капиталом»⁸. Видимо, эти соображения затем легли уже в основу попытки в 1939 г. в СССР образовать для Финляндии «народное правительство»⁹. И, хотя данные представления не были все же реализованы, тем не менее, в историческом плане остается достаточно интересным тот анализ, который предпринял автор в отношении сложившейся в русских гарнизонах ситуации и проблемы взаимодействия русских с финской красной гвардией зимой и весной 1918 г.

В условиях, когда в Финляндии утвердилось представление о том, что война 1918 г. является «освободительной», направленной против русских войск¹⁰, Свечников четко показал обратное. Он, даже не

без определенного для себя сожаления, отметил, что русские солдаты, которые в конце войны могли быть только добровольцами, составляли лишь весьма незначительный сегмент участвовавших в этой войне военнослужащих. На ее завершающей стадии их было, по его мнению, не более одной тысячи человек¹¹. Это было очевидно меньше, чем, скажем, количество войск, направляемых в помощь «белым» из Швеции (1500 человек). Число русских солдат, естественно, оказалось значительно меньше количества участвовавших в финской гражданской войне регулярных войск германской армии (около 13 тыс.)¹². Они, как известно, на финальной стадии войны, в апреле 1918 г., также высадились «в помощь белым» на финском побережье.

В целом, ценность данной работы, как представляется, заключается в том, что автор, участвуя в финской гражданской войне, достаточно подробно и обстоятельно описывает как свое непосредственное участие в операциях «красных», так и дает общее представление о ходе боевых действий на наиболее важных, стратегических направлениях. При этом Свечников явно стремится в своей работе достигнуть главного — вскрыть причины поражения в Финляндии «красных». Безусловно, его мнение о том, что высадка германских войск на побережье Финляндии решила исход гражданской войны, представляет несомненный интерес. Конкретно, он убедительно показывает, что только после появления 3 апреля 1918 г. на юге Финляндии в Гангё (Ханко) немецких солдат начались главные поражения «красных» войск. При этом Свечников справедливо подчеркивает, что на «красных», «моральное впечатление, произведенное немецкой интервенцией, было огромно». Как признавал автор, эта операция «буквально парализовала действия правительства [«красных». – В.Б.], не говоря уже о массах, у которых после большого подъема, небывалого еще в истории рабочего движения, наступила пора нервозности, неуверенности в своих успехах, и навлекла панику»¹³. В результате, мечтать о победе в гражданской войне красной гвардии уже явно не приходилось.

Таким образом, данная работа явно указывала на то, что в Советской России стремились, прежде всего, разобраться в причинах

8. Там же. С. 1.

9. *Барышников В. Н.* Терийокское правительство» (1939–1940 гг.): феномен его образования // Университетские петербургские чтения. Санкт-Петербург-Петроград-Ленинград. СПб., 2002. С. 225-235

10. В Финляндии даже была предпринята попытка сравнить гражданскую войну с «зимней войной» 1939-1940 гг. См.: *Manninen O.* *Vapaussota* // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1993, № 2. S. 119.

11. *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 74.

12. См.: *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 327; *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 269.

13. *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 90.

поражения «красных». В этом плане воспоминания Свечникова, по своей сути, носили тогда достаточно прикладной характер. Но, как известно, в Москве использовать опыт этого человека явно не смогли. Более того, финал его жизни сложился весьма трагично. 31 декабря 1937 г. М. С. Свечников был арестован, а затем по обвинению в участии заговоре в августе 1938 г. — расстрелян. Причем список тех, кто подлежал тогда осуждению, лично подписал И. В. Сталин и В. М. Молотов¹⁴.

Тем не менее, проблемы, которые были подняты в работе М. С. Свечникова затем, в 1933 г., получили свое развитие. Тогда в СССР была издана книга В. М. Смирнова «Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг.»¹⁵. Она была написана спустя 10 лет после выхода в свет работы Свечникова. Причем в отличие от нее здесь обращалось наибольшее внимание не на военную, а наоборот, на политическую составляющую произошедших тогда в Финляндии событий. И, как указано в предисловии, она была посвящена «XV годовщине пролетарской революции в Финляндии». Далее автор, также как и Свечников, особо еще подчеркнул: «В своей героической, но неравной борьбе с наемниками объединенного туземного и международного капитала финляндский рабочий класс весной 1918 года понес поражение. Но, подобно славной Парижской коммуне, также потопленной в крови пролетариата, и „побежденная“ финляндская революция прошла далеко не бесследно для грядущего „последнего и решительного“ боя мирового пролетариата»¹⁶. В этом плане главной целью книги стало, таким образом, стремление Смирнова отразить те революционные связи, которые существовали у большевиков с финскими социал-демократами, о которых ранее Свечников давал не редко ошибочные представления или ничего не сообщал.

В целом, как уже заметно из самого названия книги, автор явно избрал предметом своего повествования три основные даты, связанные с историей рабочего движения в Финляндии. Они связывались с Первой русской революцией, затем с событиями 1917 г. и, наконец, собственно с финской революцией 1918 г. В результате, В. М. Смирнов четко стремится обратить внимание исключительно

на политические сюжеты. Причем это заметно с самого начала его работы, когда автор описывает предысторию, а затем и ход Первой русской революции. Действительно, хорошо известно, что именно тогда в Финляндии стали возникать реальные столкновения с царским самодержавием и также, как в России, произошла первая политическая забастовка, а затем стали осуществляться первые попытки реального парламентского реформирования. Именно тогда также появились еще и первые отряды финской красной гвардии. Более того, летом 1906 г. здесь в крепости Свеаборг также вспыхнуло первое в Финляндии серьезное восстание русских солдат¹⁷.

Однако не все эти события нашли свое отражение в книге В. М. Смирнова. В своей работе автор явно пытался, прежде всего, рассмотреть Финляндию в качестве некоего «революционного моста», соединившего Россию с Европой. Поэтому именно с данных позиций он и стремился взглянуть на происходившие в начале XX в. события. Причем очевидно, что подобный подход являлся далеко не случайным. Смирнов тогда сам находился в самом эпицентре контактов русских и финских революционеров, лично участвуя во всех перипетиях описываемых затем в книге событий. Характерно, что в работе этого отнюдь не скрывается. Как заметил В. М. Смирнов: «...Я прожил значительную часть своей жизни в Финляндии, работал там, следил на самом близком расстоянии за событиями в этой стране и пытался освещать их еще на страницах старой „Искры“ В. И. Ленина и в некоторых других наших партийных органах»¹⁸. Действительно, именно он непосредственно координировал пересылку в Россию из Стокгольма газеты «Искра». Он тогда также занимался и транспортировкой через Финляндию в Санкт-Петербург оружия. Таким образом, автор книги являлся профессиональным революционером¹⁹.

Имея богатое прошлое нелегальной революционной работы, В. М. Смирнов сделал, на базе имевшихся у него знаний, достаточно подробный обзор 20-летних финско-российских революционных связей. В книге он заметил: «Мы пытаемся не только осветить развитие революционной борьбы финляндского пролетариата, но и дать представление как о старой работе русских большевиков в Фин-

14. Свечников Михаил Степанович // Русская армия в Великой войне: Картотека проекта. – Режим доступа: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=877>. Дата посещения: 09.10.2017.

15. Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933.

16. Там же. С. 3.

17. Подробно см.: Власова М. Н. Пролетариат Финляндии в годы Первой русской революции (1905–1907). Петрозаводск, 1965.

18. Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 3.

19. Подробно см.: Дашков Ю. Ф. Его знали под именем Паульсон. М., 1984; Усыскин Г. С. В. М. Смирнов («Паульсон») в Петербурге, Финляндии и Швеции // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002.

ляндии при царизме, так и о борьбе их в Финляндии с Временным правительством гг. Милюковых и Керенских и с их верными слугами — оборонцами»²⁰. Далее же автор подчеркивает, что «в основу настоящей книги положены наши прежние статьи, помещенные раньше в [журналах 1926 и 1932 гг.] „Пролетарской революции” и „Красной летописи”». Однако при этом Смирнов подчеркнул, что его прежние публицистические работы в книге дополнены еще новыми российскими, а «особенно» финляндскими источниками, многое же вообще, как он указал, им было «написано заново»²¹. Раскрывая свою источниковую базу, автор также уточнил, «кроме личных воспоминаний, источниками для нас послужили почти полные комплекты за 1917 г. выходящих в Гельсингфорсе русских газет — „Известия гельсингфорсского совета”, „Волна”, „Прибой” и „Социалист-революционер”, официальный орган (на шведском языке) финляндского рабочего правительства — „Арбертарнас Нотисблад” (1918 г.), буржуазная гельсингфорсская газета „Хувудстадсбладет” (1917/18 гг.), отдельные номера др. финляндских газет, „Искра” и „Новая жизнь”...». Смирнов также отметил, что стремился использовать еще «богатую финляндскую историческую и мемуарную литературу на шведском языке, в частности труды и воспоминания белых финляндских писателей о финляндской революции 1918 г. и проч.»²².

Все эти уточнения к данной работе, как представляется, являются весьма важными, поскольку по тексту самого сочинения справочный аппарат, к сожалению, отсутствует. Также достаточно важным является еще то, что в пояснениях к тексту содержатся уточнения, что «если в отделе I наше изложение основывается главным образом на личных воспоминаниях, то в отделах II и III — на литературных источниках, причем нередко в вышеозначенных русских газетах мы почерпали материал из своих собственных старых статей, заметок и обзоров политической жизни в Финляндии»²³. Кроме того, Смирнов указал, что активно использовал ту историческую литературу, касающуюся революционных событий и особенно финской гражданской войны, которая к моменту написания книги уже вышла в Финляндии и Швеции. Таким образом, время 1917-1918 гг. автор постарался реконструировать, опираясь уже на доступные тогда исторические источники.

20. Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 3.

21. Там же. С. 3-4.

22. Там же. С. 4.

23. Там же.

С другой стороны, из содержания работы явно заметно, что Смирнов не претендует на особую полноту своего изложения. Он достаточно скромно подчеркивает, что «дать полную картину всех сторон финляндской революции мы не можем, но надеемся, что наша работа поможет читателю, незнакомому с этой революцией, составить себе хотя бы некоторое представление о важнейшей эпохе в истории финляндского пролетариата». Далее он весьма вероятно справедливо замечает, что «в нашей книге быть может и будущие историки найдут для себя некоторый материал о Финляндии»²⁴.

Любопытным также выглядят еще и оценки, которые сделал В. М. Смирнов в отношении своих предшественников. Несмотря на то, что о внутривосточной ситуации в Финляндии и о «финляндском вопросе» в кон. XIX — нач. XX вв. в России писали довольно много²⁵, Смирнов эти материалы квалифицировал только как работы, представлявшие целый ряд «реакционных русских публицистов и „ученых” юристов»²⁶. Это утверждение проводило непреодолимую грань, отделяющую его работу от всех его предшественников, занимавшихся изучением истории Финляндии в дореволюционный период. Более того, Смирнов на страницах своей книги, несомненно, находился на стороне всех тех в Финляндии, кто выступал «против дикого произвола русского царизма»²⁷.

В целом, работа Смирнова позволила взглянуть на достаточно слабо разработанные до этого вопросы, касающиеся революционного движения в Финляндии и финско-русских революционных связей. Но проведенное Смирновым исследование в большей степени носило субъективный и ярко выраженный «классовый характер». Оно было проведено с позиции одного из непосредственных участников событий описываемых событий. Тем не менее, эта книга все же оказалась на долгие годы единственным в СССР произведением, в котором была предпринята четкая попытка осветить политические события истории революции и гражданской войны в Финляндии²⁸.

Однако как работа В. М. Смирнова, так и книга М. С. Свечникова, хотя и являлись в Советской России первыми произведениями,

24. Там же.

25. См.: Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII—XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11.

26. Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 7.

27. Там же. С. 10.

28. В последующем интерес к данной теме в Советском Союзе начал возрождаться

касающимися истории Финляндии XX в., в строгом смысле не являлись ярко выраженными научными исследованиями. Более того, они никоим образом не опирались на работы по истории, изданные в царский период, и таким образом не имели своих исторических корней и предшественников в предшествующей эпохе. Преемственность же могла наблюдаться в 1920–1930-е гг. лишь в том, что как и основатель в кон. XIX в. российской скандинавистики Г. В. Форстен, ряд новых экспертов, которые стали готовить свои сочинения по «финской проблематике», оказались финскими иммигрантами. Это были т. н. «красные финны». Они также начали готовить свои статьи, касающиеся недавней истории Финляндии. Их, естественно, прежде всего, интересовали проблемы революции, а вслед за ней предполагались еще исследования, касающиеся вопросов современной социально-классовой борьбы.

В частности, уже в 1919 г. в Петрограде была опубликована работа О. В. Куусинена «Революция в Финляндии (самокритика)»²⁹. Куусинен входил ранее в революционное правительство в Финляндии и после поражения «красных» в гражданской войне в мае 1918 г. эмигрировал в Советскую Россию. После этого он сразу же приступил к подготовке работы, в которой стремился проанализировать ситуацию в Финляндии в 1917–1918 гг. и определить те ошибки, которые были допущены «красными» в этот момент³⁰. В результате весьма эмоционально и одновременно уничижительно он заметил, что причиной их поражения стало то, что период революции являлся «не днями борьбы и победы, а днями позорной сдачи без боя».³¹ Это утверждение, однако, не могло дать исчерпывающий ответ, касающийся собственно истории финской революции, а сама работа, конечно, носила публицистический по своей сути характер.

Что же касается дальнейшей творческой деятельности финских «красных» иммигрантов, то она, естественно, продолжалась. В 1920 г. в Москве вышел небольшой сборник «Финляндская революция» (109 стр.). В нем также принимал участие О. В. Куусинен. В сборнике

только с 60-х гг. XX-го в. См.: *Петров В.* Финляндия в планах империалистических держав в 1918–1920 гг. Петрозаводск, 1961; *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962; *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967; *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002; *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008 и др.

29. *Куусинен О. В.* Революция в Финляндии. (Самокритика). Пг., 1919.

30. Там же. С. 3.

31. Там же. С. 12.

рассматривались те же проблемы, о которых уже писал лидер левого движения Финляндии и он охватывал тот же самый исторический период 1917–1918 гг. Как и в предыдущей работе, здесь тоже, естественно, описывались события революции, кроме того давалась оценка законам, принятым «красным» правительством. В сборнике особо были представлены характеристики боевых действий Красной гвардии Финляндии и рассмотрены сюжеты, касающиеся подавления революции. В целом, безусловно, изданные на русском языке оценочные взгляды «красных финнов» могли стать соответствующими уже источниками для оценки тех представлений, которые сложились у сторонников леворадикального развития революционного движения в Финляндии в начале XX в.³²

В развитии же революционной проблематики в межвоенный период также следует учитывать еще небольшую работу, изданную уже в Ленинграде в 1928 г. молодым советским литературоведом, доцентом Ленинградского историко-лингвистического института М. Г. Майзелем — «Из страниц революционной истории финляндского пролетариата»³³. Эта работа, таким образом, появилась спустя уже 10 лет после поражения революции. Но очевидный интерес здесь представляет не сам автор этого произведения, которому в момент издания книги было всего 27 лет и который, как представляется, все же был весьма далек от «финских дел», а то, что предисловие к этой работе подготовил один из лидеров финляндской революции Ю. Сирола. Этот представитель леворадикального рабочего движения Финляндии также еще написал ряд собственных статей исторического содержания, касающихся рабочего движения в Финляндии³⁴.

Но, в целом, большего в тот период пока исследователи создать так и не смогли. В данном отношении, несомненно, здесь можно лишь заметить только определенные тенденции, которые наметились тогда в историографии в новой России. Они указывали на то,

32. См.: *Лехен Т.* Финляндия: Краткий исторический, политический и военный очерк. М., 1924; *Маннер К.* Финляндия. М.; Л., 1927; *Сирола Ю.* Коммунистическая партия Финляндии. М.; Л., 1929; *Вильми О.* Фашизм в Финляндии. Л.; Петрозаводск, 1931; *Ювеналий Ю.* Борьба классов в Финляндии / Предисловие: К. Маннер. М.; Л., 1931; *Kruuse P., Uitto A.* Suomea rajan takana 1918–1944. Suomenkielisen Neuvostokirjallisuuden historia ja bibliografia. Helsinki, 2008.

33. *Майзель М.* Из страниц революционной истории финляндского пролетариата. Л., 1928.

34. *Сирола Ю.* Октябрьские события 1905 года в Гельсингфорсе // Красная летопись. 1935. № 1 (12); *Сирола Ю.* 1905 год в Финляндии // История революционного движения в Финляндии // 1905. История революционного движения в отдельных очерках. III. Вып. I. От октября к декабрю. Революционное движение национальностей и окраин. М.–Л., 1927.

что исторические исследования все больше приобретали чисто прикладной характер. Изучались же сюжеты недавних событий, относящихся тогда к проблемам новейшей истории. Авторы строго рассматривали исторический материал, исключительно привязанный к последним событиям истории Финляндии, касающийся революции и гражданской войны.

В результате, объективно в 1920–1930-е гг. практически не было реальных исследователей, которые тематически продолжали бы творческую деятельность предшествующего «царского» периода. Более того, за исключением исторических оценок революции и гражданской войны в Финляндии, больших перспектив в научной разработке истории стран Северной Европы в Советской России явно не существовало. Однако и эти возможности оказывались достаточно ограниченными, поскольку тогда, своеобразными волнами, организовывались репрессии, которые нередко были направлены и против известных ученых-историков т.н. «старой» дореволюционной петербургской школы, но и касались представителей как т.н. «красных финнов»³⁵, так и новых советских исследователей. Иными словами, изучение в СССР в 1920–1930-е гг. истории скандинавских стран и Финляндии находилось в весьма глубоком кризисе.

Литература

Барышников В. Н. «Терийокское правительство» (1939–1940 гг.): феномен его образования // Университетские петербургские чтения. Санкт-Петербург-Петроград-Ленинград. СПб., 2002. С. 225–235.

Барышников В. Н. Игорь Павлович Шаскольский – основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 136–148.

Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. СПб., 2013. С. 172–190.

Васара В.-Т. Освещение деятельности праворадикальных сил в советской публицистике межвоенного периода // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, № 1. С. 43–47.

Вильми О. Фашизм в Финляндии. Л.; Петрозаводск, 1931. 82 с.

Власова М. Н. Пролетариат Финляндии в годы Первой русской революции (1905–1907). Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР, 1965. 186 с.

35. *Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. М., 2003. С. 7.

Возгрин В. Е. Балтийский мир – результаты и перспективы научных исследований // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2013. № 14. С. 236–257.
Дашков Ю. Ф. Его знали под именем Паульсон. М.: Политиздат, 1984. 304 с.
История Швеции. М.: Наука, 1974. 426 с.

Кан А. С. Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. М., 2003. С. 3–37.

Куусинен О. В. Революция в Финляндии. (Самокритика). Пг.: Издательство Коммунистического интернационала, 1919. 64 с.

Лехен Т. Финляндия: Краткий исторический, политический и военный очерк. М.: Высш. воен. ред. сов., 1924. 36 с.

Майзель М. Из страниц революционной истории финляндского пролетариата. Л.: Прибой, 1928. 164 с.

Маннер К. Финляндия. М.–Л.: Московский рабочий, 1927. 48 с.

Некрасов Г. А. Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР // Скандинавский сборник. XIII. Таллинн, 1968. С. 11–35.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 300с.

Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. (Воспоминания и материалы). М.-Пет.: Государственное издательство, 1923. 112 с.

Сирола Ю. Коммунистическая партия Финляндии. М.–Л.: Московский рабочий, 1929. 77 с.

Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л.: Лоиз., 1933. 230 с.

Смолин А. В. «Первая советско-финляндская война 1918–1920 гг.» историографические мифы или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 271–278.

Смолин А. В. Русские в Финляндии в 1918–1919 гг. (Рапорт лейтенанта Дихта морскому атташе в Швеции В. А. Шашевскому) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011, № 7. С. 165–172.

Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1962. 321 с.

Усыскин Г. С. В. М. Смирнов («Паульсон») в Петербурге, Финляндии и Швеции // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 40–44.

Финляндская революция. Сборник статей. М.: Государственное издательство, 1920. 116 с.

Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. 289 с.

Ювеналий Ю. Борьба классов в Финляндии / Предисловие: Куллерво Маннер. М.; Л.: Огиз - Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 165 с.

Manninen O. Vapaussota // Historiallinen Aikakauskirja. 1993. № 2. S. 116–120.

Pochljobkin W. W. The Development of Scandinavian Studies in the USSR (1917–1965) // Scandinavica, Vol. 5. № 1. Cambridge, 1966. P. 14–40.

Suomen vapaussota vuonna 1918. Os. II–VI. Hels.: Otava, 1921–1925. 572 s. (os. 2), 534 s. (os. 3), 496 s. (os. 4), 544 s. (os. 5), 508 s. (os. 6).

Svetsnikov M. S. Vallankumous ja kansalaissota Suomessa 1917–1918. Helsinki: Otava, 156 s.

Гражданская война в Финляндии в финской историографии в первой половине XX-го века

В финской историографии утверждение независимости страны долгое время являлось одной из центральных тем исторических исследований. У войны января-мая 1918 г. существовало большое количество наименований, и они явно находятся в зависимости от принадлежности говорящего к поддержке одной из противоборствующих тогда сторон¹. Тем не менее, на протяжении первых 40 лет после ее окончания в официальной финской историографии война носила исключительно наименование «освободительная» (финн. – «vapausota»). «Освободительной» она считалась в связи с тем, что в 1918 г. «белые финны» как бы вели борьбу не с «красными», а с большевиками и русскими войсками, находящимися в Финляндии еще с царского периода². Утверждалось, что остававшиеся еще на финской территории гарнизоны частей бывшей русской армии (42-й армейский корпус) и корабли Балтийского флота в некоторых портах и базах Финляндии не были выведены из страны и тем самым влияли на политическую обстановку³. При этом сам термин «освободительная война» несет в себе очевидное определение некоего героизма, отваги, общей борьбы за свое государство. В связи с этим становится предельно ясно, почему финны с таким трепетом относятся к этому понятию. Они гордятся тем, что народ сам в ожесточенных боях завоевал право быть независимым.

Важно учитывать, что еще во время самой этой войны многие финские политические деятели, противореча версии, что боевые действия ведутся за «освобождение Финляндии», подчеркивали все же ее т.н. классовый, социальный характер. Так, в начале марта 1918 г. один из правых депутатов финского парламента заявил, что «победа революции в Финляндии означала бы распространение чумы большевизма на Скандинавские страны и Западную Европу»⁴.

1. См. об этом: Юссила О. Финляндия — Великое княжество в составе Российской империи 1809–1917. М., 2010. С. 119–120.

2. См.: Suomen vapaussota vuonna 1918. Os. I–VI. Juväskylä, 1921–1927, 3228 s.; Suomen vapaussota. Os. I–VIII. Helsinki, 1921–1925. 3044 s.

3. Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 219.

4. Цит. по: Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 172.

«Красным финнам» не было необходимости скрывать это, и они открыто придерживались данной позиции. «Белые» же, напротив, пытались не замечать социальный характер существующей в Финляндии вражды и, в результате, пытались представить эту войну как «освободительную». Таким образом, революционеры становились, фактически, «изменниками родины»⁵.

Очевидно, что в работах, которые были изданы на территории Финляндии в период с 1919 г. по 1960 г., можно заметить, что многие авторы явно придерживались в отображении характера войны идей ее «освободительного» для Финляндии значения, оправдывая, таким образом, тот кровавый террор, который начался в стране по отношению к части ее населения. Уже в 1918 г. главнокомандующий финской армией К. Г. Маннергейм приказал создать комитет по изучению и выпуску многотомного издания, посвященного событиям гражданской войны. На роль главы этого комитета был назначен генерал-майор и помощник К. Г. Маннергейма – Х. Игнатиус. В результате кропотливой работы в 1921 г. был издан первый том данного фундаментального исследования, названного «Освободительная война Финляндии в 1918 г.»⁶. Также в этом году вышел и первый том из восьмитомного издания воспоминаний «белых» участников событий – «Освободительная война в Финляндии»⁷. Авторами воспоминаний выступали известные «белофинские» деятели и военные, которые принимали самое активное участие в боевых действиях.

Обе работы, безусловно, основываются на множестве документов, военных приказов, писем и др. Целью этих изданий являлось превознести действия «белой» армии, а также оправдать германскую интервенцию и максимально дискредитировать действие «красных» революционеров. Не может не бросаться в глаза, что основной идеей этих многотомников является то, что война 1918 г. носила в первую очередь «освободительный характер», и финны были вынуждены отстаивать свою независимость. Если верить написанному в данных работах, Россией были предприняты попытки вновь присоединить страну, а Финляндия вела войну за свое «освобождение». Неудивительно, что для того, чтобы данные положения казались более убедительными, в работах старательно избегается упоминание о том, что в 1917 г. советское правительство добровольно предостави-

5. См.: Там же. С. 172.

6. См. Suomen vapaussota vuonna 1918. Os. I.

7. Ibidem.

ло Финляндии независимость. Здесь наоборот подчеркивалось, что советская власть являлась незаконной и «зарубежные государства не признали правительство Ленина и Троцкого»⁸.

Говоря же о той роли, которую внесла Германия в исход гражданской войны, авторы писали, что эта помощь имела характер поддержки финнов в защите их суверенитета, тогда как произошедшая немецкая вооруженная интервенция абсолютно замалчивалась, и на протяжении еще долгого времени о ней старались открыто не говорить. Также недостатком данной работы можно считать и то, что в ней, т.н. «красные мученики» были обойдены молчанием, тогда как каждый погибший представитель белого движения удостоился письменной биографии.

Издание этих работ вызвало своеобразный резонанс в историческом обществе, и на страницах самого крупного исторического журнала Финляндии «Хисториаллинен Айкааускирья» (финн. — «Historiallinen Aikakauskirja») развернулась активная дискуссия об этих трудах⁹.

Следующим сочинением о событиях войны стал выпущенный в 1933 г. труд участника гражданской войны, а в дальнейшем преподавателя истории в военном институте (Kadettikoulu), Й. Ханнула «История финской освободительной войны»¹⁰. Это был, по своей сути, первый авторский анализ и обзор событий войны 1918 г. Ценность работы, безусловно, тогда была очень высока, поскольку при написании работы использовалось обширное количество источников и весьма подробное описание событий гражданской войны.

Несмотря на эти достоинства, монография имела прежнюю направленность, отражающую победы сторонников «белого» движения. В ней отчетливо все делилось на «черное» и «белое». В результате егеря и «белое» правительство представлялись исключительно патриотично, тогда как «красные» описывались, как и в большинстве работ этого периода, людьми явно «неблагополучными», зачастую имеющими судимости, а многие из них откровенно назывались «психически нездоровыми». Жестокость «красной» стороны конфликта, противопоставлялась «благородному» и «гуманному» поведению «белых». Естественно, зверства, которые «белые» устра-

8. Ibid. S. 325.

9. См.: Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии на страницах журнала «Хисториаллинен Айкааускирья» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 197–208.

10. Hannula J. O. Suomen vapaussodan historia. Helsinki, 1933. 326 s.

ивали в послевоенный период, в работе полностью замалчивались. Данная книга, как и большинство работ подобного толка, издаваемых на территории Финляндии, не могли, разумеется, дать объективную оценку произошедшим событиям. Но, тем не менее, в них явно присутствовало очень интересное и яркое описание многих событий 1918 г., особенно касающихся ключевых моментов гражданской войны.

После 1918 г. финская историография, однако, вынуждена была предложить ряд объяснений, касающихся исключительной жестокости гражданской войны. Если консервативные историки, государственные деятели, правые партии и церковь издавна интерпретировали гражданскую войну как войну за «освобождение», избавившую Финляндию от «большевистской угрозы» и обеспечившую стране национальную независимость, то историки левого направления всегда рассматривали этот конфликт как классический пример классовой войны. Говоря же о работах, которые носили по своей сути левый коммунистический характер, нельзя не обратить внимание на труды, изданные руководителями восстания, бежавшими в Россию в конце апреля 1918 г. Ими была основана в Москве Коммунистическую партия Финляндии (КПФ). Лидерами партии являлись такие известные коммунистические деятели как О. В. Куусинен, Ю. Сирола и К. Маннер.

Анализируя работы коммунистических лидеров Финляндии, можно выявить предпосылки войны, причины поражения и установить ход событий, рассматриваемый с противоположной точки зрения, отличной от официальной финской историографии послевоенного периода¹¹. Наиболее значимыми для изучения событий 1917–1918 гг. являются работы активных участников революции в Финляндии, входивших в состав революционного правительства в качестве народных уполномоченных – О. В. Куусинена и Ю. Сирола¹².

Сами события гражданской войны деятели коммунистического движения, в отличие от их противников, описывают достаточно

11. См.: Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. в работах деятелей финского коммунистического движения // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2016. № 17 (1). С. 225–235; Васара В.-Т. Освещение деятельности праворадикальных сил в советской публицистике межвоенного периода // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 1. С. 43–47.

12. См.: Куусинен О. В. Избранные произведения. (1918–1964). М., 1967. 687 с.; Куусинен О. В. Революция и Финляндия (Самокритика). Пг., 1919. 64 с.; Kuusinen O. W. Suomen työväenliikkeen opetuksia. Julkaisija ja kustantaja: Suomen Kommunistisen puolueen puoluetuimikunta. Lappeenranta, 1949. 59 s.; Финляндская революция, М., 1920. 116 с.

сухо, отмечая только самые основные моменты. Все авторы сходятся в едином мнении, что победу «белая» финляндская армия одержала лишь в результате германской помощи, хотя многие русские солдаты и матросы вступали в ряды финских красногвардейцев, а самой красной гвардии также было передано достаточное количество оружия, снаряжения и обмундирования¹³.

Обсуждая итоги гражданской войны, авторы, придерживающиеся марксистской идеологии, приходят к единому мнению: война, которая вспыхнула в конце января, а уже к первым числам мая 1918 г. закончилась поражением, а рабочие были разбиты после того как германская армия оказала «белым» подкрепление. Особенным затруднением представлялось во время революции то обстоятельство, что у «красных» почти совершенно не было военных знаний. Использование русских специалистов затруднялось незнанием русского языка и подозрительным отношением к офицерам, среди которых, действительно, были и предатели.

Вторым недостатком было непонимание «искусства восстания». Хотя и был опыт 1905 г., но он не привел, как они считали, к открытым столкновениям. В работах, тем не менее, признавалась ещё возможность обретения с помощью русских большевиков лучшей «революционной выучки». При этом левые историографы сравнивали итоги финляндской революции с Парижской коммуна, поскольку считали, что в Финляндии повторились почти все ее ошибки. Не была также, в отличие от Советской России, провозглашена и диктатура пролетариата, хотя «фактически она и существовала» и действительно соответствовала «интересам рабочего класса демократии»¹⁴.

Немаловажным стало и то, что в связи с новым витком в изучении истории гражданской войны, начиная с 1950-х гг. появляются работы, посвященные взаимоотношениям Финляндии и Германии. Толчком к этому было рассекречивание фондов немецких архивов. Взаимоотношения между Финляндией стали восприниматься совсем иначе, нежели раньше, после того как в 1957 г. была опубликована работа директора Государственного архива Финляндии Юрье Нурмио¹⁵. Его труд был основан на материалах немецкого МИДа, и Нурмио первым проанализировал подробно роль Германии в про-

13. Suomen työväen vallankumous. Helsinki. 1978. S. 52.

14. Ibidem.

цессе провозглашения и становления финляндской независимости. Важным было также и то, что он, на основе убедительных доводов, опроверг концепцию немецкого давления на правительство большевиков с целью признания независимости Финляндии¹⁶.

Невозможно составить полноценное мнение о событиях гражданской войны без учета всех мнений. Для этого очень важно рассмотреть воспоминания В. Таннера¹⁷, который после Февральской революции в России, совместно с другими правыми социал-демократами, вошел в коалиционный сенат Финляндии, заняв пост министра финансов. В воспоминаниях Таннера можно подробно узнать о его сотрудничестве с Временным правительством. В. Таннер имел связи как с представителями финляндской, так и русской буржуазии. Из его работы видно, какие действия он предпринимал для сближения с немецким командованием. Отчетливо наблюдается его эволюция во взглядах на революцию. В изложении событий автор четко придерживается «белофинской» идеологии, и в его работе, как и во всех работах «белофиннов», искажены реальные события войны.

Несмотря на четкую правительственную линию, которой придерживался В. Таннер, его воспоминания подверг критике О. Талас, входивший в 1917-1918 гг. в состав «белого» сената в качестве министра юстиции. Талас написал ответ В. Таннеру, который был опубликован в том же году, когда вышли мемуары лидера финских социал-демократов¹⁸. В данной работе он критикует Таннера за то, что автор воспоминаний все же недостаточно твердо поддерживал курс, выбранный «белым» правительством.

Вслед за воспоминаниями В. Таннера были опубликованы также мемуары главнокомандующего финской «белой» армии К. Г. Э. Маннергейма¹⁹. Они представляют собой не только личные воспоминания, но и полноценный труд по политической истории Финляндии, посвященный эпохе перехода от автономии к независимости, что позволяет проследить эволюцию финляндской государственности, определить основные внутри- и внешнеполитические факторы развития, выявить конкретно-исторический контекст национально-

15. Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo-Helsinki, 1957. 376 s.

16. Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. С. 20.

17. Tanner V. Kuinka se oikein tapahtui: vuosi 1918 esivalheineen ja jälkiselvittelyineen. Helsinki, 1949. 500 s.

18. Talas O. Ei se niin tapahtunut – vastaus Väinö Tannerille. Hämeenlinna, 1949. 210 s.

19. Mannerheim C.G. Muistelmat. Helsinki, Osa I-II. 1951. 536 s.

государственного строительства. Разумеется, ход истории в этом труде непосредственно связан с личностью и деятельностью самого автора и, как и любые мемуары, это мнение, достаточно субъективно. Важным является и то, что мемуары Маннергейм писал уже в преклонном возрасте и не в одиночку, а в работе над воспоминаниями играли важную роль приближенные к маршалу – генерал Э. Хейнрикс и полковник А. Паасонен²⁰.

В целом в его мемуарах отчетливо виден переход в политической ориентации к буржуазно-демократическому направлению, которое было обусловлено его разочарованием самодержавным характером российской государственности в период правления Николая II, несмотря на то, что именно в это время и благодаря близости к российскому трону он сделал блестящую военную карьеру.

Маннергейм рассматривает развитие российской и финляндской государственности в тесной взаимосвязи и обусловленности влиянием общих для обеих государственно-правовых систем факторов. Складываящуюся в 1917 г. внутривнутриполитическую обстановку в Финляндии он традиционно характеризует как растущую «анархию», вызванную «своеволием и беззаконностью» значительных общественных левых сил, части финского народа. К правительству Финляндии в мемуарах применяются термины «бессильные» и «беспомощные», у которого «были отобраны последние капли власти»²¹. В целом воспоминания главнокомандующего не внесли какого-либо ценного знания в изучение гражданской войны, хотя событиям войны отведена большая глава. Как и следовало ожидать, изложенное в воспоминаниях восприятие войны является абсолютно официальным и достаточно сухо изложенным.

Продолжая разговор о мемуарах, важно отметить и опубликованные на финском языке мемуары командующего немецкой Балтийской дивизии генерала Рюдигера фон дер Гольца²². Важным в его воспоминаниях является то, что он был тогда тем человеком, с которым «белое» правительство Финляндии обсуждало острые пробле-

20. Барышников В.Н. Вступление Финляндии во вторую мировую войну 1940-1941 гг. СПб., 2003 С. 10-11. Э. Хейнрикс в 1957 г. также опубликовал свою собственную работу, касающуюся биографии Маннергейма. В первом томе этого произведения он также затронул события связанные с гражданской войной в Финляндии. Причем её автор явно стремился подтвердить все те сведения, которые содержались до этого в мемуарах маршала (См.: *Heinrichs E. Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa I. Valkoinen kenraali 1918-1919.* Helsinki, 1957. S. 56-62, 64, 87, 92, 93, 181 и др.).

21. *Mannerheim C. G. Muistelmat.* S. 223-224.

22. *Von der Goltz R. Toimintani Suomessa ja Baltian maissa.* Porvoo. 1920. 429 s.

мы внутренней и внешней политики. События, развернувшиеся в 1918 г. в Финляндии, с точки зрения немецкого офицера, полностью поддерживают концепцию «освободительной войны», поскольку врагом являлись русские. Также автор не скрывает, что введением войск в Финляндию Германия стремилась поставить под удар Петроград. Интересна изложенная в мемуарах информация о судьбе революционеров, попавших в руки белогвардейцев. Поскольку финляндское правительство не могло содержать в тюрьмах много тысяч приговоренных к заключению, то оно обратилось к фон дер Гольцу с предложением использовать их на работах в Германии или на оккупированных Германией территориях. В работе прослеживается идеология «освобождения» Финляндии от большевизма. Мемуары немецкого генерала носят весьма информативный характер о действиях немецких частей в Финляндии и, определенно, в дальнейшем они стали важным источником по вопросу становления независимости в Финляндии.

«Белая Финляндия» считала войну 1918 г. той войной, которая окончательно обеспечила «свободу» Финляндии. Данное толкование, однако, предполагало, что война против России продолжилась и завершилась лишь в 1920 г. заключением в Тарту (Юрьеве) мирного договора. Эта борьба также выражалась в той помощи, которую финны стали оказывать своим «братьям» в «Восточной Карелии», а также в Ингерманландии, Эстонии и еще на Крайнем Севере в области Петсамо. Считалось, что в этих районах происходила такая же борьба «за свою независимость», как и в самой Финляндии²³. Более того, события в «Восточной Карелии» 1918–1922 гг. вообще однозначно трактовали как «восстание» местного населения, направленное против утверждения там советской власти²⁴. В целом, начиная с 1920-х гг. в финляндской литературе за данными событиями закрепляется общее понятие — «племенные войны».

В итоге, хронологические рамки «войны за независимость», с учетом «племенных войн», явно расширяются и распространяются на более поздние события. Они касаются уже непосредственных боевых действий в советской Карелии, что в результате соединяет гражданскую войну в Финляндии с рассмотрением еще и «ка-

23. Хенттиля С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944 // Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 2010. С. 119.

24. *Jakkola J. The Finnish eastern question.* Porvoo – Helsinki, 1942. 400 s.

рельского вопроса». В итоге авторы начали тогда разбирать чисто финско-советское противостояние 1918–1922 гг., доводя все до т.н. «карельского восстания» и массового исхода в Финляндию в 1922 г. беженцев из «Восточной Карелии». В результате, по подсчетам исследователя К. Иммонена, за период с 1918 по 1939 гг. в Финляндии было опубликовано 116 подобных книг. Причем в 46-и из них была еще представлена идея «великой Финляндии»²⁵.

При этом касаясь «освободительной войны» и «карельского восстания», авторы неизбежно должны были останавливаться и на идеи создания «великой Финляндии». Это уже явно демонстрировало в отношении Советской России в 1918–1922 гг. нескрываемые агрессивные замыслы, которые подкреплялись фактами попыток создания Финляндией в Советской Карелии в Олонце и Ухте марионеточных правительств. Целью данных действий, несомненно, было нескрываемое желание привлечь карельское население на свою сторону, являясь прямым аналогом организации марионеточного, «терийокского правительства», организованное на Карельском перешейке советским руководством, но уже в ходе «зимней войны»²⁶.

В целом, анализ финских исследований гражданской войны первой пол. XX в. явно не дает основания утверждать о каком-либо стремлении к достижению полных и объективных оценок. Несомненно, главной причиной этого являлись весьма острые переживания, которые были связаны со стремлением первых историков гражданской войны разобраться с достаточно непростыми, противоречивыми и весьма кровопролитными событиями внутренней истории Финляндии нач. XX в. В результате, издаваемая тогда литература стала носить ярко выраженный идеологический характер, где четко преобладали полярные по своей сути суждения.

Таким образом, очевидно, что при анализе данного историографического этапа в изучении истории гражданской войны в Финляндии достаточно сложно говорить об объективности издаваемых тогда работ. Крайняя политизированность, безусловно, мешала воссоздать истинные причины, по которым гражданская война в Фин-

ляндии превратилась в один из весьма кровопролитных конфликтов, который разразился тогда в Европе, а её исследовательская оценка еще явно не приобрела научно-аргументированный характер.

Литература

Бажанов Д. А. Гражданская война в Финляндии и русские военные моряки: реакция, участие, мотивы (на материалах экипажей кораблей Гельсингфоргской военно-морской базы // Санкт-Петербург и стираны Северной Европы. СПб., 2015. С. 50-61.

Барышников В. Н. Вступление Финляндии во вторую мировую войну 1940-1941 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 480 с.

Барышников В. Н. «Терийокское правительство» (1939-1940 гг.): феномен его образования // Университетские Петербургские чтения. Санкт-Петербург-Петроград-Ленинград 1703-2002. СПб., 2002. С. 225-235.

Барышников Н. И, Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939-1940 гг.). СПб.; Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2003. 362 с.

Бобович И. М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. (Эпоха империализма). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 192 с.

Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 244-256.

Васара В.-Т. Освещение деятельности праворадикальных сил в советской публицистике межвоенного периода // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 1. С. 43-47.

Вестерлунд Л. Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... СПб.: Аврора-Дизайн, 2013. 127 с.

Вихавайнен Т. Становление независимости Финляндии в финской исторической литературе // Россия и Финляндия в 1808-1809 годах. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 319-334.

Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб.: Нестор-История, 2017. 248 с.

Гольц, Р., фон дер. Моя миссия в Финляндии и в Прибалтике. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2015. 317 с.

Дубровская Е. Ю. Историографические и источниковедческие проблемы истории Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих в 1917г. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1987. 22 с.

Из истории Коммунистической партии Финляндии. М.: Госполитиздат, 1960. 207 с.

Куусинен О. В. Избранные произведения (1918-1964). М.: Политиздат, 1966. 687 с.

Куусинен О. В. Финляндия без маски. Москва: ОГИЗ Госполитиздат, 1943. 80 с.

25. *Immonen K.* Ryyssästä saa puhua... Neuvostoliitto Suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918-1939. Helsinki, 1987. S. 315-331.

26. См. об этом: *Барышников Н. И, Барышников В. Н.* Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939-1940 гг.). СПб. – Хельсинки, 2003. 363 с.; *Барышников В. Н.* «Терийокское правительство» (1939-1940 гг.): феномен его образования // Университетские Петербургские чтения. Санкт-Петербург-Петроград-Ленинград 1703-2002. СПб., 2002. С. 225-235.

Куусинен О. В. Революция и Финляндия (Самокритика). Пг.: Изд-во Ком. интернационала, 1919. 64 с.

Лехен Т. Финляндия: Краткий исторический, политический и военный очерк. М.: Высш. воен. ред. сов., 1924. 36 с.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. в работах деятелей финского коммунистического движения // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2016. № 17 (1). С. 225-235.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии на страницах журнала «Хисториалинен Айкааускирья» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 197-208.

Маннер К. Финляндия. М.-Л.: Московский рабочий, 1927. 48 с.

Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. 507 с.

Маннинен О. Война России против белогвардейских контрреволюционеров // Россия и Финляндия в 1808-1809 годах. СПб.: Европейский дом. 2010. С. 343-355.

Мейндер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь Мир, 286 с.

Мери В. Карл Густав Маннергейм, маршал Финляндии. М.: Новое лит. обозрение, 1997. 208 с.

Мусаев В. И. Судьба русской диаспоры в независимой Финляндии в 1918 г. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Вып. 2. СПб., 2007. С. 103-114.

Новикова И. Н. Деятельность русских организаций в Финляндии в 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001. С. 47-51.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 298 с.

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XXI вв. СПб: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. 620 с.

Пессу В. Значение Октябрьской революции для самостоятельности Финляндии и развития освободительной борьбы рабочего класса. М.: Госполитиздат, 1957. 39 с.

Пессу В. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1978. 335 с.

Саломая Э. Влияние октябрьской социалистической революции на рабочее движение в Финляндии. М.: Политиздат, 1967. 94 с.

Сирола Ю. Коммунистическая партия Финляндии. М.-Л.: Московский рабочий, 1929. 77 с.

Смолин А. В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918-1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 80-93.

Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России, 1918-1920 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 439 с.

Смолин А. В. «Первая советско-финляндская война 1918-1920 гг.» историографические мифы или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 271-278.

Смолин А. В. Русские в Финляндии в 1918-1919 гг. (Рапорт лейтенанта Дихта морскому атташе в Швеции В. А. Сташевскому) // Труды кафедры

истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 165-172.

Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917-1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1962. 321 с.

Тайми А. Страницы пережитого. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1951. 239 с.

Терашкевич А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Том 17 (№ 2). Выборг, 2016. С. 70-73.

Уйтто А. «Финновед» Отто Вилле Куусинен. СПб.: Гйоль, 2017. 387 с.

Финляндская революция. Сборник статей. М.: Государственное издательство, 1920. 116 с.

Хаапала П., Тукка М. Революция, гражданская война и террор в Финляндии (1918 год) // Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917-1923. М., 2014. С. 109-129.

Хентия С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917-1944 // Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М.: Весь мир, 2010. 127-256.

Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция М.: Наука, 1967. 387 с.

Шлихтер А. Г. Наша соседка Финляндия. М.: Красная новь, 1924. 22 с.

Ювеналий Ю. Борьба классов в Финляндии / Предисловие: Куллерво Маннер. М.; Л.: Огиз - Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 165 с.

Юссила О. Великие мифы финляндской истории. Хельсинки-СПб.: Руслания, Европейский дом, 2013. 336 с.

Hannula J. O. Suomen vapaussodan historia. Porvoo-Helsinki: WSOY, 1933. 326 s.

Heinrichs E. Mannerheim. Suomen kohtaloissa. Osa I. Valkoinen kenraali 1918-1919. Helsinki: Otava, 1957. 410 s.

Immonen K. Ryssästä saa puhua... Neuvostoliitto Suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918-1939. Helsinki: Otava, 1987. 650 s.

Itä-Karjala. Helsinki: Suomalaiset kirjakauppa, 1934. 271 s.

Jackson J. H. Finland. London: George Allen & Unwin LTD, 1938. 243 s.

Kruhse P., Uitto A. Suomea rajan takana 1918-1944. Suomenkielisen Neuvostokirjallisuuden historia ja bibliografia. Helsinki: BTJ Finland Oy, The Finnish National Library, 2008. 395 s.

Kuusinen O.W. Suomen työväenliikkeen opetuksia. Lappeenranta: SKP:n puoluetoimikunta, 1949. 59 s.

Linna V. Täällä Pohjantähden alla. Osa 1-3, Porvoo: WSOY, 1959-1962. 1527 s.

Mannerheim C.G. Muistelmat. Osa I-II. Helsinki: Otava, 1951. 536 s.

Mazaur A. Finland between East and West. Princeton: Westport, Conn., Greenwood Press, 1956. 298 p.

Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo-Helsinki: WSOY, 1957. 376 s.

Punttila L. A. Suomi vuonna 1918 // Historiallinen Aikakauskirja. 1958. № 4. S. 338-345.

Smith C. J. Finland and the Russian Revolution. 1917-1920. Atlanta: Press, 1958. 168 p.

Stenberg H. Kaukokarjala suhteissaan Suomen ja Venäjään. Helsinki: Ahjo,

1918. 44 s.

Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma. Helsinki: WSOY, 1937. 288 s.

Suomen kommunistinen puolue. Puoluekokousten ja keskikomitean plenumien päätöksiä. Osa I. Leningrad: Kirja, 1935. 514 s.

Suomen luokkasota: Histiriaa ja muistelmia. Helsinki: Superior, 1928. 525 s.

Suomen työväen vallankumous 1918. Arvioita ja itsekritiikkiä. Leningrad: Kirja, 1928. 216 s.

Suomen vapaussota vuonna 1918. Os. I–VI. Helsinki: Otava, 1921–1927, 3228 s.

Svetsnikov M. S. Vallankumous ja kansalaissota Suomessa 1917–1918. Helsinki: Otava, 156 s.

Talas O. Ei se niin tapahtunut – vastaus Väinö Tannerille. Hämeenlinna: Karisto, 1949. 210 s.

Tanner V. Kuinka se oikein tapahtui: vuosi 1918 esivaiheeseen ja jälkiselvittelyineen. Helsinki: Tammi, 1949, 500 s.

Vennola J. H. Politikamme kansakuntana: vapaita huomioita ja arvostelua. Helsinki: Otava, 1929. 339 s.

Voionmaa V. Suomen uusi asema. Maantieteellisiä ja historiallisia peruspiirteitä. Porvoo: WSOY, 1919. 464 s.

Von der Goltz R. Toimintani Suomessa ja Baltian maissa. Porvoo: WSOY, 1920. 429 s.

Wuorinen J. H. Nationalism in Modern Finland. New York: Columbia University Press, 1931. 302 s.

П. В. Петров

Документы об участии финляндии в событиях революции и гражданской войны в России в фондах ЦГАИПД СПб

В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) хранится определенный комплекс разнообразных документальных материалов по истории взаимоотношений между РСФСР (СССР) и Финляндией за 1917–1991 гг. Документы, которыми располагает ЦГАИПД СПб, всесторонне и подробно описывают самые различные аспекты истории этой проблемы: политическую, военную, экономическую, культурную и т.д.

Причем, надо отметить, что в основном это документы о деятельности финских неправительственных учреждений, организаций и обществ на территории РСФСР и СССР, а также документы советских партийных и государственных органов, учреждений и организаций, касающиеся непосредственно истории независимой Финляндии и Советской Карелии в 1918–1940 гг. Сами же документы по истории советско-финских взаимоотношений отложились в основном в фондах делопроизводственного характера.

Переходя непосредственно к теме истории гражданской войны в Финляндии в 1918 г. и участию финнов в событиях Гражданской войны в России в 1918–1920 гг., необходимо отметить, что данная проблематика также нашла своё отражение в документах этого архива. В основном, это материалы фондов № Р-1 («Петроградский комитет РКП(б)») и Р-16 («Ленинградский губернский комитет ВКП(б)»).

Тем не менее, надо отметить, что большинство архивных документов лишь косвенным образом затрагивают тему гражданской войны в Финляндии в 1918 г. Они, скорее, описывают какие-либо отдельные аспекты или последствия вышеуказанных событий. В результате до сих пор нет серьезных исследований, касающихся гражданской войны в Финляндии, в которых бы историки в какой-то степени опирались на фонды данного архива. Сейчас существует лишь очень ограниченный ряд изданий, подготовленных на документальной базе ЦГАИПД СПб, где можно отчасти заметить только определенный фон происходивших тогда севернее Петрограда событий¹.

1. См., например: Листовки петроградских большевиков, 1917–1920. Т. 3. Л., 1957; Петроградские листовки гражданской войны, 1918–1920 гг. Л., 1944; Под знаменем пролетарского интернационализма: Большевики Петрограда и Прибалтики в борьбе за Октябрь. Л., 1972 и др.

В целом, непосредственно боевые действия «красных» и «белых», также как и «красный» и «белый» террор на территории Финляндии в первой половине 1918 г., в данных документальных комплексах, в силу ряда объективных причин, почти не нашли своего подробного отражения. Фактически, это документы о советско-финских взаимоотношениях за период Гражданской войны в Советской России 1918–1920 гг.

Основной причиной такого положения дел может являться замкнутость, периферийность событий в Финляндии по сравнению с более масштабными и глобальными потрясениями в России в указанный период. Финляндия, получившая независимость в декабре 1917 г., осталась отдельной, изолированной территорией, на которой происходили хоть и значительные, но далеко не решающие для Советской России события. Нельзя забывать, что наиболее важные политические потрясения в России в это время были в Петрограде, Москве и на юге страны. Финляндия же являлась уже иностранным государством, которое напрямую не оказывало решающего влияния на внешне- и внутривнутриполитическую жизнь РСФСР.

Поэтому боевые действия в период гражданской войны в Финляндии в 1918 г. в архивных документах ЦГАИПД СПб, и, прежде всего, в материалах фондов № Р-1 и Р-16 освещались в целом недостаточно. В основном, здесь представлены материалы об организационной, пропагандистской и агитационно-издательской деятельности. Надо также отметить, что значительная часть документов по истории гражданской войны в Финляндии, представленных ниже, находится за рамками её официальной периодизации (январь-май 1918 г.) и находятся в более широком хронологическом диапазоне. Таким образом, отнесение указанных документов непосредственно к событиям финской гражданской войны является достаточно условным.

Документы из фондов ЦГАИПД СПб, во-первых, рассказывают о процессе установления советской власти на территории Финляндии. Например, в архиве имеются такие интересные документы, как приветствие съезда 3-й финляндской стрелковой дивизии о поддержке власти Советов рабочих и солдатских депутатов (12 декабря 1917 г.)², резолюция Исполкома Выборгского совета о переходе власти в руки Советов (январь 1918 г.)³, резолюция областного крестьянского съезда Финляндии о текущем моменте (9 января 1918 г.)⁴, протокол за-

2. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 90. Л. 6.

3. Там же. Оп. 1. Д. 203. Л. 47.

4. Там же. Л. 5.

седания дивизионного комитета 3-й финляндской стрелковой дивизии (26 февраля 1918 г.)⁵ и ряд других материалов.

Во-вторых, документы ЦГАИПД СПб освещают деятельность Коммунистической партии Финляндии (КПФ) и финских организаций на территории Советской России. К подобным источникам следует отнести Воззвание об организации Финляндской коммунистической партии (1918 г.)⁶, Инструкцию о работе финского коммунистического клуба (1918 г.)⁷, письмо о соглашении между ЦК РКП(б) и ЦК Финляндской КП о статусе финских клубов в Петрограде (апрель 1918 г.)⁸, сведения о численном составе финской районной партийной организации (июль 1918 г.)⁹, сведения о деятельности Финского рабочего коммунистического союза (26 августа 1918 г.)¹⁰, письмо об условиях создания финских коммунистических клубов в Петрограде и губернии (4 ноября 1918 г.)¹¹ и др. Есть также списки коммунистов Финской организации, с указанием года вступления в партию (с 1903 по 1919 гг.)¹².

О событиях самой гражданской войны в Финляндии и её последствиях рассказывают такие документы, как отношение коменданта Петрограда в Бюро военных комиссаров о помощи семье помощника комиссара П. Спасса, командированного в Финляндию и арестованного финскими властями (27 мая 1918 г.)¹³, протокол допроса инженера Арвинена о революционных событиях в Финляндии и о назначении его комендантом Гельсингфорса в дни наступления контрреволюции (1919 г.)¹⁴, разведывательная сводка о концентрации войск на территории Финляндии (1919 г.)¹⁵, сводка разведки Западного фронта Реввоенсовету Республики о положении на шведско-финляндской границе (декабрь 1919 г.)¹⁶.

Архив также располагает рядом документов о непосредственном участии финнов в событиях Гражданской войны в Советской России. Например, имеются сведения о сборе средств в помощь семьям финских рабочих-красноармейцев (май 1918 г.)¹⁷, о коман-

5. Там же. Оп. 4. Д. 123.

6. Там же. Ф. Р-16. Оп. 2. Д. 1376. Л. 1.

7. Там же. Оп. 1. Д. 289. Л. 29.

8. Там же. Д. 297. Л. 98.

9. Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 122. Л. 6.

10. Там же. Д. 64. Л. 47.

11. Там же. Оп. 4. Д. 132. Л. 5.

12. Там же. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 2676. Л. 8-12. Оп. 1. Д. 4. Л. 8-12.

13. Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 282. Л. 1, 2-5.

14. Там же. Д. 620-и. Л. 37.

15. Там же. Д. 499. Л. 16.

16. Там же. Д. 352. Л. 265-265об.

17. Там же. Д. 302. Л. 44.

дировании коммунистов-финнов в Пермь в распоряжение Уральского обкома РКП(б) (октябрь 1918 г.)¹⁸, протокол заседания бюро Петроградского комитета РКП(б) о мобилизации финнов на Карельский фронт (апрель 1919 г.)¹⁹, письмо ЦК Финляндской коммунистической партии в Петроградский комитет РКП(б) об отъезде на Карельский фронт 100 финнов-коммунистов (май 1919 г.)²⁰, письмо ЦК Финляндской компартии в Петроградский комитет РКП(б) о проверке благонадежности всех финнов, находящихся на службе в организациях и учреждениях, связанных с обороной Петрограда (июнь 1919 г.)²¹, о мобилизации коммунистов-финнов на Петроградский фронт (октябрь-ноябрь 1919 г.)²².

Отдельный блок образуют документы, посвященные пропагандистской и агитационной работе советских органов власти среди финского населения РСФСР. В частности, в архиве хранится письмо Шлиссельбургского райкома РКП(б) в Петроградский уездный комитет РКП(б) о работе среди финнов в Шлиссельбургском уезде (4 октября 1918 г.)²³, письмо секретаря клуба финских коммунистов в Петроградский губком РКП(б) об организации комитетов бедноты в уездах и волостях с финским населением (10 октября 1918 г.)²⁴, письмо Петроградского губкома РКП(б) в Шлиссельбургский уком РКП(б) о взаимоотношениях русских и финских коммунистов (12 ноября 1918 г.)²⁵, письмо Петроградского губкома РКП(б) в Шлиссельбургский совет об агитационной работе среди финского населения (декабрь 1918 г.)²⁶.

Отдельную группу образуют материалы, посвященные издательской деятельности Российской (РКП/б/) и Финляндской (КПФ) коммунистических партий. Среди имеющихся в архиве материалов есть документы о доставке газеты «Правда» комитету 114-го Новоторжского пехотного полка в Гельсингфорсе (январь 1918 г.)²⁷, о распространении газеты «Правда» в Финляндии (выписка прихода денежных сумм из книги счетов главной конторы газеты «Правда» от 12 января 1918 г.)²⁸, о доставке газеты «Коммунист» Гельсингфорс-

скому совету (журналы исходящей корреспонденции, счета конторы, сведения о распределении), дневная книга счетов конторы газеты «Коммунист» (март-май 1918 г.)²⁹, об обмене изданиями между редакциями газет «Коммунист» и «Известия» Гельсингфорского совета Свеаборгского порта (март 1918 г.)³⁰, о выдаче бумаги для издания финской коммунистической газеты «Вапаус» (отношение редакции газеты «Вапаус» конторе «Петроградской правды» от 30 июля 1918 г.)³¹.

Отдельную группу источников составляют материалы, посвященные деятельности известных лидеров коммунистического движения Финляндии. В частности, архив располагает документами о деятельности на территории РСФСР представителя финской коммунистической партии Э. А. Рахья. Конкретно имеется протокол 1-й Петроградской губернской партийной конференции об избрании Э. А. Рахья председателем финской секции РКП(б) (7-8 октября 1918 г.)³², извещение Петроградского губкома РКП(б) о приглашении представителя финской организации РКП(б) Э. А. Рахья на заседание губкома (14 октября 1918 г.)³³, протокол заседания Петроградского губкома РКП(б) об избрании его членом губкома (23 октября 1918 г.)³⁴, а также сведения об избрании его членом Делегатского собрания от Финского райкома РКП(б) (июль 1918 г.)³⁵. В архиве также содержатся документы о деятельности представителя финской секции при Северном обкоме РКП(б) Я. Саастомойнена (октябрь 1918 г. – март 1919 г.)³⁶ и О. В. Куусинена³⁷, а также за более поздний период (1919–1920 гг.) Т. И. Антикайнена³⁸. В архиве отложились документы о похоронах финского социал-демократа В. Борга, в частности протокол VI-й общегородской партийной конференции (8-10 июня 1918 г.)³⁹.

В результате можно сказать, что, несмотря на известную отрывочность и неполноту подборки документов, посвященной истории

18. Там же. Д. 275. Л. 20.

19. Там же. Оп. 2. Д. 27. Л. 1.

20. Там же. Оп. 1. Д. 501. Л. 23

21. Там же. Оп. 1. Д. 351. Л. 99.

22. Там же. Д. 466. Л. 4об.

23. Там же. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 296. Л. 13-13об.

24. Там же. Л. 15.

25. Там же. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 297. Л. 103.

26. Там же. Л. 246.

27. Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 308. Л. 1.

28. Там же. Д. 300. Л. 1.

29. Там же. Д. 326. Л. 28, 30, 32, 38, 49. Д. 328. Л. 28, 30, 32, 38, 49. Д. 316. Л. 17, 18, 19 об., 21, 22-318. Д. 320. Л. 17, 18, 19об., 21, 22. Д. 322. Л. 17, 18, 19об., 21, 22. Д. 324. Л. 17, 18, 19об., 21, 22.

30. Там же. Д. 327. Л. 8-329. Д. 328. Л. 2 об., 4 об. Д. 329. Л. 2.

31. Там же. Д. 302. Л. 38.

32. Там же. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 293. Л. 6 об.

33. Там же. Д. 297. Л. 30.

34. Там же. Д. 5. Л. 6.

35. Там же. Д. 122. Л. 6.

36. Там же. Д. 289. Л. 22. Д. 301. Л. 1-8.

37. Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1223. Л. 13об.

38. Там же. Д. 841. Л. 27.

39. Там же. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 116. Л. 39-40.

гражданской войны в Финляндии в 1918 г. и участию финнов в событиях Гражданской войны в России в 1918–1919 гг., документальные материалы ЦГАИПД СПб, тем не менее, способствуют всестороннему и углубленному изучению данной проблемы.

Литература

Листовки петроградских большевиков, 1917–1920. Т. 3. Л., 1957. 472 с.

Петроградские листовки гражданской войны, 1918–1920 гг. Л., 1944. 112 с.

Под знаменем пролетарского интернационализма: Большевики Петрограда и Прибалтики в борьбе за Октябрь. Л., 1972. 254 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ВОЙНЫ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

**Св. князь Александр Невский и Финляндия
(поход 1256 года, его причины, характер и результаты)**

Теме отношений св. князя Александра Невского с финскими племенами посвящена значительная литература. Это работы И. П. Шаскольского, У. Сало, Ю. К. Бегунова, Д. Г. Хрусталева¹ и др. Тем не менее, она требует дальнейших разработок и, в частности, изучения вопроса о походе 1256 г. – его причин, характера, последствий.

Переход св. князя Александра Невского, его дружины и новгородских добровольцев в земли финских племен по льду Финского залива, стал темой ряда легенд, укоренившихся в историографии. Так, сообщение Новгородской первой летописи о том, что «и бысть золь путь, аky же не видали ни дни, ни ночи» привел некоторых исследователей к мысли о том, что имеется в виду полярная ночь и воины князя Александра дошли чуть ли не до Полярного круга². Однако, судя по всему летописец имел в виду нечто другое: вьюги и морозы во время «ледяного похода» дружины князя Александра и новгородцев, закрывавшие солнечный свет и приведшие, возможно к обморожениям и гибели некоторых дружинников. Воины Александра Невского не дошли до Полярного круга не потому, что не могли этого сделать, а потому, что не нуждались в этом: их цель была гораздо более скромной – набег на Тавастию или Тавастланд, землю финского племени емь.

Для понимания характера данного похода необходимо обратиться к его предыстории, конкретно к истории борьбы за финские земли между Швецией и Новгородом.

Племена Центральной и Западной Финляндии емь и сумь с XI в. подвергались влиянию древнерусской культуры, что выразилось в целом ряде лексических заимствований³, однако оно не привело к принятию православия. Между этими племенами и Новгородом

1. Шаскольский И. П. 1. Емь и Новгород в XI–XIII в. // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 80. Серия исторических наук. Выпуск 10. С. 93–115; Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII в. Л., 1978; Сало У. К истории и предыстории системы провинций Западной Финляндии // Финно-угры и славяне. Л., 1979; Бегунов Ю. К. Александр Невский. ЖЗЛ. М., 2003; Хрусталева Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII в. М., 2012.

2. Таково мнение Шаскольского. «Александр и его воины дошли чуть ли не до Полярного круга // Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 255.

3. Например, слова raamatu «писание» (от «грамота»), «risti» (от «крест»). См.: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 25–26.

были отношения данничества, но, судя по ряду данных, достаточно нерегулярные⁴. Более активными оказались шведы, которые, после ряда столкновений с русскими и финнами, к началу XIII в. захватили земли племени сумь (запад Финляндии), а в начале 20-х гг. XIII в. шведский епископ Томас обращает племя емь в католичество⁵. Соответственно, емь ушла из русского подданства.

Не желая с этим мириться, князь Ярослав Всеволодович зимой 1227 г. предпринимает поход в земли еми, о чем сообщает Новгородская первая летопись: «Тоя же зимы Ярослав сын Всеволожь ходи из Новагорода за море на Емь, где же ни едын от князь Руских не взможе бывати и всю землю их плени, и възвратися Новугороду, слава и хваля Бога, ведый множество полона, якоже сущии с ним. Не возмогоша всего полона отвести, но овых сечаху, а иных множество пуцахут опять во своя си». При этом, вероятно, стоит выделить особые черты этого похода. Прежде всего, несомненно, в зимнем походе по льду Финского залива (за море) князь Ярослав Всеволодович оказался первопроходцем среди русских князей: «где же ни едын от князь Руских не взможе бывати». Лишь только позднее его сын св. кн. Александр Невский также пойдет по его стопам. Далее, результатом этого похода оказался только лишь «полон». Причем пленников было так много, что русские не могли всех их увести по льду Финского залива в Новгород. Как свидетельствуют источники, в результате этого часть захваченных в плен представителей племени емь была изрублена. Вероятно, казни проводились в данном случае в наказание за сотрудничество со шведами и принятие католичества. Но часть плененных все же была отпущена. В этом отношении яркой чертой похода стала его цель. Она явно состояла в наказании отпавшей от Новгорода еми и попыткой вернуть это племя к данническим отношениям с Новгородом.

Тем не менее, мы не видим никаких попыток Ярослава Всеволодовича закрепиться в Центральной Финляндии, он не осуществил насильственное крещение местного населения в православие. При этом показательно, что в 1227 г. он провел крещение корелы, води и ижоры. По-видимому, здесь он извлек уроки из потери Прибалтики, произошедшей не в последнюю очередь потому, что русские князья

4. Русским неоднократно приходилось ходить в походы, чтобы утверждать свою власть и собирать дань – в 1042, 1123, 1143, 1191 гг. См.: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 110–117; Хрусталева Д. Г. Северные крестоносцы... С. 161–163.

5. Opperman J. The English missionaries in Sweden and Finland. L., 1937. P. 210.

пренебрегали христианизацией местных племен и не настаивали на крещении чуди (эстов)⁶.

Ответной акцией еми явился их летний набег на кораблях в 1228 г., о котором сообщает та же Новгородская первая летопись: «Того же лета придоша Емь воевать в Ладозьское озеро в лодках и приде на Спасов день весть в Новгород. Новгородци же въседаше в насады, въгреша в Ладогу с князьм Ярославом. Володислав, посадник Ладозьский с ладожаны, не ждя новгородьць, гонися в лодиях по них в след где они воюют и постиже я и бися с ними. И бысть ночь, и отступиша в островец, а Емь на брезе с полоном: воевали бо бяху около озера на исадех и Олоньсь. Тои же ноци просивъше мира и не да им посадник с ладожаны, а они исекше полон весь, а сами побегоша на лес, лодки пометавъше, пеши их многы паде, а лодкы их ижгоша. Последь же оставшеся Ижерыне устретоша их бегающе, и ту их избиша много, а прок их разбежеса, куды кто видя; нь тежь Корела где обидуче, в лесе ли, выводяче, избиша: бе бо их пришло творяху 2000 или боле, Бог весь, а то все мертво»⁷.

Из источника можно четко сделать вывод, что целью еми были месть и грабеж, а также вывод пленных. Причем, в своей «отплатной акции» они проявили бóльшую жестокость, чем русские, изрубив всех пленных и никого не отпустив. С другой стороны, понятно, что поскольку посадник Владислав не дожидался «князей» дружины и новгородцев, то сил у ладожан и корелы хватило для ликвидации набега, хотя еми было более 2000 человек. Более того, очевидно, что значительную роль в победе над емью сыграли сами ижорцы и корелы, которые, пользуясь знанием местности и военных приемов еми, смогли добить неудачливых захватчиков. При этом, вероятно, стоит отметить уровень ожесточения: в отместку за истребленный русский полон ижора и корела не брали в плен никого.

В дальнейшем видно, что ижорцы и корелы оказываются верными союзниками Новгорода. В 1240 г. старейшина ижорцев Пелгусий, которому св. Александр Невский вверил морскую стражу, своевременно предупредил князя о приходе шведов в Неву под предводительством Ульфа Фасси и Биргера. С ним же связан рассказ о явлении св. Бориса и Глеба, возвестивших победу св. князя Александра в Невской битве⁸. В 1241 г. корела принимает участие в отвоевании Копорья.

6. Генрих Латвийский. Хроника. М., 1938.

7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000. С. 65.

8. Шаскольский И. П. Невская битва в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 15-23.

Напротив, сумь и емь принимали участие в шведских походах на Новгород. С другой стороны, емь стала объектом шведской агрессии. В 1249 г. Биргер собрал большое рыцарское войско, которое высадилось на южном берегу Нюландии — одной из областей Финляндии и завоевало ее. В 1250 г. Биргер завоевывает Тавастию (Тавастланд) и крестит ее жителей (в значительной мере насильно). Он закладывает крепость Тавастхус⁹.

По поводу завоевания Тавастии автор Хроники Эрика заметил: «Ту страну, что Эрик крестил, думаю русский князь [то есть Александр – В.В.] упустил»¹⁰. Это важное замечание говорит о следующих фактах. Во-первых, о массовом крещении еми по католическому обряду и, соответственно, о создании церковной организации, а следовательно и о выплате десятины, что, разумеется, не прибавляло симпатий еми к шведским захватчикам. Второе, о первоначальном суверенитете, хотя и номинальном, Руси над Тавастией, который был утерян после похода Биргера.

Возникает вопрос: почему св. Александр Невский не воспрепятствовал завоеванию Тавастии? Ответ может крыться в том, что князь Александр только в 1249 г. покидает Орду. В конце 1249 г. он присутствовал во Владимире при погребении князя Владимира Константиновича¹¹. В Новгороде князь Александр оказался только в 1250 г., возможно, уже после зимнего похода Биргера, когда исправить что-либо было уже затруднительно. Тем не менее, князь Александр Невский пытался урегулировать проблему средствами дипломатическими: зимой 1251–1252 гг. боярин Александра рыцарь «Микьял» прибыл в Тронхейм, столицу Норвегии для заключения союза с королем Норвегии Хаконом и договора о разделе владений в Финляндии¹². Поход на Тавастланд состоялся позднее и при иных обстоятельствах.

9. Существует дискуссия по поводу первоначального местонахождения Тавастхуса. Первоначальная точка зрения состоит в том, что Тавастхус изначально находился на своем традиционном месте — на острове у западного берега озера Ванаявеси (современная Хямеэнлинна). Однако, после археологического обследования городища Хаккойстен на неприступной скале появилось предположение относительно того, что именно здесь находился первоначальный Тавастхус, основанный Биргером и он находился здесь как минимум до новгородского похода 1310 г., поскольку Первая Новгородская летопись описывает шведский «детинец», как место «вelmi сильно, твердо, на камени высоце». Впрочем, по справедливому замечанию Д. Г. Хрусталева, находок ранее конца XIII в. на Хаккойстенлинне нет, как, впрочем, на Хямеэнлинне (См.: Хрусталева Д. Г. Северные крестоносцы... С. 407).

10. Хроника Эрика. Выборг, 1994. С. 13.

11. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 1997. С. 472.

12. Рыдзевская Е. А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хакоме // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX в. Л., 1970. С. 323-330.

Эти обстоятельства связаны с неудачным «Drang nach Osten» который, в конечном счете, планировался папской курией. После смерти благоразумного папы Иннокентия IV, в целом стремившегося уладить отношения с православными дипломатическим путем, на папский престол взошел папа Александр IV, сторонник агрессивной линии в отношении православных народов и крестовых походов против «схизматиков». В своей булле, направленной рижскому епископу Альберту фон Зуербееру, папа повелевает ему озаботиться обращением язычников за рекой Нарвой, то есть во владениях Новгорода: «Поскольку благородные мужи Отто фон Люнебург и Тидерик фон Кивель, братья Рижского и Ревельского диоцезов, преданные, как любезные дети, Римской Церкви, обратились к нам со своей просьбой о том, что они в соседней с нами земле небольшое количество язычников склонили к тому, что они... страстно захотели достигнуть понимания христианской веры, мы повелеваем тебе, коль это так, упомянутых язычников обратить в веру властью нашей, став главой их после того, как они определяют место для епископальной церкви и ей, как положено, выделяют долю от доходов своих. Если сочтешь, что все готово, поставь подходящего человека епископом и пастырем их»¹³.

В этой булле многое примечательно. Во-первых, папа (точнее его информаторы Отто фон Люнебург и Дитрих фон Кивель) признают небольшое количество язычников в сопредельных землях с Орденом. При сравнительной населенности водско-ижорских и карельских земель это означало только одно: признание того, что большинство сопредельных жителей являлись христианами. Следовательно, крещение води, ижоры и корелы, совершенное в 1227 г. Ярославом Всеволодовичем, дало свои плоды. Далее, светские феодалы, вассалы датского короля О. фон Люнебург и Д. фон Кивель, известный грабитель и барон-хищник¹⁴, чудесным образом становятся «братьями Рижского и Ревельского диоцезов». Щекотливость ситуации была в том, что владения Кивеля, Вирония, находились во владениях Ревельского епископа. И, тем не менее, полномочия миссии поставления епископа и взимания десятины передавались Альберту фон Зуербееру. Вероятно, папа желал таким образом от-

13. Liv, Est und Kurlandisches Urkundenbuch nebst Regesten // Herausgegeben von Dr. Friedrich von Bunge. Revel, 1853. Bd. I. № 281.

14. По документам Дитрих фон Кивель известен своими многочисленными захватами в Виронии. См. Liv, Est und Kurlandisches Urkundenbuch nebst Regesten... № 535.

метить крестоносные «заслуги» и «миссионерский» пыл рижского архиепископа: в 1253 г. силами вассалов Дерптского епископа и воинов из Виронии он попытался организовать захват Пскова. Правда, попытка кончилась позорным провалом, рядом поражений и полным опустошением Виронии.

Вот как об этом сообщает Новгородская первая летопись: «Воеваша Литва волость Новгородскую, и поимаша с полономъ, и угониша ихъ новгородци с княземъ Васильемъ у Торопча; и тако мьсти имъ кровь христьянская, и победиша я, и полонъ отъимаша и придоша в Новъгородъ здрави. Того же лета придоша Немци подъ Пльсковъ и пожгоша посадъ, но самехъ много ихъ пльсковичи биша. И поидоша новгородци полкомъ к нимъ из Новагорода, и они побегоша проче. И пришедше новгородци в Новъгородъ, и, покрутившесе, идоша за Нарову, и створиша волость ихъ пусту; и Корела такоже много зла створиша волости ихъ. Того же лета идоша съ пльсковичи воевать ихъ, и они противу ихъ поставиша полкъ, и победиша я пльсковичи силою креста честнаго: сами бо на себе почали оканънии преступници правды; и прислаша въ Пльсковъ и в Новъгородъ, хотяще мира на всеи воли новгородской и на пльсковской; и тако умиришася»¹⁵.

Не исключено, что архиепископ Альберт договорился с литовцами о совместном нападении на русские земли, однако ни ему, ни литовцам это не помогло. О силе, мужестве и «удачливости» немецкого войска свидетельствует тот факт, что псковичи смогли дать отпор захватчикам и без новгородцев, а сама весть о приходе новгородских полков заставила немцев позорно бежать назад. В отместку новгородцы подвергли Виронию полному опустошению; добыча, полученная в результате похода, должна была возместить их труды, предпринятые в походе на защиту Пскова. Попытка немцев взять реванш в том же году обернулась еще большим позором: судя по всему, они даже не дошли до Пскова, их разгромило на подступах к нему местное псковское ополчение. Естественно, архиепископ Альберт, а также Кивель и Люнебург жаждали реванша, но не видели для него возможности без помощи Christianitas – «Объединенной Европы» Средневековья.

Отметим также роль корелы в разорении земель Виронии и Уганди. Не исключено, что «миссионерское» донесение Кивеля и Люнебурга о язычниках Корельской земли, желающих принять христианство связано с желанием расквитаться с карелами, огнем и мечом

прошедших их земли. Представлять же дело в его подлинном виде было и позорно, и неудобно, в силу того, что немцы первыми напали на Псков.

Поскольку Орден в силу ряда обстоятельств предпочитал сохранять мирный договор 1242 г., архиепископ Альберт и Д. фон Кивель предпочли обратиться за помощью к ярлу Биргеру, который был не прочь взять реванш за Невскую битву и развить успех 1250 г. Шведы заключили союз с Д. фон Кивелем, переправились через Финский залив и, соединившись с людьми фон Кивеля, начали ставить город на реке Нарове¹⁶.

Об этих событиях лаконически сообщает Новгородская первая летопись: «Придоша Свея, и Емь, и Сумь, и Дидманъ со своею волостью и множество рати, и начаша чинити городъ на Нарове»¹⁷. Обращает на себя внимание присутствие воинов из покоренных шведами финских племен емь и сумь. Насколько добровольным было их участие в походе? Если некоторые исследователи, такие, как И. П. Шаскольский, считали его вынужденным и связанным с шведским завоеванием¹⁸, то мы держимся несколько иного взгляда. Емь и сумь со времени похода Ярослава Всеволодовича были настроены антирусски и неоднократно участвовали в походах на Русь. С другой стороны, корела и ижора, как правило, постоянно поддерживали Новгород. Противостояние между германским католическим и славянским православным миром дополнялось внутренним противостоянием среди мира финно-угорского: с одной стороны против Руси выступали окатоличенные чудь, емь и сумь, с другой стороны за нее сражались православные, либо подвергшиеся влиянию православия корелы и ижорцы.

Возникает вопрос: на каком берегу Наровы находился этот «город» (т. е. крепость), на западном или восточном? С одной стороны, современная Нарва как город появляется не ранее XIV в.¹⁹. С другой стороны, на ее месте с X в. существовало эстонское поселение. Решающим соображением, на наш взгляд, может служить то, что река Нарова являлась естественным рубежом между Орденскими и Новгородскими владениями и, соответственно «casus belli», поводом к войне могло являться строительство крепости именно на восточном,

16. Назаров Е. Л. Крестовые походы за реку Нарову: планы и реализация // Метаморфозы истории. Альманах. Вып. 2. Вена-Псков, 2002. С. 34-38.

17. Новгородская первая летопись... С. 308.

18. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии.... С. 227.

19. Там же. С. 229.

русском берегу. Строительство подобного укрепления могло преследовать тройную цель. Прежде всего, она сооружалась с тем, чтобы осуществлять перехват русских торговых путей по реке Нарове. Далее, это была база для дальнейшего покорения земель контролируемых русскими и населенных водью и ижорой, т.е. будущей Водской Пятины. Наконец, для шведов подобная крепость могла быть полезна не только для захвата новгородских владений, но и для передела «эстонского пирога», к которому шведы не успели в свое время.

Однако «совместное предприятие» Биргера и Кивеля позорно провалилось в самом его начале: «Тогда не бяше князя в Новгороде, и послаша новгородци в Низъ ко князю по полкы, а сами розослаша по своей волости, такоже копяще полкы. Они же оканнии, услышавше, побегоша за море»²⁰.

О степени крестоносного «героизма» можно судить хотя бы по тому, что для бегства доблестных борцов со «схизматиками» не потребовалось даже прибытие хоть какого-то новгородского войска. Шведы и их союзники, едва услышав о сборе Новгородского войска, немедленно бросили все строительные работы и отплыли назад в Финляндию. Воинство Д. фон Кивеля также бежало. Однако это было лишь начало бедствий. Вот как о дальнейших событиях сообщает Новгородская первая летопись: «В то же лето, на зиму... прииха князь Александръ, и митрополитъ с нимъ; и поиде Александр на путь, и митрополитъ с нимъ; и новгородци не ведяху, где князь идеть; друзии творяхуть, яко идеть на Чюдь. И дошед Копорьи, поиде Александръ на Емь, а митрополитъ поиде в Новъгородъ, а инии мнози новгородци въспятишася от Копорьи. И поиде князь съ своими полкы и с новгородци; и бысть золь путь, якоже не видаша ни дни, ни ночи; и многымъ шестникомъ бысть пагуба, а новгородцовъ богъ сблуде. И пришед на землю Емъскую, овыхъ избиша, а другихъ изима... и придоша новгородци с княземъ Александромъ вси здрави. Тогда же поиде князь на Низъ, поим послы новгородчкыя Елеуферья и Михаила Пинешиница, а сына своего Василья посади на столе»²¹.

Из данного сообщения, вместе с иными источниками, можно уже четко отметить, что появление митрополита в столь далеких пограничных северо-западных землях для Руси было уникальным. Очевидно, что оно имело единственную цель: утверждение право-

20. Новгородская первая летопись... С. 308-309.

21. Там же. С. 309.

славия в новгородских землях и, в особенности в Водской пятине и обеспечение лояльности местного населения Руси и великому князю. Однако здесь явно просматривается еще и другая задача. Присутствие митрополита Кирилла, верного сподвижника Александра Невского, могло явиться ответом на папскую буллу Альберту Зуерберту и назначение им Водского епископа и в очередной раз свидетельствовать о незаконности и неканоничности действий рижского архиепископа, коль скоро Водская пятина являлась законной частью Киевской митрополии и новгородской архиепископии. Кроме того, объезд митрополитом земель Ижоры и Води мог преследовать цель крещения еще оставшихся язычников²², что тоже должно было выбить всякую юридическую почву из под ног крестоносцев.

Далее, важным еще является и то, что войска направленные на Копорье давали возможность маневра дальнейшего продвижения либо на территорию современной Эстонии, либо на Финляндию. Кроме того, отдельная от войска поездка великого князя и митрополита, помимо ее миссионерского аспекта, могла обладать разведывательно-дипломатическим характером. Александр Невский мог выяснять все обстоятельства акции шведов и фон Кивеля, определять виновность сторон и выработать решения о направлении похода. Не исключено, что во время этой поездки он мог получить от Ордена известные гарантии его непричастности к действиям Кивеля, возможно, подкрепленные определенными выплатами. Решение же идти на емь могло быть связано как с намерением наказать шведов и финнов за вторжение, так и взять реванш за поход Биргера в 1249–1250 гг. До конца непонятно, собирался ли князь Александр Невский закрепляться в Тавастии, но, очевидно, это стало невозможным после того, как часть войска отказалась за ним следовать.

Очевидно, в этом случае, важно еще учитывать, что отпуск митрополита Кирилла из-под Копорья в Новгород был вполне естественен. Великий князь не мог рисковать первоиерархом Руси в далеком опасном походе в чужую землю за море, тем более, что поставление нового митрополита было связано с хлопотами и затратами²³. То, что «мнози новгородцы воспятишася», могло быть связано с нарушением с их точки зрения «ряда» – договора с ними князя: они рассчитывали на легкий грабеж в соседней Виронии, а им предстоял

«зол путь» через Финский залив. Здесь могли столкнуться разные понятия: нравы вольной Новгородской «республики», по которым участие в военных действиях ее «мужей» жестко ограничивалось временными и пространственными рамками, и формирующееся самодержавное сознание великого князя Александра Невского, который требовал службы в любых условиях и следования за собой хоть на край света. То, что отношения между великим князем и Новгородской общиной были далеко не безоблачными, показывает отсутствие князя в Новгороде на момент постройки шведами крепости на Нарове, а также то, что Александр Невский, перед тем, как посадить в Новгороде князем своего сына, перехватил новгородских послов Елевферия и Михаила Пинещинича, которые, очевидно, искали другого князя. Однако причина может быть и проще: многие новгородцы «воспятишася» в силу того, что убоялись долгого и опасного пути, часть которого проходила по льду Финского залива. Показательно при этом, что в числе погибших во время перехода не находятся новгородцы. Вероятно, пострадали суздальцы, как менее привычные к условиям замерзшего моря и суровой Финляндии. Однако могли погибнуть и карелы, причем от причин достаточно случайных.

Кроме того, при сообщении о разгроме Емьской земли обращает на себя внимание полное отсутствие упоминания об осаде, или взятии какой-либо крепости, в отличие от похода 1310 г., что может навести на мысль, что Тавастхус либо еще не был построен, либо его укрепления не являлись серьезным препятствием для врага. Правда, есть и другая возможность: как и в 1242 г. в Эстонии, князь Александр Невский мог не обременять себя осадой крепостей, а предпочитал пустить свои войска в «зажитие», то есть опустошение края.

Интересным является также и достаточно глухое упоминание о пленных: «овыхъ избиша, а другихъ изымаша». В отличие от сообщения 1227 г., в записи за 1256 г. не говорится о пригоне «полона» на Русь, как, впрочем, и об истреблении пленными. Не исключено, что пленными на Русь не привели вообще, в силу тяжелых условий перехода, а князь Александр судил на месте емчан. С одной стороны он мог жестко расправиться с участниками похода на Нарву, либо членами их семей, с другой он мог помиловать часть пленными емчан, в том числе с целью поддержки мятежных антишведских элементов.

В связи с походом Александра Невского встает вопрос о предполагаемом антишведском восстании еми, которое реконструиро-

22. Хрусталева Д. Г. Северные крестоносцы... С. 401.

23. См. Макарий, митр. История русской церкви. Т. 1. М., 1997. С. 120-130.

вал Шаскольский на основании буллы папы Александра IV от 1257 г. Приведем часть, относящуюся к нашему исследованию, которая говорит о походе 1256 г.: «Из писем дражайшего во Христе сына нашего Вальдемара, прославленного короля Швеции, стало известно неприятнейшее для нашего слуха и души сообщение о тягчайших и жестоких нападениях, которые очень часто переносят верноподданные этого королевства от врагов Христа, называемых обыкновенно карелами, и от язычников других близлежащих областей. Действительно, среди всех прочих опасностей, которые причинили названному государству коварство и жестокость этого племени, особенно в этом году, когда оно, неистово вторгнувшись в некоторые части данного государства, свирепо убило многих из верноподданных, пролило множество крови, много усадеб и земель предало огню, подвергло также поруганию святыни и различные места, предназначенные для богослужения, многих, возрожденных благодатью священного источника, прискорбным образом привлекло на свою сторону, восстановило их, к несчастью, в языческих обычаях и тягчайшим и предосудительным образом подчинило себе...»²⁴.

Из этой буллы можно сделать несколько определенных выводов. Прежде всего, очевидно, что из свидетельства Новгородской первой летописи нет никаких доказательств, что корела принимала участие в походе 1256 г. Разумеется, это не означало, что корела не могла участвовать в набеге на Финляндию, однако, судя по отсутствию ее упоминания в летописи, роль ее была не столь велика, в отличие от суздальцев и новгородцев. Даже если карелы и приняли участие в походе 1256 г., то назвать их язычниками было нельзя, поскольку великий князь Ярослав Всеволодович, как уже упоминалось, крестил почти всех карел, воев и ижору. Поездка митрополита Кирилла должна была укрепить угро-финские племена в новгородских пределах в православной вере. Следовательно, сообщение папы является ложным. Папа, преувеличивая роль карел в разорении Финляндии, и умалчивая о русских, и тем более, ничего не говоря о причинах нашествия, совершает тонкую подмену, представляя православных и по преимуществу русских участников похода, предпринятого в качестве возмездия за вторжения на русскую территорию, как коварных и жестоких язычников, разорителей святынь и врагов христианства. Цель этой тонкой лжи понятна – мобилизация Christianitas,

24. Цит. по: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 219-220.

Западной Европы на борьбу с Русью, конкретно с Новгородом и св. князем Александром Невским. Тем не менее, все же возникает вопрос: кто был творцом этой ложной информации? Вполне вероятно, что им был шведский король Вальдемар, которому выгодно было представить русских в виде язычников и привлечь на свою сторону помощь остальной Европы. Однако если это и было так, то показательно, что папа поспешил довериться этой информации.

Кроме того, требуется еще переоценка свидетельства о переходе еми в язычество под влиянием корел-язычников. Если православные выдаются за язычников, то не исключено, что еми переходила не в язычество, а в православие. Косвенным доказательством тому является первоначальное присутствие митрополита Кирилла в войске Александра Невского. Правда, митрополит покинул его после Копорья, но не исключено, что он мог отправить кого-либо из духовенства в качестве миссионеров в Тавастланд вместе с войском. Вполне возможно, что некоторая часть еми отпала от католичества и приняла православие, и вместе с русскими и корелой приняла участие в опустошении страны и истреблении шведов.

Далее, упоминавшееся в документе уничтожение католических храмов могло быть акцией возмездия за подобные же поступки немцев во время завоевания Эстонии в 10–20-е гг. а также вторжения на Русь в начале 40-х гг. XIII в. На Руси, кроме того, помнили разорение Константинополя, что показывает «Повесть о взятии Царьграда»²⁵. То, что эти действия соответствовали жесткой антикатолической линии св. князя Александра Невского, показывает его ответ папским легатам, прибывшим для переговоров об унии: «От Адама до... Седьмого Вселенского собора все то по порядку сведали, а от вас учения не приемлем»²⁶.

Но главный вывод, конечно, заключается в том, что русским не удалось закрепиться в Тавастии. Однако поход Александра Невского, очевидно, отсрочил дальнейшее продвижение шведов в Карелию почти на сорок лет²⁷.

25. См.: Повесть о взятии Царьграда // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 106–113.

26. Житие Александра Невского. С. 3, 87.

27. Жесткая акция возмездия, характерная для Александра Невского (например, его поход 1242 г. в Эстонию после освобождения Пскова), на долгие годы остановила крестоносную экспансию и явилась одним из элементов Drang nach West, начавшегося после поражения немцев под Псковом в 1253 г.

В целом, противостояние между западным католическим и русским православным миром, таким образом, коснулось и финно-угорских племен. Русь явно поддерживали православные, либо подвергшиеся влиянию Православия корелы и ижорцы. С другой стороны против Руси выступали окатоличенные чудь, емь и сумь. Однако позиция еми выглядит не столь однозначной: с одной стороны, емчане участвовали в походах на Русь, с другой — восставали против шведов и, не исключено, что часть из них поддерживали русских во время похода Александра Невского в 1256 г.

Кроме того, очевидно, что поход Александра Невского в Тавастланд 1256 г. имеет много общего с походом его отца Ярослава Всеволодовича в 1227 г. Среди общих черт можно выделить зимнее время, переход Финского залива по льду, связь похода с миссией. Также поход 1256 г. явно был акцией возмездия за попытку шведов и союзной еми утвердиться на русском берегу реки Наровы. Не исключается, что Тавастхуса как мощной крепости еще не существовало, поэтому о нем ничего не упоминается ни в Новгородской первой летописи, ни в булле папы Александра. Несомненно, при этом, следует учитывать, что поход 1256 г. был связан с миссией среди еми, как и среди других финских племен. Именно поэтому в начале похода в новгородском войске присутствовал митрополит Кирилл, который в дальнейшем мог послать в поход кого-либо из духовенства. Уничтожение католических церквей связано с возмездием за оскверненные православные храмы и с антикатолической политикой Александра Невского.

Литература

Барышников В. Н. Игорь Павлович Шаскольский – основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 136-148.

Бегунов Ю. К. Александр Невский. ЖЗЛ. М.: Молодая Гвардия, 2003. 251 с.

Генрих Латвийский. Хроника. / Перевод С.А. Аннинский. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1938. 608 с.

Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 380-400.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.

Назарова Е. Л. Крестовые походы за реку Нарову: планы и реализация // Метаморфозы истории. Альманах. Вып. 2. Вена–Псков, 2002. С. 15-42.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 2000. 564 с.

Повесть о взятии Царьграда // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 106-113.

Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV веках. М.: Наука, 1978. 240 с.

Рыдзевская Е. А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хако-не // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX в. Л.: Наука, 1970. С. 323-330.

Сало У. К истории и предыстории системы провинций Западной Финляндии // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 75-85.

Хроника Эрика. Выборг: Фантакт, 1994. 240 с.

Хрусталева Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII в. М.: Евразия, 2012. 621 с.

Шаскольский И. П. Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40–50-х гг. XIII в. // Исторические записки. 1953. Т. 43. С. 182-200.

Шаскольский И. П. Борьба против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII – начало XVI вв. Петрозаводск: Карелия, 1987. 140 с.

Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI–XIII в. // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 80. Серия исторических наук. Вып. 10. С. 93-115.

Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л.: Наука, 1978. 246 с.

Шаскольский И. П. Невская битва в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 15-23.

Liv, Est und Kurlandisches Urkundenbuch nebst Regesten // Herausgegeben von Dr. Friedrich von Bunge. Revel, 1853. Bd. I. 700 s.

Opperman J. The English missionaries in Sweden and Finland. New York: The MacMillan Company, 1937. 300 p.

Выборг и Нарва как ключевые центры шведской колониальной империи

На месте будущего Выборга ранее была карельская крепость, но в XIII в. она пришла в упадок. Новая шведская крепость была заложена на её месте в 1293 г. маршалом Торгильсом Кнутссоном для защиты Швеции от нападений с востока. Такие набеги новгородцев свершались, начиная с 1294 г., почти постоянно. Лишь Ореховецкий договор 1323 г. положил этому конец и крепость начала развиваться¹. В 1403 г. Выборг получил статус города.

Но гораздо большее значение, чем более крупный и расположенный на стратегически важном узле водных и сухопутных коммуникаций Выборг, со временем получила Нарва. В 1219–1346 гг. Дания владела Северной Эстонией. В 1223 г. для защиты своих земель ими была основана Нарва – как крепость и складочный центр для датских купцов, поскольку ранее уже велась торговля с Новгородом. Однако в том же году Северную Эстонию захватили немцы, которые владели Нарвой 15 лет. В 1238 г. датская власть восстановилась, но торговля с новгородцами не возобновилась.

В 1240–1242 гг. датчане и немцы совершили поход на Изборск, а в 1268 г. русское войско вторглось в Северную Эстонию, где при Раковоре произошла крупнейшая битва в истории Новгорода, закончившаяся его победой. В 1249 г. датчане пытались закрепиться на противоположном берегу Наровы, но безуспешно. В 1302 г. был заключён мирный договор, и длительное время он не нарушался.

При Вальдемаре IV Аттердаге (1340–1375) Дания раздвинула свои границы, и в 1341–1343 гг. королём были выкуплены, а частью отвоёваны до ¾ территории королевства, ранее захваченной немцами. В 1345 г. Нарвой от Вальдемара было получено городское право. Но не Любекское и не Магдебургское, а Рижское XIII в.², правда, модернизированное. В Эстляндии датская власть к этому времени ослабла,

1. Шаскольский И. П. Борьба против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII – начало XVI вв. Петрозаводск, 1987. См., также: Барышников В. Н. Игорь Павлович Шаскольский – основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 9. С. 136–148; Возгрин В. Е. Балтийский мир – результаты и перспективы научных исследований // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2013. № 14. С. 236–257.

2. Tuchtenhagen R. Zentralstaat und Provinz im frühneuzeitlichen Europa. Wiesbaden, 2008. S. 53.

и Вальдемар продал в 1346 г. немцам Ливонского ордена все свои владения с Ревелем и Нарвой – ради укрепления позиций в Гольштейне. Немцы через год возвели вокруг Нарвы новые стены и окружили город рвом. В 1492 г. был за одно лето построен Ивангород, из которого русские часто обстреливали Нарву. В 1558 г. Нарва перешла под власть царя, но местные бюргеры остались.

Эстляндский вопрос вновь обострился в ходе Семилетней войны (1563–1570) в результате которой разделились сферы влияния: Дания должна была торговать с Нарвой, а Швеция – с Ревелем, при этом последняя освобождалась от Зундской пошлины.

В 1581 г. Нарвой овладели шведы, а с 1611 г. – и Ивангородом. В 1595 г. по Тявзинскому миру Москва отказалась навечно от Нарвы. Шведы оставались здесь до 1704 г., что определило шведский облик города. И, конечно, её нельзя было сравнить с Ивангородом. Если в последнем в середине XVII в. было около 250 жителей, то Нарва насчитывала 3 300 граждан в то же время³.

Риксканцлер Аксель Оксеншерна, находившийся на этом посту с 1612 по 1654 гг.⁴, придавал Нарве большое значение, считая её важнейшим после Стокгольма городом великодержавной Швеции. Со стороны Балтийского моря держава угрозы не ощущала – как и агрессии на датской или норвежской границе. Но на востоке у шведских рубежей лежала огромная страна с неисчислимыми людскими ресурсами и, к тому же, неоднократно обнажавшая оружие против шведского соседа. В отличие от других колониальных империй Европы, для которых колонии являлись единственно источником доходов, прибалтийские провинции Швеции играли огромную роль в сохранении безопасности метрополии. И уникальность ситуации заключалась в том, что утрата колоний могла поставить империю на грань существования.

При этом риксканцлер считал, что обладание одной мощной крепостью, Выборгом, проблемы обороны не решает. В случае нового захвата русскими Нарвы они легко могут добраться по морю до шведской столицы. Поэтому А. Оксеншерна предлагал выстроить в Эстляндии и Ингерманландии ряд крепостей с надёжными гарни-

3. Soom A. Die ingermanländska städerna och freden i Stolbova // Svio-Estonica. Bd. 3. 1936. S. 34–45, 38–39.

4. За время служения Акселя Оксеншерны в качестве риксканцлера на шведском троне сменился ряд монархов (Густав II Адольф, королева Кристина и Карл X Густав), правой рукой которых он являлся. Кроме того, начиная с 1632 г. и до совершеннолетия Кристины (1644), он фактически управлял державой.

зонами «из природных» шведов, где самой мощной должна стать Нарва.

И отнюдь не Выборг, расположенный слишком далеко от прибалтийских колониальных провинций, а именно Нарва могла в будущем сыграть роль опорного пункта для всей восточной оборонительной системы и стать главным шведским форпостом в восточном направлении. Более того, для придания ей должного статуса канцлер предлагал королеве Кристине сделать город второй столицей после Стокгольма и каждый четвёртый год управлять страной из Нарвы⁵. Собственно, это было бы лишь возрождением старинной традиции, когда средневековые короли имели несколько резиденций, где жили в соответствии с определённым порядком.

План канцлера не реализовался, но во второй половине XVII в. город значительно разросся и экономически приобрёл большое значение. Конкретно же А. Оксеншерна ещё с 1643 г. питал, кроме того, известные надежды на торговлю с Персией шёлком именно через Нарву⁶. Но всё, чего он добился – это права для города-крепости чеканить собственную монету. Риксканцлер до этого не дожил, но ряд его планов, касавшихся экономики Нарвы (отмена пошлины для московских купцов, стапельное право и пр.) осуществил его сын, президент стокгольмской Коммерц-коллегии Эрик Аксельссон Оксеншерна⁷, у которого, возможно, были к этому и личные основания – в 1646–1653 гг. он являлся наместником королевы Кристины в Нарве⁸.

Кроме того, риксканцлер предвидел, что рано или поздно московская торговля совершит переход (derivation) от торговой базы в Архангельске на какую-либо балтийскую гавань, скорее всего на ближайшую к русским владениям Нарву. Отчего Аксель Оксеншерна полагал необходимым заблаговременно увеличивать причальную линию её торгового порта⁹. Этот план он осуществить не успел, как и свой проект радикального усиления оборонительных сооружений города. Однако его мысли о превращении Нарвы в крупный пере-

5. *Soom A.* Die merkantilistische Wirtschaftspolitik Schwedens und die baltischen Städte im 17. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge, Bd. 11, H. 2 (JUNI 1963). S. 183-222, 190.

6. *Roberts M.* The Swedish Imperial Experience 1560–1718. Cambridge University Press, 1979. S. 28.

7. *Troebst S.* Handelskontrolle. «Derivation». Eindämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden, 1997. S. 369-390.

8. Duchy of Estonia // *Know Encyclopedia* ([https://www.know.cf/encyclopedia/en/Duchy_of_Estonia_\(1561%E2%80%931721\)](https://www.know.cf/encyclopedia/en/Duchy_of_Estonia_(1561%E2%80%931721))) (Дата обращения: 20.09.2017).

9. *Troebst S.* Handelskontrolle. «Derivation». Eindämmung. S. 360-364.

валочный пункт, торговый центр, вторую столицу королевства и самую мощную крепость на востоке подхватил после его смерти в 1654 г. единомышленник риксканцлера, фельдмаршал и будущий генерал-губернатор Лифляндии Эрик Дальберг. Известный шведский фортификатор, он выстроил или модифицировал укрепления Риги, Таллинна, Карлсруны, ещё десятка шведских крепостей как в собственно королевстве, так и в заморских провинциях державы.

Но с Нарвой у него ничего не получалось. И дело было не в том, что он не встречал сочувствия у нового короля, Карла XI. Тот уделял огромное внимание армии, ведя мирную политику и имея основной задачей не приращение территорий к королевству, а сохранение коронных земель и колониальных провинций, доставшихся ему от предшественников на шведском троне. Поэтому он как раз очень хорошо понял мысли фельдмаршала, но ничего не мог сделать до определённого момента, а именно до достижения совершеннолетия. Ранее же финансовые и военные дела находились в руках совета опекунов – клики безнравственной и предельно коррумпированной. Но как только король полностью вступил в свои права, он тут же отдал Э. Дальбергу распоряжение приступить к модернизации Нарвской крепости.

И в начале 1680-х гг. престарелый инженер начал коренную перестройку укреплений Нарвы, придавая ей свою излюбленную форму шестибастионной крепости. Он придерживался при этом идей Себастьяна Вобана, в ту пору остававшегося непревзойдённым в Европе теоретиком-фортификатором (между прочим, Э. Дальберга ещё при жизни называли «Вобаном Швеции»)¹⁰.

Э. Дальбергом было начато и городское строительство. Вдоль всех улиц Нарвы строились каменные дома со скульптурами на фасадах и прилегающими садами. А около 1670 г. было воздвигнуто здание ратуши – самой величественной ратуши в королевстве. Строительство её велось по чертежам великого Никодима Тессина. А также до исхода столетия за счёт нарвского купечества была выстроена биржа – здание столь великолепное, что городские советники жаловались в Стокгольм на местных коммерсантов, якобы охваченных манией величия. На что купцы отвечали, что такая биржа – свидетельство здоровой экономики города. И они были правы, городское хозяйство буквально расцветало.

10. *Åberg A.* Erik Dahlbergh och rikets fästningar // *Den svenska historien*. Stockholm, 1978. S. 182–197.

Перестраивая укрепления, Э. Дальберг раздвинул Нарву в северном направлении. При этом он начертил новый план идеального города с прямоугольными кварталами, группировавшимися по обе стороны главной улицы, ведущей к помпезным, но так и не выстроенным Королевским воротам – до них очередь дошла лишь в сер. XVIII в. Строительство шло нескорыми темпами, причину чему следовало искать не на месте, а в Стокгольме. Там с 1660 г. начал править Карл XI. Точнее, король, которому едва исполнилось 5 лет, который мог лишь восседать на троне и подписывать непонятные ему указы, в то время, как страной реально правил совет опекунов. Эта кучка аристократов отличалась редкой алчностью, открыто расхищая королевскую казну и присваивая лучшие коронные земли¹¹. Понятно, что им было не до далёкой Нарвы, строительство которой затягивалось на десятилетия по причине нехватки средств. Так, работы на бастионах велись до 1704 г., то есть продолжались и во время Великой Северной войны, после первого, неудачного штурма русскими Нарвы. Но из шести рavelинов, предназначенных для защиты бастионов, к началу новой, роковой для гарнизона осады, успели завершить лишь два. Крепость была взята, а её жители частью выселены в тверские деревни, а частью проданы крымским татарам.

Сам же факт первого удара, нанесённого Петром Швеции именно по Нарве, свидетельствовал о стратегической мудрости и дальновидности А. Оксеншерны и Э. Дальберга, за полвека до начала Великой Северной войны предвидевших не только кем окажется будущий противник, но и куда он обрушит свой первый удар. И, как было показано, отнюдь не вина Э. Дальберга, что он не успел закончить модернизацию укреплений до начала большой войны, окончившейся поражением Швеции и утратой ею своего статуса великой балтийской державы¹².

Грустно осознавать, что великолепной Нарвы, одной из ярчайших жемчужин Балтийского мира, выстроенной в стилях от кирпичной готики до барокко, более не существует. Точнее, она есть – но это, в основном, так называемые «хрущовки» и безликие многоэтажные новостройки. Конечно, город был сильно разрушен от налётов советской авиации в марте 1944 г. Но он вполне подлежал комплексной реставрации – как Тарту или Таллинн. Однако в начале 1950-х гг.

11. Rystad G. Karl XI – en biografi. Lund, 2003. S. 11–19.

12. Peterson G. D. Warrior Kings of Sweden // Jefferson, London (North Carolina). 1991. P. 259.

в Таллинне состоялся пленум компартии Эстонской ССР, на котором было решено стереть с лица земли Нарву – «очаг упадочной культуры немецкого бюргерства» на эстонской земле. Москва незамедлительно и даже с одобрением это решение утвердила.

После чего город Нарва в буквальном смысле слова сносили бульдозерами. От прежнего великолепия уцелело лишь 16 зданий, несколько садов, которые не удалось уничтожить, да копия монумента «Шведский лев», установленного здесь в 1700 г. Карлом XII. И это всё...

Литература

Барышников В. Н. Игорь Павлович Шаскольский – основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 136–148.

Возгрин В. Е. Балтийский мир – результаты и перспективы научных исследований // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2013. № 14. С. 236–257.

История Дании с древнейших времён до начала XX в. М.: Наука, 1996. 505 с.

История Швеции. М.: Наука, 1974. 727 с.

Шаскольский И. П. Борьба против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII – начало XVI вв. Петрозаводск: Карелия, 1987. 140 с.

Шаскольский И. П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб: Дмитрий Буланин, 1998. 318 с.

Peterson G. D. Warrior Kings of Sweden // Jefferson. London (North Carolina): McFarland & Company Publishers, 1991. 300 s.

Roberts M. The Swedish Imperial Experience 1560–1718. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 156 s.

Rystad G. Karl XI – en biografi. Lund: Historiska media, 2003. 395 s.

Soom A. Die ingermanländska städerna och freden i Stolbova // Svio-Estonica. Bd. 3. 1936. S. 34–45.

Soom A. Die merkantilistische Wirtschaftspolitik Schwedens und die baltischen Städte im 17. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, Bd. 11, H. 2 (JUNI 1963). S. 183–222.

Troebst S. Handelskontrolle. «Derivation». Eindämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 649 s.

Tuchtenhagen R. Zentralstaat und Provinz im frühneuzeitlichen Europa. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2008. 583 s.

Åberg A. Erik Dahlbergh och rikets fästningar // Den svenska historien. Bd. 7. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1978. S. 182–197.

Свет и тени крейсерских действий русского флота в Русско-шведской войне 1788–1790 гг.

Хотя истории Русско-шведской войны 1788–1790 гг. на море посвящено немало трудов, проблема крейсерских операций Балтийского флота остается разобранной весьма поверхностно. И это при том, что последние, по идее, должны представлять собой более важную страницу военно-морского противостояния в означенной войне, ибо Швеция традиционно сильно зависела от морских перевозок. Во всяком случае, ловить русским крейсерам точно было что, поскольку только собственно шведский торговый флот на 1785–1786 гг. насчитывал не менее 900–1200 судов¹. А ведь шведами использовались еще и суда подвластной им Финляндии (число которых выросло за 1747–1799 гг. с 171 до 608 единиц²), не говоря уже о торговых кораблях иностранных государств. Попробуем восстановить объявленный пробел.

Картина получается следующая. Командовавший Балтийским флотом С. К. Грейг в течение всего 1788 г. обращал самое пристальное внимание на крейсерские действия. Уже в июле 1788 г. второй член Коллегии иностранных дел А. А. Безбородко, фактически руководивший тогда дипломатическим ведомством, писал Г. А. Потемкину: «Поелику три ста-пушечных корабля уже в Зунде, адмирал (С. К. Грейг. – А.Л.) считает возвращать их затруднительным, а представляет, что, имея на них 500 человек сухопутного войска, два медью обшитые и карронадами вооруженные катера и четыре транспортные суда, снабженные 16- и 12-фунтовыми пушками, соединяя с датскою, хотя малою, эскадрою, или без нея, послать скоростижно, по разрыве, на Готенбург, где только три фрегата, с тем, чтобы сей торговый флот разорить и буде можно вовсе испортить, тоже сделать и с близлежащим портом Марштрандом; а потом кораблям остаться до окончания дел с датскою эскадрою; катерам же – в Зунде и около оногo истреблять шведскую купеческую навигацию (курсив наш – А.Л.) ...»³. Сходные мысли мы видим и в его октябрьском пись-

ме российскому послу в Лондоне С. Р. Воронцову: «Адмирал Грейг думает справедливо, что, во что ни станет, надобно стараться истребить мореходство и порты шведские, не считая без того на долго прочным никакое иное распоряжение»⁴.

И хотя до полного воплощения означенных планов дело так и не дошло, определенный вред шведскому судоходству в кампании 1788 г. все-таки был нанесен. Постарались Копенгагенская и Кронштадтская эскадры.

Первая, пополнившись в столице Дании двумя купленными в Англии коттерами («Меркурий» и «Дельфин»), развернула деятельность в южной части Балтики. В результате, уже 2 августа 1788 г. командир Кронштадтского порта, генерал-интендант, вице-адмирал П. И. Пущин писал вице-президенту Адмиралтейской коллегии И. Г. Чернышеву: «Сего числа пришло аглицкое 3-х мачтовое судно «Вилиам Джон», на нем шкипер Эдуард Ден, в 12 дней из Копенгагена. Видел в Гельсиноре 3 наших корабля и тут же 2 катера и сказывали ему в Гельсиноре, что перед его приходом тот день приведены двумя нашими катерами и кораблем швецких судов 13 в приз...»⁵. Всего же к лету 1789 г. на счету Копенгагенских судов оказалось 27 трофеев⁶ (15 из которых числились за коттером «Меркурием»⁷).

Что касается же Кронштадтской эскадры, то она действовала в Финском заливе, стремясь посредством плотной блокады Свеаборга ослабить укрывшийся там после Гогландского сражения шведский флот. Частично ей это удалось – было захвачено 9 транспортных судов⁸ (см. таблицу), однако до полного успеха, как признавал даже сам С. К. Грейг, было еще далеко. «...Мое желание было, – писал он И. Г. Чернышеву, – стараться отрезать подвоз провизии к неприятелям в порт Швибург (Свеаборг. – А.Л.), в котором они терпят великий недостаток; а сию провизию к ним подвозят из Швеции на мелких судах, плавающих между шхеров, но как во флоте у нас лоцманов для проводок туда никак нет, да и мелких судов при флоте весьма недостаточно, то я почти надежды не имею пресечь оной подвоз провизии, ибо нам видно с моря их суда, плавающие между шхер, но возможности нет за ними следовать (курсив наш – А.Л.)...»⁹.

4. Архив князя Воронцова. Т. 13. М., 1879. С. 154.

5. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГАВМФ). Ф. 172. Оп. 1. Д. 344. Л. 177.

6. Материалы для истории русского флота. Ч. 13. СПб., 1890. С. 540.

7. РГА ВМФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 220. Л. 73.

8. Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 354. Л. 145-151, 252-252 об., 259.

9. Там же. Л. 99 об.

1. Müller L. Consuls, Corsairs, and Commerce. The Swedish Consular Service and Long-distance Shipping, 1720 – 1815. Uppsala, 2013. P. 142.

2. Unger R. W. Shipping and Economic Growth 1350–1850. Leiden, 2011. S. 176.

3. Сборник Русского исторического общества. Т. 26. СПб., 1879. С. 294-295.

Торговые суда, захваченные в 1788 г. Балтийским флотом¹⁰

Захваченное судно	Кем, где и когда захвачено	Груз
Шведская яхта	Фрегатом «Подражислав»... в близости Швибурга ¹¹ в 26 день июля»	Котлы, фитили, замки, чашки медные, тросы, свечи, сало, одеяла с подкладками, овчины бараньи, тюки с парусиной
Прусское судно «Курт Генрих»	«Фрегатом "Брячислав"... при входе в Швибург в 6 день августа»	Мясо соленое – 660 бочек
Прусское судно «Энихкейт»	«Оным же фрегатом "Брячиславом" против Гельсингфорса в 8 день августа»	Мясо соленое – 610 бочек
Прусское судно «Елизабет Фредерика»	«Кораблем "Ростиславом"... против Гельсингфорса»	Ржи – 85 ластов, рогож – 300 штук, досок – 66 штук
Прусское судно «Мария Елизабет»	«Приведено в Ревельский порт 29 августа фрегатом "Надежда Благополучия"»	Мясо соленое, уксус ренский, 10 мест с разными медикаментами
Датское судно «Баронесса фон Розенкрона»	«Пакетботом "Поспешным"... против Швибурга в 3 день августа»	Мясо соленое, горох белый, крупа грешневая, масло коровье, сухари, копченая ветчина, окороки
Датское судно «Фир Дамер»	«Приведен в Ревельский порт фрегатом "Надежда Благополучия"»	Мясо говяжье соленое, масло коровье, уксус ренский, мука пшеничная, сухари лучшего разбора, сухари корабельные, копченая говядина, крупа грешневая, свинина соленая, свиные половинки
Прусское судно «Оп гооп фон годе негоция»	«Приведено фрегатом "Мстиславцем"»	Мясо соленое – 930 бочек
Английское судно «Джон Екатерина»	«Одержано в Гангуте»	Говядины Лондонской, свинины, Говядины голстинской, копченой ветчины, уксусу, масла

10. Там же. Л. 145-151, 252-252об., 259.

11. Свеаборга.

Кроме того, образовался в 1788 г. и еще один центр крейсерских действий, развернутый по инициативе С. Р. Воронцова Р. Ечесом¹² в Северном (Немецком) море. «... Усердие мое к службе моего отечества, – в частности, С. Р. Воронцов писал А. А. Безбородко, – побудило меня к подкреплению плана г-на Ечеса, найдя, что оный может быть полезен России вредом, что нанесет он Швеции. Разорение, которое может причиниться Готембургу, достойно накажет сей город, наипаче всех привязанный к своему королю, и потом, обеспокая всю Шведскую торговлю, нанесет великий вред мещанам и купцам той земли, т. е. тем самым, кои более всех усердствуют королю в пользу самодержавного его правления. Но кой час предприятие Ечеса успеет к Готембургу, то жители сего города почувствуют, что вся их потеря происходит от сумасбродных предприятий государя, коего власть они умножали на свою пагубу. Но хотя бы сие предприятие и не удалось, потеря не велика, и у Ечеса останется, потеряв два брилота, еще довольная флотилия на разорение швецкой торговой навигации, после чего нигде, ни за какие цены, не захочет никто асикурировать их суда, чем самым пресечется вся выгода оной: ибо вся земля, не имея довольно собственных продуктов, обращает около 2000 купеческих судов в перевозе чужих товаров из одной земли в другую, довольствуясь малейшим фрахтом, нежели другие. Но кой час сии суда найдутся в опасности от наших каперов, то сия золотая руда прекратится для Швеции, мещане и купцы почувствуют, коль много они теряют и кому они обязаны сею потерю. В нынешнем положении нашем, когда не имеем усердных союзников, надо искать, чтоб нужда заставила самих поданных короля Швецкого быть противу его нашими союзниками...»¹³.

Здесь с конкретикой ситуация еще более сложная, однако известно, что в 1789 г. Р. Ечес развернул такую активность, что начал ловить даже суда англичан. Это вызвало большой переполох сначала в Лондоне, а затем в Петербурге.

«Непростительное поведение господина Ечеса, – в частности, 19 сентября 1789 г. С. Р. Воронцов писал А. А. Безбородко, – навело нам хлопоты, коих без того никак бы ожидать не можно было. С ним условлено было, что он с флотилиею своею будет непрерывно делать поиски на берега шведские и на суда сей нации, около оных

12. Встречаются и другие варианты прочтения его фамилии: Эчес, Этчес.

13. Архив князя Воронцова. Т. 16. М., 1880. С. 215-216.

или к оним идущие. Но видно, что, не пресеча всю шведскую около тех мест навигацию, он вздумал самопроизвольно, из неоправдаемой корысти, искать и делать призами на Аглицких берегах все, что шведского ни попадется, на каких бы то судах ни было, позабыв данную ему инструкцию, в коей ясно ему предписано было наблюдать в самой точности все правила вооруженного нейтралитета.

Я видел уже несколько тому недель в здешних газетах, что один российский капер беспрерывно гуляет около аглицких берегов, но надеялся, что сие ложное известие, как то часто в сих бумагах бывает. Я тем паче сему верить не мог, что барон Криденер мне писал, что пять судов Ечесовой флотилии плавают в Северном море и Категате и что Жоли, на возвратном своем пути, видясь, с Ечесом в Глюкстате, настоял, чтоб сей последний напряг бы все свои силы, чтобы разорвать Швецкие берега, что он ему и обещал конечно. Но вдруг получил я письмо от Волстонкрофа, командира люгера Grand Duc, что его сняли с корабля, так как и большую часть матросов, аки аглицких подданных, и привели в Плимут, где их задерживают.

Что после произошло, Вы из моих писем к вице-канцлеру усмотрите. Потом от Фациуса я получил известие, что другое Ечесово судно взяло и привело Аглицкой купеческой корабль в Останд, не имев другого к тому предлога, как токмо, что на оном были турки и несколько вещей подозрительных. Тут я увидел, что Ечес обратил во зло вооружения свои и действительно беспокоить стал аглицкие берега и аглицкую навигацию; а как здесь угождая Пруссии, которая всем здесь ворочает, того токмо и ожидают, чтоб иметь случай к нам придраться и под видом охранения торговли послать семь или восемь кораблей, кои хотя прямо вреда не сделают, но побочным образом подымут дух короля шведского, которой, пользуясь сим, разгласит у себя в народе, что сия эскадра прислана ему в помощь и тем удержит будущее и весьма возможное волнование своих поданных, кои, видя, непрестанные его в войне неудачи, с умножением народных податей и пресечением торговли, излечились уже от невероятного восторга, что к нему имели: сие принудило меня отправить господина Лизакевича в Останд, где теперь, как я сведал, Ечес находится. Ваше сиятельство усмотрите из писем моих к Лизакевичу, который теперь в Дувре, и к Ечесу, что я настою об отпуске аглицкого корабля и, чтоб лучше в том успеть, я взял на себя смелость грозить сего последнего: ибо мне ясно видима необходимость не подымать на нас

Англию, когда она кажется на то охотна, и когда и так мы имеем толь много неприятелей и толь мало союзников. Если он еще подобные шалости будет делать, то надо неотменно отобрать от него патенты, кои он раздал своим каперам, а оставить ему один, которым он назначен токмо агентом в Глюкстаде и Останде: ибо ему трудно будет здесь явиться без претерпения гонения от правления, аки нарушителя здешних законов. И ему надо будет год или два, пока все утихнет, жить вне Англии...»¹⁴.

Как следствие, флотилия Р. Ечеса прекратила свое существование. После ряда успехов в начале 1789 г. (речь идет о захвате коттером «Меркурий» тендера «Снапоп» и фрегата «Венус»), сошла на нет активность и Копенгагенской эскадры. А в 1790 г. о крейсерской войне никто уже и не помышлял. Более того, всю разведывательную информацию о противнике, русское командование получало исключительно от торговых судов нейтральных стран, шедших в русские порты¹⁵.

В общем, хотя русский флот в войне 1788–1790 гг. и достиг некоторых успехов, по-настоящему возможности крейсерской войны задействованы им так и не были.

Литература

- Архив князя Воронцова. М.: Тип. П. Лебедева, 1879. Т. 13. 508 с.
Архив князя Воронцова. М.: Тип. П. Лебедева, 1880. Т. 16. 524 с.
Лебедев А. А. Крейсерская война по-русски // Гангут. 2012. № 68. С. 29–57.
Материалы для истории русского флота. СПб.: Тип. Морского министерства, 1890. Ч. 13. 737 с.
Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. В. Л. Балашева, 1879. Т. 26. 649 с.
Чичагов П. В. Записки. М.: Редакция альманаха «Российский Архив», 2002. 800 с.
Müller L. Consuls, Corsairs, and Commerce. The Swedish Consular Service and Long-distance Shipping, 1720–1815. Uppsala: Studia Historica Upsaliensia, 2013. 268 pp.
Unger R. W. Shipping and Economic Growth 1350–1850. Leiden: Brill Academic Publishers, 2011. 484 p.

14. Там же. С. 224–226.

15. См. подробнее: Чичагов П. В. Записки. М., 2002. С. 451–452.

Аландский вопрос и его трансформация в период 1809–1917 гг.

Аландский архипелаг, вошедший в состав Российской империи по результатам Фридрихсгамского мирного договора 1809 г., на протяжении столетия оставался «сложной» темой во внешнеполитических взаимоотношениях Швеции и России. Его географическое положение вкупе с важным стратегическим значением в регионе Балтийского моря заставляли официальный Стокгольм искать пути его возвращения в состав королевства или, в крайнем случае, нивелирования его военного статуса. Здесь уместно вспомнить депешу в Стокгольм шведского представителя на мирном конгрессе 1809 г. Шёдельбрандта, рассматривавшего архипелаг как «как ключ к столице и ко всей Швеции»¹. И долгие фридрихсгамские прения по поводу принадлежности архипелага.

Напротив, для официального Санкт-Петербурга обладание архипелагом сулило выигрышное положение в контроле морских коммуникаций Балтийского моря в Ботническом и Финском заливах. Кроме того, наличие морской базы на архипелаге могло оказывать определенное влияние на внешнюю политику Швеции, ощущавшей непосредственную угрозу своей столице. О необходимости наличия укреплений на Аландском архипелаге говорил еще первый генерал-губернатор Финляндии «русского образца» генерал М. Б. Барклай де Толли: «Я полагаю, что ежели на Большом Аланде построены будут хорошие укрепления, содержан будет в оных достаточный гарнизон и запасено всегда будет нужное количество военных припасов, то сие место будет всегда угрожать шведскому королевству, если же Аланд по мирным договорам укрепить будет не можно, то при возобновлении военных действий всегда должно стараться занять его заблаговременно большими силами...» (из рапорта от 1 октября 1809 г.)². Именно при его непосредственном участии началось возведение первых укреплений, однако смерть Барклая де Толли остановила все работы в 1818 г.

1. *Söderhjelm J. O. Démilitarisation et neutralisation des îles d'Åland en 1856 et 1921. Helsingfors, 1928. P. 88.*

2. *Туркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире: Або–Аланды и их «ненарушаемый» нейтралитет войнах 18–20-х столетий по документам российских архивов и историческим изданиям. СПб., 2008. С. 84–85.*

В том же году шведский кронпринц и регент, бывший французский маршал Жан-Батист Бернадот становится королем Швеции под именем Карла XIV Юхана. Предугадав падение Наполеона, новый король еще во время регентства (с 1811 г.) начал сближение с его возможными противниками: в первую очередь, с Александром I, ставя целью приобретение Норвегии взамен утраченной Финляндии. Тайный (петербургский) союз между Швецией и Россией был заключен весной 1812 г., а очная встреча русского императора и шведского регента произошла в Або в августе того же года – уже в разгар Отечественной войны. На Венском мирном конгрессе 1814–1815 гг. Александр I поддержал позиции бывшего наполеоновского маршала Бернадота на шведском троне и помог закрепить за Швецией отобранную у Датского королевства Норвегию.

Фактическое начало так называемого «Аландского вопроса» можно отнести к 1815 г., когда Великобритания, реагируя на возведение укреплений на архипелаге, представила Санкт-Петербургу ноту об их нежелательности. Интересы британцев в вопросах беспрепятственного доступа в Ботнический залив тесно переплетались со шведскими, а официальный Лондон усматривал в укреплениях больше атакующий потенциал, чем оборонительный³. Как отмечалось выше, смерть Барклая де Толли три года спустя исподволь приостановила все работы по укреплению архипелага, и лишь в 1830 г. началось возведение крепости Бомарсунд, в которой предполагалось разместить гарнизон до 5000 человек и базу для 100 кораблей. Однако строительство, предполагавшее большие расходы, не позволило закончить крепость к началу Крымской войны (в финской историографии – Аландской): в 1854 г. крепость была захвачена и полностью разрушена десантом союзных англо-французских войск. Сразу после взятия Бомарсунда из стана союзников отправилась делегация в Стокгольм с предложением занять архипелаг. И хотя падение крепости вызвало ликование в Швеции, осторожный король Оскар I ответил отказом, опасаясь в этом случае неминуемой войны с Россией. Однако интерес к островам шведское правительство не потеряло, надеясь решить вопрос без своего прямого вмешательства.

В процессе обсуждения послевоенного устройства региона Балтийского моря на Парижском мирном конгрессе, Швеция представила три возможных варианта решения аландского вопроса. Пер-

3. *Söderhjelm J. O. Démilitarisation et neutralisation... S. 90.*

вым вариантом являлась передача архипелага Швеции; вторым – формирование нейтрального государства под покровительством Великобритании, Франции и Швеции-Норвегии; третьим – демилитаризация архипелага⁴.

Анализируя все три альтернативы, можно заметить, что первое решение было практически невозможным ввиду реального понимания ситуации шведским королем Оскаром I, который отказался принимать захваченные союзниками Аланды под шведское покровительство еще в 1854 г. По его мнению, только гарантия двух великих держав могла обеспечить шведское владение архипелагом, иначе, оставаясь «один на один с враждебной Россией», Швеция не имела бы сил его удержать⁵. Без активного участия Франции, которая начала сближение с Россией, Великобритания и Швеция имели мало шансов как на первое, так и на второе решение. Кроме того, второе решение выглядело маловероятным ввиду отсутствия на Аландах местных влиятельных кандидатов на управление архипелагом.

Поэтому решение о демилитаризации практически не имело альтернативы. Оно было продиктовано не только опасениями Швеции за безопасность своей столицы (как основа самого аландского вопроса), но и британским желанием держать русский флот на базах в Финском заливе. Таким образом, по итогам Крымской войны, закрепленным Парижской мирной конференцией 1856 г., была сформирована Конвенция об Аландском архипелаге, гарантировавшая их демилитаризованный статус – так называемый Аландский сервитут. Аландская конвенция практически не оспаривалась российскими дипломатами ввиду бесполезности Бомарсундской крепости, которую явила ее осада, и казавшейся тогда малой разницы между «невооружением» крепости и всего архипелага.

После заключения мирного договора французский император Наполеон III заявил шведскому представителю в Париже: «Думаю, что (шведский) король должен быть доволен. Достигнута моральная победа <...> Получить большее невозможно без ущерба интересам больших держав и даже, может быть, самому миру, который нам необходим. <...> Внимание всей Европы теперь приковано к этой точке; все понимают ее важность и больше не будут пренебрегать ею. Россия больше не сможет размещать здесь военные силы, не вызы-

вая волнения во всей Европе; вы избавились от этой крепости, которая являясь и оскорблением, и угрозой»⁶.

Официальный Санкт-Петербург уже вскоре понял, что демилитаризация Аландского архипелага наносит существенный урон как военному потенциалу империи в регионе Балтийского моря, так и престижу страны в целом. Но, несмотря на Аландский сервитут, итоги Крымской войны вызвали разочарование и в самой Швеции: Финляндия окончательно перестала быть «неизменным восточным регионом», что наглядно показала лояльность финнов к российскому императору. Вопрос о возвращении Финляндии в состав Швеции как «акт исторической справедливости» был практически забыт, и лишь небольшая группа влиятельных политиков и деятелей культуры, поддерживающая шведскую великодержавную идею, надеялась на возвращение т. н. «Восточной провинции Шведского королевства».

Тем не менее, вопрос статуса Аландского архипелага и наличия военных укреплений рассматривался отдельно от возможного будущего Финляндии: шведская дипломатия понимала практическую выгоду нейтрального статуса в военных конфликтах и не готова была терять его ради мифического «воссоединения». Во многом из-за этого в ноябре 1855 г. был заключен «ноябрьский договор», гарантировавший территориальную целостность Швеции-Норвегии под покровительством Великобритании и Франции. Военное поражение Дании (война за Шлезвиг и Гольштейн между датскими и австрийско-пруссскими войсками) привело к политическому распаду скандинавизма в 1864 г., что окончательно сняло с шведской внешнеполитической повестки мысль об объединении Швеции и Финляндии. Но заинтересованность в отношении демилитаризованного Аландского архипелага, тем не менее, оставалась.

Практически в то же время значительно изменилась политическая ситуация в регионе Балтийского моря. Объединение Германии в 1871 г. под руководством канцлера О. фон Бисмарка после франко-прусской войны 1870–1871 гг., а также германская морская программа 1878 г., стали все более затрагивать балтийские интересы России. Распад российско-германского альянса в начале 1890-х гг. после отстранения фон Бисмарка от власти новым германским императором Вильгельмом II грозил перерасти в военные действия,

4. Ibid. S. 97.

5. Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 169.

6. Söderhjelm J. O. Démilitarisation et neutralisation... S. 117.

показывая уязвимое положение столицы Российской империи и важный статус Великого княжества как военной буферной зоны. В этом ключе растущий финляндский сепаратизм, значительная доля торгового оборота Финляндии с Германией и демилитаризация Аландского архипелага являлись для официального Санкт-Петербурга комплексной проблемой.

В 1894 г. был заключен русско-французский союз, направленный против Германии, что сформировало в регионе Балтийского моря взрывоопасную в военном отношении ситуацию. И, тем самым, значительно приблизило мировую войну. В это же время усилилась прогерманская ориентация шведского консервативного правительства на фоне кризиса шведско-норвежской унии. Однако германский император Вильгельм II не обещал шведскому королю Оскару II защиту интересов его страны от русской угрозы в случае карательных действий против норвежских «мятежников»⁷.

В 1898 г. Германия приняла первый большой закон о строительстве военного флота и заключила союз с противником России турецким султаном – правителем Османской империи (второй морской закон от 1900 г. значительно дополнил ассигнования). Это сблизило интересы Франции и Великобритании, заключивших в 1904 г. союзный договор, невзирая на колониальные противоречия. Три года спустя официальный Лондон заключил договор с Санкт-Петербургом, окончательно сформировав разделение сторон в будущей мировой войне. Следствием закона о германском флоте, строившемся непосредственно в Балтийском море, стала российская политика в Финляндии. В Санкт-Петербурге ясно понимали опасность: протяженное финское побережье могло стать потенциальным плацдармом для немецких войск в случае наступления на столицу империи, а лояльность местного населения (в отличие от Крымской войны) оставалась под вопросом в случае выступления Швеции на стороне Германии⁸.

Распад шведско-норвежской унии в 1905 г., совпавший по времени с русско-японской войной, привел к образованию суверенной Норвегии, сразу же поддержанной российским правительством. В ходе общеевропейских переговоров о гарантии суверенитета и государственной целостности нового государства в первой поло-

вине 1907 г., российская сторона в лице министра иностранных дел А. П. Извольского попыталась обсудить аландский вопрос, добиваясь отмены демилитаризованного статуса архипелага. В качестве аргумента рассматривалось противоречие статей Парижского трактата новому международному положению, а также необходимость размещения воинских подразделений на Аландах для предотвращения контрабанды оружия в Финляндию для местных сепаратистов⁹. Ситуация, на первый взгляд, выглядела благоприятной: гаранты Аландского сервитута – Великобритания и Франция – являлись в этот раз союзниками, и лишь Швеция, «задетая за живое» утратой Норвегии, противилась осуществлению задуманного. После неминуемого обнародования российских планов относительно будущего Аландов шведское общественное мнение не жалело эпитетов: «новый Порт-Артур в шести часах от шведской столицы» и «пистолет, приставленный к голове Швеции»¹⁰.

Германская сторона в целом не возражала против предложения, однако министр иностранных дел Великобритании Эдвард Грей ушел от прямого ответа, сославшись на необходимость решать комплексные проблемы в регионе Балтийского моря: в Англии не желали негативной реакции Швеции и, как следствие, сближения последней с Германией. Контрпредложение Грея о проведении специальной конференции четырех великих держав по балтийскому вопросу было отклонено российской стороной, так как в таком случае откладывалось бы подписание гарантийного норвежского договора, выгодного Санкт-Петербургу¹¹.

Улучшение взаимоотношений между Германией и Россией в годы русско-японской войны привело к подписанию секретного соглашения от 1907 г. о поддержании статуса-кво на Балтике, которое включало согласие Берлина на возможную отмену Аландского сервитута 1856 г.¹² Швеции также было предложено примкнуть к соглашению, но Стокгольм не желал закрывать Балтийское море для военных сил неприбрежных государств – в первую очередь, британских. Поэтому год спустя была подписана лишь Балтийская декларация о территориальной целостности каждого из государств региона (совместно

7. Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. С. 174.

8. Клингс М. Мир Балтики. Хельсинки, 1995. С. 135.

9. Мусаев В. И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2012. С. 145.

10. Luntinen P. The Åland Question during the Last Years of the Russian Empire // The Slavonic and East European Review. Vol. 54, No. 4. London, 1976. S. 558.

11. Мусаев В. И. Аландский вопрос... С. 145.

с Северной декларацией). Условием присоединения Швеции к договору стало сохранение демилитаризованного статуса Аландского архипелага.

Несмотря на жесткую позицию России (статус-кво на Балтике не должен зависеть от статуса Аландов), Швеция добилась своего – в том числе, благодаря личному обращению короля Густава V к императору Николаю II о переносе решения вопроса на два года. В том же 1908 г. Великобритания рассматривала Аландский вопрос как «утомительный роман» ввиду необходимости защищать интересы Швеции от посягательств России, при этом сохраняя целостность Антанты¹³.

Раскол великих держав на два блока фактически лишал балтийские договоренности их значения. Гибель русского флота в Японском море значительно снизила боеспособность Балтийского флота и, как минимум, выровняла соотношение сил в регионе, ослабив шведский страх перед Россией. Аландский вопрос оставался открытым, однако предпосылок к его развитию в ближайшие годы не предвиделось. Может быть еще и поэтому Швеция отказалась от предложенной Германией в 1910 г. секретной оборонительной конвенции, а в 1912 г. были озвучены идентичные декларации о нейтралитете каждого из трех скандинавских государств (в условиях балканских и средиземноморских конфликтов). Шведский нейтралитет, конечно, полностью не зависел от статуса Аландов, но демилитаризация архипелага оставалась важной составной его частью. И когда российское министерство иностранных дел в 1913 г. задалось вопросом о размещении на Аландах базы для аэропланов с целью наблюдения за приграничной территорией, оно быстро поняло тщетность попыток решить вопрос путем переговоров.

Следствием революционных событий в России и Манифеста октября 1905 г. стало патрулирование прибрежных финских вод эскадрой небольших российских кораблей, начавшееся с весны следующего года с целью предотвращения контрабанды оружия (по официальной версии). Прибрежные воды были поделены на три района: первый – от Койвисто (Приморск) до мыса Ханко, второй – Аланды и третий – побережье Ботнического залива. Невзирая на демилитаризованный статус архипелага, часть патрульных кораблей в июне 1906 г. пришвартовалась у руин крепости Бомарсунд, а батальон пехоты разместился на острове Прэстё¹⁴. Главнокомандующий

войсками Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич в дальнейшем предполагал организовать на Аландах особый караул для наблюдения всего восточного побережья Балтийского моря, а также построить военную станцию и разместить батальон пехоты (в Мариехамне и близ Бомарсунда)¹⁵. Это показывает, что официальный Санкт-Петербург рассматривал архипелаг и отмену его демилитаризации как важную точку начала нового «покорения» Финляндии – ввиду революционных и сепаратистских настроений местных влиятельных кругов.

Несколько позже из Крондштадта на архипелаг перебазировался отряд минных судов под командованием капитана 1 ранга Н. О. фон Эссена. Громкие протесты, которые доносились из Стокгольма через неширокое Аландское море, принудили командование к отказу от всякого военного строительства. Но работы по обследованию морских фарватеров и организации современной службы связи района (замена оптического телеграфа на электрический, создание телефонных станций) продолжались и, сильно задерживаемые бумажной волокитой, закончились лишь с началом Первой мировой войны.

Аландский вопрос стал одним из главенствующих пунктов российской внешней политики в 1915 г. ввиду опасений высадки немецкого десанта на финском побережье: необходимость укреплений на ключевом посту Ботнического и Финского заливов уже назрела, а военные действия позволяли не оглядываться на сервитут. Как только Швеция согласилась с доводами об оборонительном характере укреплений на период военных действий (другого выхода для нее практически не существовало), работы по фортификации архипелага начались. Протестов со стороны гарантов сервитута, Великобритании и Франции, естественно, не последовало.

Тем не менее, сомнения в будущей судьбе архипелага среди российских дипломатов оставались: они небезосновательно считали, что Швеция захочет получить Аланды после войны либо с помощью Германии, либо как компенсацию за проявленное дружелюбие к России. Поэтому официальный Санкт-Петербург сознательно избегал прямого ответа на вопрос о судьбе укреплений в послевоенное время.

С началом фортификации Аландов шведские активисты стали использовать страх сограждан перед вооруженным архипелагом и

воздействовали на общественное мнение, агитируя напасть на «наследственного врага», оккупировавшего Финляндию. Основным лейтмотивом являлась мысль о том, что «вопрос о современном и будущем стратегическом значении Аландских островов... является на самом деле вопросом нашего [шведского] существования...»¹⁶. Это объяснялось близостью к столице – самой чувствительной в военном отношении части страны, и пониманием, что мост между западными и восточными союзниками кратчайшим путем проходил по линии Гетеборг – Аландские острова.

Ключевым моментом аландского политического напряжения можно назвать май 1916 г., когда Аландский вопрос был вынесен на заседание риксдага, а активисты требовали всеобщей мобилизации. К этому времени «аландский страх» распространился среди многих шведов, и министр иностранных дел К. Валленберг, ярый сторонник нейтралитета, потребовал от посла России в Стокгольме А. В. Неклюдова четкого ответа о послевоенной судьбе архипелага. Николай II вынес вопрос на заседание Главного штаба, где и было принято решение об отсутствии необходимости в укреплениях в мирное время, о чем незамедлительно проинформировали официальный Стокгольм. Аргументация оказалась очень простой: если Россия проиграет войну, то Германия все равно добьется демилитаризации архипелага, если выиграет – укрепления более не потребуются. По мнению российского военного руководства того времени при любом исходе войны Аландский вопрос должен был стать второстепенным¹⁷.

Получив российские гарантии, Швеция дала однозначный отрицательный ответ на немецкие военные предложения и подтвердила свой «строгий нейтралитет». Аландский вопрос был временно снят с политической повестки, а движение «активистов» быстро пошло на убыль: все последующие инициативы «активистов» больше базировались на собственных идеях, чем на немецком желании. Финские «активисты» в начале 1917 г. постарались логически объяснить ценность захвата архипелага германским десантом, называя Аланды сердцем русской военно-морской силы, но Германия даже не рассматривала этот проект.

Призыв Николая II «о войне до победного конца» от 12 декабря 1916 г. косвенно коснулся и укрепленного Аландского архипела-

га (Або-Аландской шхерной позиции) в свете усилий сохранения шведского нейтралитета: взаимоотношения соседних стран в первую очередь определялись статусом Аландов. Многие шведские политики справедливо опасались нежелания российской стороны уничтожать укрепления после окончания войны. Замедление начала переговоров становилось в этих условиях невозможным, поэтому, учитывая политическое противодействие Швеции, российская дипломатия в январе 1917 г. готовила план сохранения статуса-кво на архипелаге. Он заключался в определении новых его границ (ранее четко неопределенных в конвенциях и трактатах), в сохранении важных укреплений и отказом как от второстепенных, так и тех укреплений, которые расположены в районах, наиболее беспокоящих Швецию. Кроме того, планировалось исключить из понятия «военные устройства» наблюдательные посты, телефоны, телеграфы, радиостанции, площадки для спуска аэропланов и гидропланов¹⁸.

В процессе подготовки к переговорам 30 января 1917 г. официальный Петроград отправляет телеграмму во Францию, а ее копию – в Лондон: «Считаем необходимым оговорить согласие Франции на отмену по окончании войны лежащего на Аландских островах сервитута...»¹⁹. Несколько позже, в середине февраля, командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин указал по просьбе российского представителя в Стокгольме свое видение границ Аландского архипелага: «предельной уступкой <...> является согласие на срытие укреплений на всех островах к западу от меридиана 20 градусов восточной долготы от Гринвича»²⁰.

Однако последовавшие вскоре события Февральской революции нивелировали актуальность обсуждения: долго и тщательно готовившиеся переговоры не состоялись. Пока Временное правительство в июне 1917 г. с подачи Стокгольма не заявило о готовности обсуждать вопрос ближайшей осенью, но Октябрьская революция полностью изменила ситуацию.

В целом российский период Аландского архипелага с 1809 по 1917 гг. можно условно разделить на три этапа. Первый (1809–1856) характеризуется наличием российских укреплений и военных час-

16. Там же. С. 226.

17. Luntinen P. The Åland Question... S. 565–566.

18. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 405. Л. 113. Цит. по: *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. С. 346–348.

19. *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. С. 209.

20. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4049. Л. 32. Цит.: по *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. С. 348.

тей, а также «свободным» военным статусом архипелага. Второй (1856–1906) – отсутствием укреплений и солдат на островах архипелага. Третий (1906–1917) этап – постепенным наращиванием российского военного присутствия и фортификацией Аландов.

Большую часть российского периода Швеция рассматривала архипелаг как потенциальную военную угрозу своей столице: причем во время Первой мировой войны уже не только со стороны России, но и Германии. Что и подтвердили события 1918 г., когда немецкие войска высадились на архипелаге – правда, инициатива принадлежала финской стороне. Однако сам так называемый Аландский кризис начался лишь в середине 1917 г., когда «Аландское движение» решило «покинуть тонущий корабль»: предвосхищая неминуемую гражданскую войну, оно подготовило манифест и организовало референдум с целью присоединения к Швеции. Швеция, проявив достаточную осторожность в попытке сохранить нейтралитет, не форсировала события, и даже высадка «миротворческого» десанта в таких условиях оказалась малоэффективной.

Тем не менее, столкновение финских и шведских интересов в условиях падения Российской империи являлось неизбежностью, а фактическая юридическая лакуна в связи с особым демилитаризованным статусом по утратившему силу Парижскому мирному договору 1856 г. и новым, до конца неопределённым международным статусом Финляндии рубежа 1917–1918 гг. лишь добавляли политическую турбулентность вокруг архипелага. Право наций на самоопределение и хаос Первой мировой войны также давали надежду аландской элите к успешному осуществлению задуманного. Но события 1918–1921 гг. показали тщетность их попыток. Однако в итоге Аланды получили даже больше, чем предполагали изначально.

Литература

Балтийский регион в Новое и Новейшее время: истории и региональная политика. Калининград: Издательство Балтийский федеральный университет им. Канта, 2016. 322 с.

Иванников Н. С. Позиция Швеции по отношению к аландскому сепаратизму 1917–1921 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. Т. 17. № 1. С. 113–122.

Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М.: Кучково поле, 2016. 320 с.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: РГГУ, 1999. 359 с.

Клинге М. Мир Балтики. Хельсинки: Отава, 1995. 176 с.

Мусаев В. И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб: МАЭ РАН, 2012. С. 144–154.

Тиркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире: Або-Аланды и их «ненарушаемый» нейтралитет войнах 18–20-х столетий по документам российских архивов и историческим изданиям. СПб.: ОРЕОС, 2008. 604 с.

Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 s.

Luntinen P. The Åland Question during the Last Years of the Russian Empire // The Slavonic and East European Review. Vol. 54, No. 4. London: University Colledge London, 1976. S. 557–571.

Söderhjelm J. O. Démilitarisation et neutralisation des îles d'Åland en 1856 et 1921. Helsingfors: Söderstrom & Co., 1928. 380 s.

**Проблема датских проливов
в военно-морском планировании Великобритании и России
накануне и в годы Первой мировой войны**

Постройка Германией Кильского канала в конце XIX в., а затем и его расширение и углубление, призванное проводить переброску кораблей с большим тоннажем из Северного в Балтийское море и наоборот вкупе с амбициозной судостроительной программой, реализовывавшейся адмиралом Тирпицем, поставила под вопрос доминирование Ройал Нэви в европейских водах. Также в военно-морском деле стали намечаться существенные изменения. Тактика разгрома флота противника в генеральном сражении, переключавшаяся из XIX в., требовала серьёзного пересмотра. В Великобритании этим пересмотром занялся Джон Фишер. Адмирал всячески поддерживал развитие новых видов техники и вооружения – подводных лодок и авианесущих крейсеров. Влияние этого человека на развитие военно-морского дела не только на Туманном Альбионе, но и во всём мире трудно переоценить.

В 1904–1905 гг. усилиями Джона Фишера и Артура Уилсона, бывшего на тот момент главнокомандующим Хоум Флита (эскадры, обеспечившей безопасность в непосредственной близости от Британских островов) был составлен Шлезвиг-Гольштейн-Померанский план¹. Уже исходя из названия можно понять, в чём заключался первоначальный замысел проникновения Британского флота на просторы Балтийского моря: стремление перекрыть Кильский канал и, если возможно, заставить вступить Данию в войну на стороне Антанты.

Следует отметить ещё один довольно важный факт, который вплоть до 1912 г. непосредственно влиял на разработку военно-морских операций в британском Адмиралтействе. Речь идёт об отсутствии в этой структуре такого звена, как Naval Staff (в русской аналогии Морской Генеральный штаб), который должен отвечать за тщательное проектирование операций и проведение необходимых расчётов в связи с ними. До этого времени говорить о каких-либо конкретных планах, изложенных в деталях на бумаге и подкреплён-

1. *Shawn T. Grimes. War Planning and Strategic Development in Royal Navy, 1887–1918. London, 2012. S. 234.*

ных соответствующими расчётами говорить, к сожалению, не приходится.

«Балтийский проект» постигла такая участь даже несмотря на проведённое реформирование и активное лоббирование со стороны Джона Фишера, а затем и Уинстона Черчилля. В данном случае, очевидно, что на нереализацию данного проекта повлиял целый ряд причин.

В своих письмах сэр Джон Фишер упорно доказывал собеседникам ту ключевую роль, которую могла сыграть реализация его идей в условиях войны. «Серия крупномасштабных рейдов могла бы осуществляться в любом месте от Кили до Мемеля, которые будут держать всё побережье в состоянии постоянного беспокойства и тревоги, и заставить противника постоянно держать в боевой готовности значительные силы вдоль береговой линии порядка 400 миль»². Следует отметить, что при изучении мемуаров Фишера и его писем бросается в глаза его экспрессивность и иногда стремление преувеличить тот или иной факт. Так, например, уже после войны бывший Первый Морской Лорд пишет об участии Российской империи в ней: «Мы должны были обеспечить Россию прежде, чем мы обеспечили собственные армии. Сделай мы это, русские никогда бы не потерпели ужасающих поражений, которые случились, противопоставляя пики ружьям и пулемётам»³.

В Адмиралтействе «Балтийский проект» считали почти что фантастическим. Высадка десанта в Померании могла быть реализована лишь при выполнении нескольких весьма важных предохранительных мероприятий. Так, для безопасного проведения операции Гранд Флиту необходимо было полностью очистить Северное море от германского флота, а также закупорить Кильский канал и обеспечить бездействие Флота Открытого Моря.

Проблему обеспечения безопасности при возможном проведении операций в Балтике пытался в декабре 1914 г. решить Первый Лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль. Так, им было предложено два варианта блокирования германского флота в Гельголандской бухте для последующей высадки десанта в Шлезвиг-Гольштейне и достижения контроля над Кильским каналом⁴.

2. Цит. по: *David W. Sweet. The Baltic in British Diplomacy before the First World War // The Historical Journal. Vol. 13. № 3. S. 456.*

3. Цит. по: *Records by Admiral of the Fleet, Lord Fisher. London, 1919. S. 228.*

4. Более подробно о проектах изложено в: *Shawn T. Grimes. War Planning and Strategic Development in Royal Navy, 1887–1918. S. 305.*

Первый вариант предусматривал захват острова Боркум в качестве базы для британских подводных лодок. Они же, в свою очередь, должны были блокировать выход из Гельголандской бухты для проведения десантной операции в Шлезвиг-Гольштейне. Это же, одновременно, должно было спровоцировать вступление Дании в войну на стороне Антанты. Однако отрицательное отношение к Черчиллю со стороны видных представителей морского офицерства Великобритании вкупе с нежеланием рисковать в мероприятиях, связанных с вероятными высокими потерями похоронило этот проект. Даже второй проект Черчилля, аналогичный Боркумскому, однако с разницей в том, что плацдармом для захвата герцогств и Канала должен был стать остров Зильт, был обречён на неудачу. Так, в личной беседе с офицером связи при итальянском флоте Ричмондом, Фишер упомянул о Боркумском проекте Черчилля: «Я не собираюсь доводить дело Боркума до конца»⁵.

Однако, несмотря на споры в Адмиралтействе относительно проведения операций на Балтике, Уинстон Черчилль посчитал нужным обсудить возможные действия с русскими представителями. С 19 августа 1914 г. через военно-морского агента в Лондоне Н. А. Волкова велась переписка с русским Морским Генеральным штабом. Черчилль писал: «Операция посылки британского флота в Балтику через Бельты осуществима, и если стратегическая обстановка на главном театре позволит, то она может быть выполнена»⁶. Согласно письму Черчилля, предполагалось высадить русскую армию на линии Данциг-Торн и или загнуть фланг наступающей русской армии, либо атаковать германские войска в тылу с последующим наступлением на Берлин. Ответ русской стороны отличался неоднозначностью: «...Мы с благодарностью принимаем предложение Первого Лорда, но добавляем, что воспользоваться им мы сможем лишь если это допустит общая военная обстановка»⁷.

В биографии Джона Фишера отечественный историк Д. В. Лихарёв указывает⁸ на то, что по поводу реализации Балтийского проекта на связь с русским Морским Генеральным штабом со стороны Адмиралтейства никто не выходил. Однако же письма Черчилля, а также переписка, проводимая через военно-морского агента в Лон-

5. Цит. по: Ibid., S. 239.

6. Цит. по: Перев М. Б. Английские планы десантной операции на Балтике в 1914 г. // Морской сборник. 1927. № 3. С. 112.

7. Там же. С. 113.

8. Лихарёв Д. В. Эра адмирала Фишера. Владивосток, 1993. С. 241.

доне Н. А. Волкова⁹, даёт основания говорить о том, что с августа по октябрь 1914 г. британское морское командование рассматривало сотрудничество с Российской империей по вопросу проведения операций в Шлезвиг-Гольштейне и Померании. Так, в телеграмме в Морской Генеральный штаб от 8 августа 1914 г. Н. А. Волков пишет: «... на всякий случай следовало бы сговориться сейчас же о потребном количестве транспортов и о местах как посадки, так и высадки десанта»¹⁰.

Россия после Русско-Японской войны оказалась в весьма тяжёлом положении. Это касалось в том числе и состояния военно-морских сил – боеспособный Балтийский флот был потерян в сражениях на Дальнем Востоке. Это накладывало серьёзный отпечаток на планирование военных действий на Балтийском море – об активных наступательных действий до завершения судостроительной программы не было и речи.

В планировании делалась ставка на оборону собственных рубежей и помощь правому флангу сухопутных войск. В качестве возможного союзника Германии рассматривалась также и Швеция.

Разработка плана действий флота (который был основан на соображениях Морского Генерального штаба) на случай европейской войны была поручена контр-адмиралу Н. О. Эссену, который позднее в начальный этап Первой мировой войны будет занимать должность командующего Балтийского флота. Он не согласился с оборонительной позицией Морского Генерального штаба и выдвинул другую идею. Она заключалась в сосредоточении основных сил флота в Либаве. В случае неминуемой войны Балтийский флот должен был взять инициативу в свои руки. Эта идея должна была воплотиться посредством постановки активных минных заграждений, что, по замыслу Эссена, срывало развёртывание германского флота из баз в Южной Балтике.

Также предлагалось совершить ультимативную демонстрацию против шведского флота, дабы сорвать их возможное выступление. Эссен полагал, что необходимо всюду атаковать немецкий флот, отступая к Финскому заливу только под его массивным давлением. В случае вступления Швеции на стороне Германии, следовало «копенгагировать» их флот до соединения с германским. Отступить на позицию у Гогланда (что было выдвинуто Морским Генеральным

9. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Т. 1. № 268.

10. Там же. Л. 35.

штабом в качестве базы для планирования) следовало бы, по мнению контр-адмирала, только если противник будет упорствовать в своём намерении прорваться в восточную часть Финского залива. Эта альтернатива в Морском Генеральном штабе не нашла отклика и была признана авантюрной¹¹.

Последним предвоенным планом развёртывания флота и действий на случай европейской войны стал план 1912 г., подготовленный оперативным отделением штаба морских сил Балтийского моря. По своей сути он являлся логическим продолжением тех идей, которые были высказаны и зафиксированы в документах ранее. Составителям нового плана удалось свести к минимуму разногласия между Морским Генеральным штабом и командующим морскими силами Балтийского моря.

Авторы утверждали, что будущая война будет коалиционной, однако не особо ожидали помощи от англо-французских союзников: «Надежда на помощь со стороны английского флота должна быть совершенно отброшена, так как внешнее сообщение с бассейном Балтийского моря будет в руках нашего противника»¹². Возможность координации действий с британским флотом представлялась весьма туманной, что не могло способствовать сколь-нибудь серьёзным изменениям в соотношении сил на Балтийском море. Подводя итог, авторы плана отмечают: «против наших морских вооружённых сил на Балтике мы будем иметь весь германский флот, а возможно, что и совместно со шведским»¹³. Опасения Морского Генерального штаба относительно возможного участия Швеции в войне были как минимум небезосновательны. По заключению С. П. Шилова, детально исследовавшего направленность германского военного планирования на Балтике, «немцы готовы были использовать для борьбы против России шведский потенциал»¹⁴.

Как видно, об активных наступательных действиях на Южной Балтике, не говоря уже о Датских проливах, не было и речи. Однако некоторые представители морского офицерского корпуса предлагали проводить такие операции. В этой связи следует упомянуть начальника бригады крейсеров Балтийского моря контр-адмирала А. С. Максимо-

11. Podsoblyayev E. F. The Russian Naval General Staff and the Evolution of Naval Policy, 1905–1914 // The Journal of Military History. LXVI, No. 1 (January 2002). P. 61, 62.

12. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 215. Л. 37.

13. Там же. Л. 37 об.

14. Шолов С. П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия (1897–1914 гг.). С. 317.

ва и его памятную записку¹⁵ Морскому Генеральному штабу с соображениями относительно будущей войны от 10 декабря 1913 г.

Суть своего плана Максимов изложил в нескольких пунктах:

«1. Подрывной партией подорвать шлюзы Кильского канала и этим на некоторое время отделить Флот Германии Балтийского моря от Флота Немецкого (Северного. – Д. К.) моря.

2. Перевести место боя за заграждениями к узкостям: Гиедзер, Фемарн и выход из Кильской бухты.

Наступательные действия с нашей стороны были бы неожиданностью для всего мира; во-первых, потому что со времен Екатерины наш Флот только оборонялся, а во-вторых, потому что наступление против второго Флота мира будет всем казаться немыслимым»¹⁶.

Отличительной особенностью данного плана является то, что его автор, безусловно, верил в силу британского военно-морского флота, и, в отличие от официальной позиции Морского Генерального штаба по этому вопросу, призывал рассчитывать на помощь союзников. Более того, все действия были основаны на предположении об активных действиях англичан на море против Германии. В подтверждение этому следует привести несколько цитат:

«В стратегическом положении план блокады Германского флота заставит Германию опасаться высадки наших войск и заставит оттянуть часть их сил от границы. Зунд остается открытым для сообщений с Английским Флотом, часть которого, наверное, будет находиться в Датских водах»¹⁷.

«На второй или третий день после начала военных действий можно ожидать, что Английские резервные корабли небольшого углубления уже будут в Датских водах, и в случае присоединения этих кораблей к нам можно открыть действительную блокаду Германских берегов, прекратить ее торговлю в Балтийском море и отобрать в ее портах все возможные средства переправы десанта и тем обеспечить себя от него в будущем»¹⁸.

«Смелое нападение вызовет взрыв восторга в Англии, и трудно сомневаться, что Англия не начнет действий. В этом случае, даже если Флот наш будет разбит, Германия не отважится его преследовать, т.к. этим она откроет англичанам все свои берега»¹⁹.

15. РГАВМФ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 131.

16. РГАВМФ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 131. Л. 2.

17. Там же. Л. 4.

18. Там же.

19. Там же. Л. 5.

Безусловно, такой план никак не мог быть претворён в жизнь, однако он показывает один любопытный момент, а именно трансформацию отношения русских военно-морских элит к Англии. Она уже рассматривается, как союзник, чего нельзя было представить сразу после окончания Русско-японской войны.

Начало Первой мировой войны ознаменовалось пассивностью Балтийского флота в первые месяцы вкупе с тем, что основные силы британского флота были задействованы против немецкого флота и были направлены для обеспечения прикрытия переброски экспедиционного корпуса во Францию. В этой связи даже возможная реализация планов Адмиралтейства относительно Кильского Канала или Померании выглядела слишком амбициозной.

Поражение русской армии при Танненберге также повлияло на оценку боеспособности русской армии у союзников. Вероятно, эта неудача заставила Адмиралтейство окончательно отказаться от реализации «Балтийского проекта» и переключиться на другие направления. Одним из таких направлений стали Дарданеллы. Как мы знаем, неудача десанта в Галлиполи стала одной из причин отставки Уинстона Черчилля с поста Первого Лорда Адмиралтейства. С уходом Черчилля влияние потерял и Фишер – основной идеолог «балтийского» направления действий Гранд Флита.

Следует отметить, что именно в 1916 г. мы можем увидеть некоторые слабые проблески стратегического планирования на уровне союзников. Так, можно обнаружить явную связь между битвой на Сомме и Брусиловским прорывом. Однако в сфере военно-морского флота такого рода координация практически не появлялась. Сложное положение Балтийского императорского флота в условиях фактического бездействия германского флота Открытого моря (что давало немцам некоторое превосходство при проведении операций на Востоке) вскрывало также и слабые стороны в системе обороны Финского залива. Неудачная попытка германского флота прорваться в Рижский залив, которая имела место летом 1915 г., грозила повториться вновь и уже в худших условиях для Балтийского флота. Эту проблему видели русские офицеры и выражали в Морском Генеральном штабе по этому поводу свои мысли. В этой связи стоит отметить записку командира эсминца «Казанец» капитана 2 ранга М. И. Смирнова о положении на Балтике²⁰. Содержание этой записки

20. Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 521.

тесно связано с ожиданиями от британских союзников – риск проведения нападения на Рижский залив и Ирбенскую позицию может быть сведён на нет лишь с помощью активных действий Ройял Нэви. Эта записка, хоть и косвенно, но довольно остро ставит вопрос о координации усилий союзников на море, от этого зависит успех морских кампаний Балтийского флота.

Смирнов прекрасно понимал, что «прорыв в Балтийское море представляет такие трудности, что успех его весьма сомнителен»²¹. Поэтому, по его мнению, помощь союзников может ограничиться лишь демонстрацией такого прорыва в весенние и летние месяцы 1916 г. (когда условия навигации благоприятствуют проведению операций на Востоке Балтики).

Смирнов также очень точно определяет основную проблему союзников в ведущейся войне (по крайней мере, относительно России): «Предлагаемая демонстрация крайне необходима при настоящей обстановке на мировом театре войны. Слабость коалиционных войн состоит в отсутствии единства действий. Единство достигается сосредоточением сил к решительному пункту. В настоящее время таковым является Балтийское море, поэтому все усилия должны быть направлены, чтобы это сосредоточение выполнить»²².

В 1916 г. подобная демонстрация действительно была проведена. Однако, как отмечал в своих мемуарах русский представитель при английском Ройял Нэви Г. К. фон Шульц, «английский флот, несмотря на все обещания, не предпримет серьёзной операции, нельзя поэтому рассчитывать, чтобы силы немецкого флота были оттянуты из Северной части Балтийского моря»²³. Так оно в действительности и произошло – в демонстрации английского флота у Датских проливов участвовало недостаточное количество боевых кораблей, чтобы заставить немцев перегруппироваться.

В завершение хотелось бы привести две цитаты, на основании которых читатель сможет составить своё суждение о выполнимости и значении этого проекта в реалиях Первой мировой войны. 11 июня 1917 г. Фишер писал премьер-министру Великобритании Дэвиду Ллойд-Джорджу: «...Если Вы сметёте германский флот, вы сметёте всё остальное на пути к победе; Вы очистите Балтику и получите прямой путь на Берлин всего в 90 миль от померанского побережья.

21. Там же. Л. 5

22. Там же. Л. 8.

23. Шульц Г. К. С английским флотом в мировую войну. СПб., 2000. С. 74

И это русской армией мы хотим войти в Берлин, не английской или французской»²⁴.

Рейнхард Шеер так описывал ситуацию в Балтийском море уже после войны: «Если бы неприятелю удалось завоевать господство на Балтийском море и высадить русские войска на померанском берегу, то восточный фронт должен был рухнуть так же, как и план всей кампании, который имел в виду оборону на востоке и быстрое поражение французской армии. Господство на Балтийском море основывалось на силе германского флота. С уничтожением русского флота опасность, существовавшая на Балтийском море, ещё отнюдь не была бы устранена, так как десантная операция с таким же успехом могла быть выполнена под прикрытием английских морских сил, если бы германский флот уже не мог больше этому воспрепятствовать»²⁵.

Литература

Лихарёв Д. В. Эра адмирала Фишера. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1993. 296 с.

Перев М. Б. Английские планы десантной операции на Балтике в 1914 г. // Морской сборник. 1927. № 3. С. 111-116.

Шеер Р. Германский флот в мировую войну. М.-Л.: Государственное военно-морское издательство НК ВМФ Союза ССР, 1940. 337 с.

Шилов С. П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия (1897–1914 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. Тюмень, 2004. 320 с.

Шульц Г. К. С английским флотом в мировую войну. СПб., 2000. 88 с.

Grimes Sh. T. War Planning and Strategic Development in Royal Navy, 1887–1918. London: University of London, 2012. 280 p.

Podsoblyayev E.F. The Russian Naval General Staff and the Evolution of Naval Policy, 1905–1914 // The Journal of Military History. 2002. No. 1. LXVI. S. 37-69.

Sweet D. W. The Baltic in British Diplomacy before the First World War // The Historical Journal. Vol. 13. № 3. S. 455-57.

24. Цит. по: Records by Admiral of the Fleet, Lord Fisher. London, Hodder and Stoughton, 1919. S. 235.

25. Шеер Р. Германский флот в мировую войну. М.-Л., 1940. С. 37.

В. И. Мусаев

«Соплеменная» эмиграция и «работа с соплеменниками» («heimotyö»): ингерманландский и восточно-карельский фактор в политике межвоенной Финляндии

В 1918–1920 гг. в числе беженцев и эмигрантов из России, перебравшихся в Финляндию, имелось некоторое количество ингерманландских финнов и также этнически близких к финнам восточных (олонецких и беломорских) карелов. В Финляндии их выделяли из общего числа выходцев из России как «соплеменников» (heimolaiset). Число беженцев из Ингерманландии и Восточной Карелии на финской территории было в целом невелико, и какой-либо активной самостоятельной политической деятельности они не вели (да и вряд ли это было возможно). В Финляндии, однако, имелись политические силы, стремившиеся использовать «соплеменный» вопрос в своих интересах и включить ингерманландских и карельских беженцев в круг так называемой «соплеменной работы» (“heimotyö”). Под этим термином подразумевалась деятельность, связанная с пропагандой финно-угорского единства и с притязаниями на российские территории, населенные «соплеменными» народами.

Ирредентизм в отношении ряда «соплеменных» территорий, в первую очередь восточнокарельских, существовал в Финляндии еще с великокняжеских времен. Идеи создания «Великой Финляндии» никогда не приобретали конкретной формы – никто не брался определить её четкие границы – однако были весьма живучи вплоть до Второй мировой войны. В ходе «племенных войн» 1918–1922 гг. активисты и другие националистические группировки, выдвигая лозунг помощи своим восточнокарельским и ингерманландским собратьям, в то же время пытались удовлетворить свои аннексионистские устремления. Добиться этого, однако, не удалось. Претензии официального Хельсинки на часть территории Восточной Карелии также не были удовлетворены. Эти претензии высказывались как на первых официальных переговорах между Финляндией и РСФСР в Берлине в августе 1918 г., так и на мирных переговорах в Тарту в 1920 г. В качестве аргумента, призванного подкрепить их, выдвигался вопрос о самоопределении восточных карелов, которые якобы стремились к воссоединению с родственным им финским народом.

Советские представители решительно отвергали какие-либо территориальные претензии своих соседей и не признавали за Финляндией право вмешиваться во внутренние дела Восточной Карелии, отстаивая свою точку зрения на восточнокарельский вопрос как на внутреннее дело России. Известные территориальные уступки в Беломорской или Олонецкой Карелии допускались лишь в обмен на ответные уступки на Карельском перешейке: как на первых, так и на вторых переговорах советская сторона добивалась переноса границы вглубь перешейка, что диктовалось необходимостью обеспечения безопасности Петрограда. Договориться о взаимных уступках так и не удалось. По условиям Тартуского мирного договора, границы между двумя государствами остались почти без изменений: единственной уступкой советской стороны стала передача Финляндии порта Петсамо на арктическом побережье в обмен на очищение финнами оккупированных ими карельских волостей Реболы и Поросозеро.

После заключения мирного договора Финляндия на официальном уровне отказалась от каких-либо территориальных претензий к восточному соседу. После окончания «карельского восстания» 1921–1922 гг. в советско-финляндских отношениях до конца 1920-х гг. наблюдалась относительная стабильность. В 1923–1930 гг. командование РККА и Ленинградского Военного округа руководствовалось тезисом о нейтралитете Финляндии в случае войны между СССР и третьим государством. Авторы составленного в 1928 г. доклада «Будущая война», сотрудники 4-го Управления Генштаба РККА, выражали мнение, что с Финляндией у СССР «из всех западных соседей меньше всего противоречий. И этнографически, и экономически, и исторически Финляндия имеет все права на самостоятельное существование, не оспариваемое Советским Союзом»¹. Подобного мнения придерживались и в НКВД: полпред в Финляндии И. Л. Лоренц в декабре 1925 г. отмечал в своем докладе, что финское руководство «из всех наших непосредственных соседей менее всего склонно в отношении нас идти на какие бы то ни было агрессивные шаги»².

Обоюдное недоверие в отношениях между двумя сопредельными государствами, однако, сохранялось. Обе стороны подозревали друг

1. *Килин Ю. М.* Военно-политические аспекты советско-финляндских отношений в 1920–1930-е гг. К 80-летию независимости Финляндской республики // *Россия и Финляндия в XX веке.* СПб., 1997. С. 86–87.

2. *Рупасов А. И.* Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х – начало 1930-х гг. СПб., 2001. С. 48.

друга в агрессивных устремлениях. В Хельсинки не верили в отказ большевистского руководства от замысла устроить в Финляндии новую революцию. Москва, со своей стороны, опасалась установления военного сотрудничества Финляндии с другими сопредельными государствами. Финский парламент в 1922 г. отверг план заключения оборонительного союза с Польшей. Однако беспокойство советского руководства вызывали военные контакты Финляндии с Эстонией и проекты организации Скандинавского оборонительного союза. Одним из основных источников опасений в Москве оставалось то обстоятельство, что в Финляндии по-прежнему поднимался «соплеменный вопрос», в первую очередь карельский. В Хельсинки считали, что Москва не выполняет условий Тартуского мира, связанных с обеспечением карельской автономии. В 1922–1923 гг. Финляндия даже пыталась ставить карельский вопрос на повестку дня в Лиге наций, однако это не имело каких-либо последствий. В Советском Союзе эти шаги финского руководства вызвали, естественно, крайне неприязненную реакцию. НКВД в своей ноте от 27 февраля 1923 г. заявил решительный протест против «новой попытки Финляндского Правительства поставить перед так называемой лигой Наций вопрос о положении в Восточной Карелии»³.

В 1920-е гг. Финляндия отошла от откровенной конфронтации с Советской Россией. Однако антисоветские и антирусские настроения были еще сильны в стране, а некоторые общественные силы продолжали отстаивать замыслы присоединения к Финляндии Восточной Карелии и некоторых других «соплеменных» территорий. Тартуский договор вызвал недовольство части финского общества, в некоторых кругах он именовался «постыдным миром» (“häpeärauha”), продолжали звучать высказывания о необходимости отодвинуть границу с Россией от Финского залива к Белому морю и Онежскому озеру⁴. В газете «Илталеhti» сообщение о назначении советского полпреда в Финляндию было помещено в черной рамке в знак траура из-за соглашения с большевиками⁵.

Среди националистических организаций, занимавшихся возбуждением «племенной любви» (“heimorakkaus”) и «ненависти к москалям» (“ryssäviha”), особо выделялось «Академическое общество

3. *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 74.

4. *Tanner V.* Tarton rauha. Sen syntyvaiheet ja vaikeudet. Helsinki, 1949. S. 230.

5. Вестник Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1921. 4 февраля.

Карелии» (АКС). Инициаторами его основания выступили студенты – бывшие добровольцы, принимавшие участие в «восстании» в Восточной Карелии – Элиас Симелиус, Эрки Ряйккёнен и Рейно Вяяхкаллио. Официальный учредительный съезд общества состоялся 5 марта 1922 г.⁶ Его председателем стал известный активист Элмо Э. Кайла. АКС занималось, в числе прочего, оказанием практической помощи беженцам-соплеменникам, однако основное содержание его деятельности составляла пропагандистская работа.

Одной из главных задач общества, которая была вписана в его программу, было освобождение Восточной Карелии и Ингерманландии от русской власти. По словам финской исследовательницы О. Каремаа, «АКС представлял собой тотальное неприятие русских и русскости». Число членов общества было не слишком велико: в 1923 г. оно составило 214 человек и лишь в начале 1930-х гг. перевалило за тысячу⁷. Однако влияние АКС на общественное мнение было гораздо более заметным, чем количественные показатели его членства. В 1924 г. в результате противоречий внутри АКС из него вышел Э. Ряйккёнен, который основал новое объединение – «Союз независимости» (“*Itsenäisyyden Liitto*”)⁸. Деятельность этой организации по своему содержанию представляло собой «племенную работу» такого же типа, которой занималось АКС.

Оба объединения имели свои печатные органы: у АКС это была газета «*Suomen Heimo*» (“Финское племя”), у Союза независимости – журнал «*Suomalainen Suomi*» (“Финская Финляндия”). На страницах этих изданий много места было посвящено положению соплеменников в Советском Союзе, пропагандировалось финно-угорское единство, обыгрывались проекты создания «Великой Финляндии» (при этом претензии заявлялись не только на российские территории, но и на части Северной Швеции и Северной Норвегии, в которых проживало родственное финнам население). Официальные финские власти дистанцировались от националистических организаций, но и не чинили им никаких препятствий.

Беженцы-соплеменники занимали важное место в «племенной работе». АКС и другие националистические группы стремились воз-

6. *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Helsinki, 1978. S. 125-126.

7. *Karemaa O.* Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki, 1998. S. 167.

8. *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 147-148.

действовать на них и поддерживать связи с их организациями. Предпринимались шаги для координации действий и выработки единой программы. 9–10 марта 1929 г. в Выборге было проведено совещание депутатов от различных патриотических и эмигрантских организаций, на котором были представлены Академическое общество Карелии, Восточнокарельский комитет, Ингерманландский союз, Ингерманландское бюро, Государственный центр помощи беженцам, Центральный союз карельских клубов, выборгский и хельсинкский ингерманландские клубы и 11 карельских клубов. На совещании было принято решение об образовании «Центральной комиссии соплеменных организаций» (“*Heimojärjestöjen Keskusvaliokunta*”) в целях координации национальной работы.

Учредительное собрание новой организации было проведено в Хельсинки 21 апреля того же года. Было избрано правления комитета из пяти человек, которое возглавил предприниматель О. Котонен, его заместителем был известный поборник племенной идеи инженер Р. Кастрен (другими членами правления были учитель Ю. Мустонен, инспектор Ю. Веса и В. Хоманен). В число членов «Центральной комиссии» входил, в числе прочих, активный деятель ингерманландского движения Ю. Тирранен. По данным на 1932 г., в «Центральной комиссии» были представлены 11 организаций: АКС, «Академический племенной клуб» (“*Akateeminen Heimoklubi*”), «Союз финноманов» (“*Suomalaisuuden Liitto*”), «Ингерманландское бюро» (“*Inkerin Valiokunta*”), «Ингерманландский союз» (“*Inlerin Liitto*”), «Помощь Ингерманландии» (“*Inkerin Apu*”), «Ингерманландские студенты» (“*Inkerin Ylioppilaat*”), «Восточнокарельский комитет» (“*Itä-Karjalan Komitea*”), «Карельский национальный союз» (“*Karjalan Kansalaisliitto*”), «Центральный союз карельских клубов» (“*Karjala-kerhojen Keskusliitto*”) и «Карельское женское студенческое общество» (“*Naisylioppilaiden Karjala-Seura*”)⁹.

Работа комиссии развивалась по двум основным направлениям: «общая племенная работа» и деятельность по улучшению правового и экономического положения беженцев. Одной из задач комиссии, согласно её уставу, было следить за развитием национальной и хозяйственной жизни в Восточной Карелии и Ингерманландии и за соблюдением пунктов Тартуского договора, касавшихся ин-

9. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее: ЛОГАВ). Ф. 507. Оп. 1. Д. 5. Л. 29, 35; Kansallis Arkisto (далее: КА). IA. Kansio XVI. Kertomus Heimojärjestöjen Keskusvaliokunnan viidennestä toimintavuodesta vuonna 1933.

германландского и карельского вопроса¹⁰. Кроме того, с начала 1930-х гг. существовала «Карельско-ингерманландская делегация» ("Karjalais-Inkeriläinen Valtuuskunta") – объединенный информационный орган «Объединения ингерманландцев» и «Центрального союза карельских клубов», каждый из которых был представлен двумя делегатами¹¹.

В начале 1920-х гг. еще сохранялись расчеты на падение советской власти в России. В конце 1920 г. ингерманландские лидеры в Финляндии рассчитывали организовать школу для подготовки ингерманландского шюцкора, чтобы в подходящий момент можно было провести среди беженцев мобилизацию для освобождения Ингерманландии. Основать такую школу, однако, не удалось, так как пограничный комендант подполковник Эрик Хейнрикс не хотел допускать шагов, которые противоречили бы условиям советско-финляндского мирного соглашения¹². Восстания в Кронштадте и в Беломорской Карелии породили среди восточных карелов, и ингерманландцев новые надежды на то, что ситуация вновь может взорваться. С марта 1922 г. в Хюрюнсальми, а затем в Лапуа была организована военная подготовка для карельских беженцев. Мероприятия проводились активистами племенной работы и Академическим карельским обществом. В конце весны 1923 г. военную подготовку, однако, пришлось прекратить после того, как из Советского Союза поступило несколько нот протеста¹³.

Однако и в последующие годы соплеменные организации пытались поддерживать политическую активность. У них имелась собственная агентурная сеть для добывания информации из Советской России и ведения агитационно-пропагандистской работы на родине. В докладной записке Карельского областного отдела ГПУ утверждалось, что «активисты карельской авантюры 1919 г.», «служба и работая у финской военной, политической и экономической разведки... спокойно проходят на нашу территорию и, пользуясь случаем, разжигают население, иногда и по своей инициативе»¹⁴.

10. KA. IA. Kansio XVI. Heimojärjestöjen Keskusvaliokunnan ohjesääntö.

11. Ibid. Kansio XVIII. Karjalais-Inkeriläisen Valtuuskunnan ohjesääntö.

12. Nevalainen P. Rautaa Inkerin rajoilla. Inkerin kansalliset kamppailut ja Suomi 1918–1920. Helsinki, 1996. S. 267.

13. Невалайнен П. Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 236.

14. Неизвестная Карелия. Неизвестная Карелия. Доклады спецорганов о жизни республики. 1920–1940 гг. Петрозаводск, 1997. С. 24.

Для разведывательной и пропагандистской работы использовались, в частности, старые контрабандистские каналы. Как утверждала финская секция Петроградского губкома РКП (б), ижорские и ингерманландские рыбаки с Сойкинского полуострова и других районов побережья Финского залива, подолгу бывая в море и общаясь с рыбаками из Финляндии, попадали под влияние финнов, получали от них контрабанду, через них передавались и агитационные материалы¹⁵.

Попытки пропагандистского воздействия на население Ингерманландии и Восточной Карелии, однако, особого успеха не имели. В одной из сводок финской секции Петроградского губкома РКП (б) настроение среди ингерманландского населения характеризовалось как спокойное, «несмотря на то, что белогвардейская агитация, руководимая из Финляндии, и замечается в некоторых местностях»¹⁶. В отчете Ингерманландского союза за 1926 г. отмечалось, что ему «в течение года не удавалось непосредственно влиять на Ингерманландию. В своей работе пришлось ограничиться Финляндией... Сама Ингерманландия от Финляндии была совершенно изолирована»¹⁷.

Свой интерес к беженцам имели финские спецслужбы. Разведывательная работа против восточного соседа была важнейшей составной частью их деятельности. Наиболее крупные подразделения военной разведки и Центральной сыскной полиции располагались в пунктах вблизи восточной границы: в Выборге, Терийоки, Кексгольме, Сортавале, Лахденпохья, Куусамо, Каяни, Куолаярви, Рованиеми и Петсамо. В Выборге, Сортавале, Каяни и Рованиеми находились разведывательные пункты, которые осуществляли агентурную деятельность, направляли разведчиков с заданиями в СССР¹⁸. Вполне естественным выглядело стремление спецслужб вербовать агентуру среди людей, хорошо знавших жизнь в России и владевших русским языком, то есть выходцев и репатриантов из России, в том числе среди соплеменников. К примеру, по материалам Выборгского отдела Центральной сыскной полиции, касавшимся ведения разведки на СССР в 1920-х–1930-х гг., проходят 74 человека, из которых

15. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 16. Оп. 12. Д. 12 048. Л. 31 об.

16. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 75. Оп. 1. Д. 58. Л. 123 об.

17. ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

18. Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Финский шпионаж и политические репрессии на Северо-Западе России в 1920–1930-е гг. // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1996. С. 200.

25 человек родились в России (из них 16 – в Восточной Карелии, семь – в Ингерманландии). Из финляндских уроженцев подавляющее большинство родились вблизи восточной границы. 15 человек из 74 были участниками карельского восстания. Исходя из места проживания информаторов и задач финских спецслужб, можно четко проследить направления их работы на территории СССР: на Ленинград и область разведывательная деятельность координировалась из Выборга и Терийоки, на петрозаводское направление – из Сортавалы, на поросозерско-ребольское – из Йоэнсуу, на кемско-беломорское – из Каяни, на мурманское – из Рованиеми.

Основным каналом заброски агентуры был нелегальный. Так, для этих целей на Карельском перешейке в районе Рауту и Кивенапа финскими спецслужбами было организовано два окна, аналогичные окна были созданы и на карельском и мурманском участках советско-финляндской границы. Этот канал использовался широко и предназначался в основном для заброски агентуры на непродолжительное время. Финские спецслужбы имели в СССР или направили туда в общей сложности около 400 агентов¹⁹. Известно об участии в разведывательной работе лидера карельского национального движения Пааво Ахава (Афанасьева), в прошлом – деятеля «Союза беломорских карелов» ("Vienen Karjalaisten Liitto"). Другой карельский эмигрант, Василий Кеюнас (Кондратьев), с 1921 г. член Карельского правительства и иностранного Карельского представительства, в 1932–1935 гг. – заместитель председателя АКС, в 1930-х гг. по заданию финских спецслужб обеспечивал «окно» для ведения разведки в Советской Карелии. Ю. Тирранен также поддерживал связь с сотрудниками финских спецслужб и занимался организацией шпионажа на территории Ленинградской области²⁰. Документы Центральной сыскной полиции подтверждают, что сведения, сообщаемые переходившими границу ингерманландцами, представляли немалый интерес для военной разведки²¹.

Поборники племенной идеи стремились наладить сотрудничество с эмигрантскими организациями национальных меньшинств бывшей Российской империи. Один из лидеров активизма профессор Херман Гуммерус, имевший давние связи с украинскими сепаратистами,

встречался с их представителями в Центральной Европе весной 1930 г. В том же году Х. Гуммерус, судовладелец Рагнар Нурдстрём и бывший егерь полковник Пааво Талвела встречались в Данциге с украинскими эмигрантами и профессором Р. Смал-Стоком, секретарем организации «Прометей», представлявшей сепаратистские организации украинцев, казаков и некоторых народов Кавказа. В ставке «Прометей» в Варшаве побывал и авторитетный ингерманландский деятель Каапре Тюнни, бывший председатель «Центрального ингерманландского комитета»²². Поборники энергичных действий в начале 1930 г. приступили к созданию тайной организации «Друзья племенной идеи» ("Heimoaatteen ystävät"), которая должна была подготовиться к активной работе по другую сторону восточной границы.

По слухам, отношение к этим замыслам имел Генеральный штаб, прежде всего полковник К. М. Валлениус. Р. Нурдстрём планировал подготовить отряды из числа беженцев и провести ряд диверсий на территории Восточной Карелии²³. Осенью 1934 г. внимание к себе привлекла военизированная организация, которую основал полковник в отставке Леннартти Похьянхеймо. В ней проходили подготовку активисты и восточнокарельские боевики. Целью организации было при возникновении войны между СССР и Японией вызвать беспорядки в Восточной Карелии и Ингерманландии и организовать в этих областях борьбу за освобождение от советской власти²⁴ (надежды на военное столкновение между СССР и Японией как на фактор, который облегчил бы захват Восточной Карелии и Ингерманландии, были в то время типичны для антирусски и антисоветски настроенных кругов финляндской общественности)²⁵.

Финские официальные лица, прежде всего министр иностранных дел Я. Прокопе, приложили немало усилий, чтобы остудить пыл активистов соплеменной работы. Сыскная полиция относилась к неконтролируемому шпионажу с известной долей недоверия, опасаясь провалов и вызванных ими внешнеполитических осложнений, а также того, что в ряды шпионов могли внедриться агенты НКВД, и такие опасения порой оказывались ненапрасными. В частности, по

19. Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Финская разведка // Север. 1997. № 4. С. 97–98.

20. Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 188–189.

21. Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница 1918–1939 гг. СПб., 2007. С. 146.

22. Невалайнен П. Изгои. С. 227.

23. Там же. С. 237–238.

24. Korhonen K. Turvallisuuden petäessä: Suomi neuvostodiplomatiassa. Tartosta talvisotaan. II. 1933–1939. Helsinki, 1971. S. 86.

25. См.: Правда. 1934. 15 авг.

сведениям сыскной полиции, советская разведка и финские коммунисты, со своей стороны, также весьма активно пользовались контрабандными каналами на Карельском перешейке²⁶.

В начале 1930-х гг., во время осуществления коллективизации в Советском Союзе, когда из Восточной Карелии и особенно из Ингерманландии было депортировано значительное число местных крестьян. В Финляндии патриотические и эмигрантские организации инициировали кампанию протеста против преследований соплеменников. 5 марта 1930 г. на собрании ингерманландских делегатов в Выборге было принято обращение к премьер-министру Финляндии Кюёсти Каллио с просьбой выступить на защиту притесняемого ингерманландского населения, привлечь внимание Лиги наций и руководства великих держав к ингерманландской проблеме²⁷. Через два дня, 8-9 марта, в Хельсинки была организована обширная конференция ингерманландских и восточнокарельских беженцев.

Глава Центральной сыскной полиции Эско Риекки отмечал активистский дух и воинственное настроение, которые господствовали на этой конференции, и подчеркивал влияние Генерального штаба и его начальника К. М. Валлениуса²⁸. В финской печати была развернута энергичная антисоветская кампания, начало которой было положено статьей в номере газеты АКС «Суомен Хеймо» от 22 февраля 1931 г., под заголовком «Как Советская Россия выполняет обещания, данные на Тартуских мирных переговорах»²⁹. Советское руководство обвиняли в нарушении обещаний о гарантиях ингерманландской и карельской автономии, приложенных к Тартускому договору. В адрес финляндского правительства звучали призывы потребовать от советского руководства прекратить депортации и разрешить высланным или вернуться на родину, или переехать в Финляндию³⁰.

На волне протеста вновь зазвучали территориальные претензии к восточному соседу. 12 апреля 1931 г. на торжественном заседании, посвященном дню финско-эстонского сближения, в присутствии президента страны, министров и высших военных чинов, главный секретарь «Союза независимости» Э. Ряйккёнен произнес речь, в ко-

торой, в частности, заявил, что «для полноты и силы Финляндии ей недостает только Ингерманландии и Восточной Карелии»³¹.

Ингерманландский союз, по сведениям советского полпредства, получил разрешение от министерства внутренних дел «проводить сбор средств для работы за Ингерманландию»³². 17 апреля 1931 г. произошел инцидент в советском представительстве в Хельсинки, когда студент С. Каява, ингерманландский уроженец, проник внутрь здания и разбил там несколько оконных стекол³³. 12 мая того же года, в день рождения Й. В. Снелльмана, по инициативе АКС и с одобрения президента П. Свинхувуда, в Хельсинки перед зданием советского представительства была организована демонстрация протеста. Демонстранты несли с собой карельские и ингерманландские флаги, «белогвардейские флаги» (*”lahtarilippuja”*), по выражению выходящей в Советском Союзе финской коммунистической газеты «Вапаус» и распевали карельские песни. Руководители демонстрации поклались с оружием в руках защищать своих соплеменников³⁴.

Еще одна подобная акция состоялась в конце мая на Карельском перешейке: 26 мая участники проходившего в Выборге «съезда фронтовиков» приехали в Терийоки (Зеленогорск) и оттуда пешком порядком отправились к форту Ино (Приветнинское); на проведенном по окончании похода митинге ораторы призывали быть готовыми к предстоящей борьбе³⁵.

Ингерманландский вопрос поднимался и на четвертом финно-угорском конгрессе, проходившем в Хельсинки в июне 1931 г. Как отмечалось на страницах «Вапаус», на конгрессе в присутствии члена правительства К. Каллио звучали антисоветские высказывания. «Центральная комиссия соплеменных организаций» намеревалась организовать в июле по всей стране ингерманландские и карельские праздники, целью которых было высказать протест против преследований в Ингерманландии.³⁶

Ингерманландский союз предпринимал попытки привлечь внимание международной общественности к проблеме соплеменников. Соответствующая информация передавалась в зарубежные пред-

26. KA. EK-Valpo. Ryhmä XXIII. Kansio 488. B 1. EK:n Terijoena aloasto. Tilannekatsaus N:o 23. 13.3.1925.

27. ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 5. Л. 49.

28. Korhonen K. Naapurit vastoin tahtoon: Suomi neuvostodiplomatiassa. S. 201.

29. Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 172

30. Ibid. S. 174.

31. Korhonen K. Naapurit vastoin tahtoon: Suomi neuvostodiplomatiassa. S. 213.

32. Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения. С. 158.

33. Известия. 1931. 20 апр.

34. Vapaus. 1931. 14. toukokuuta; Korhonen K. Naapurit vastoin tahtoon: Suomi neuvostodiplomatiassa. S. 214.

35. Известия. 1931. 28 мая.

36. Vapaus. 1931. 29. kesäkuuta.

ставительства. К. Тюнни в июне–июле 1931 г. совершил две поездки за границу. Во время первой из них он посетил Эстонию, Латвию, Польшу и Чехословакию, а затем отправился в Англию и Францию. Материалы о депортациях ингерманландцев появились в эстонской и латвийской прессе, а также в лондонской «Таймс» (номер от 23 июля) и парижской «Тан» (номер от 9 августа)³⁷.

Финское правительство не спешило выступить с официальным заявлением, поскольку не было склонно предпринимать шаги, которые могли бы привести к обострению отношений с Советским Союзом. Однако под давлением общественных организаций оно вынуждено было, в конце концов, вмешаться. 16 мая 1931 г. временный поверенный в делах Финляндии в СССР Э. Вестерлунд передал в НКВД ноту протеста против депортаций ингерманландских крестьян из Ленинградской области³⁸. НКВД отклонил эту ноту, предъявив Финляндии ответные обвинения в развязывании клеветнической кампании против СССР и в попытках вмешательства в его внутренние дела. Не увенчались успехом и попытки побудить международное сообщество к вмешательству в ингерманландский вопрос.

Активность общественных организаций в Финляндии, заставившая официальный Хельсинки выступить в защиту соплеменников, все же сыграла свою роль. Советское руководство, не будучи заинтересованным в эскалации напряженности в отношениях с Финляндией и в международной огласке событий в Ингерманландии, приняло некоторые меры для преодоления дипломатического кризиса. Компромисс был достигнут в результате неофициальных переговоров наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова с министром иностранных дел Финляндии А. С. Юрьё-Коскиным. Советская сторона согласилась приостановить депортации ингерманландцев и разрешить некоторым из высланных вернуться в места прежнего проживания в обмен на обязательство Финляндии не поднимать ингерманландский вопрос в Лиге наций. По слухам, именно кампания, поднятая за рубежом, была причиной отказа властей Ленинградской области от намеченной на май 1931 г. новой масштабной кампании по депортации ингерманландских «кулаков»³⁹.

37. *Tynni A. Inkeri Inkerini. Porvoo; Helsinki, 1990. S. 284, 287, 289.*

38. *Документы внешней политики СССР. Т. 14. М., 1968. С. 350.*

39. *ЛОГАН. Ф. 507. Оп. 1. Д. 25. Л. 28–28 об.*

Масштабы депортаций из Ленинградской области действительно заметно сократились, однако это оказалось лишь затишьем перед бурей. В 1935–1936 гг. советскими репрессивными органами была предпринята широкомасштабная операция по очищению пограничной полосы Ленинградской области и Карельской АССР от «кулацкого и антисоветского элемента», которая фактически свелась к выселению из приграничных районов всего прибалтийско-финского населения.

Эмигрантские организации в Финляндии и на этот раз пытались воздействовать на правительственные круги страны и на международное общественное мнение и побудить их вмешаться в ингерманландские события, ходатайствовали о том, чтобы ингерманландский вопрос был поставлен на повестку дня в Лиге наций. Брошюра Ингерманландского союза о репрессиях на территории Ленинградской области была в 1935 г. выпущена на английском языке, чтобы привлечь внимание международной общественности. Обращения, переведенные на английский, французский и немецкий языки, рассылались правительствам разных стран и в крупнейшие европейские газеты. Материалы об Ингерманландии печатались даже в ватиканской газете «Оссерваторе романа»⁴⁰. Однако на этот раз кампания протеста не имела никакого успеха. Петербургский исследователь А. И. Рупасов точно подметил, что с 1932–1933 гг. советскую сторону все меньше беспокоило распространение в Финляндии информации, представлявшей в неприглядном свете внутривосточное положение СССР⁴¹.

Со второй половины 1930-х гг. активность поборников племенной идеи в Финляндии заметно снизилась. Планы развертывания шпионской и диверсионной работы остались нереализованными, пропагандистская деятельность внутри страны также имела все меньший эффект. Новое оживление «племенной работы» началось во время Второй мировой войны, однако эти сюжеты выходят за хронологические рамки данной статьи. Остается только добавить, что после выхода Финляндии из войны и заключения перемирия в 1944 г. советская сторона энергично добивалась от Финляндии закрытия всех организаций, деятельность которых имела, по её мнению, антисоветский характер. Финское руководство вынуждено было, по

40. *Kulha K. Neuvostovalian aika // Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969. S. 372.*

41. *Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения. С. 184.*

условиям подписанного 19 сентября 1944 г. соглашения, уступить советскому давлению, и к весне 1945 г. почти все националистические и эмигрантские организации прекратили существование. Некоторым наиболее одиозным лицам пришлось даже покинуть страну (в частности, Э. Раяккёнен в 1945 г. выехал в Швецию)⁴². Роспуска сумели избежать лишь Объединение ингерманландцев, которое, видимо, как-то сумело доказать свой неполитический характер, и Русское купеческое общество. Характер двусторонних отношений между Финляндией и СССР в послевоенные десятилетия делал невозможным ведение в Финляндии какой-либо деятельности, которая могла иметь неблагоприятный эффект для советских интересов.

Литература

Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб.: Изд-во С-Петербургского университета, 1997. 353 с.

Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 93–102.

Васара В.-Т. Деятельность Академического карельского общества в Финляндии (АКО) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 1998. № 2. С. 222–235.

Вассара В.-Т. Лапуастское движение (1929–1932 гг.) и путч в Мянтсяле // Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени. 2007. № 1. С. 91–104.

Васара В.-Т. «Какую Финляндию мы должны создать?» Несколько взглядов на будущее молодой республики // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (№2). Выборг, 2016. С. 40–42.

Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 244–256.

Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Финский шпионаж и политические репрессии на Северо-Западе России в 1920–1930-е гг. // Политический сыск в России: история и современность. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1997. С. 183–206.

Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Финская разведка // Север. 1997. № 4. С. 86–108.

Зимняя война 1939–1940 гг. В документах НКВД. СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2010. 315 с.

Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М.: Наука, 1999. 383 с.

Килин Ю. М. Военно-политические аспекты советско-финляндских от-

ношений в 1920–1930-е годы // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской республики. СПб.: «Европейский Дом», 1997. С. 82–95.

Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999. 275 с.

Мусаев В. И. Россия и Финляндия. Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2007. 484 с.

Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. СПб.: «Nestor-historia», 2001. 400 с.

Невалайнен П. Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: «Журнал Нева», 2003. 366 с.

Неизвестная Карелия. Доклады спецорганов о жизни республики. 1920–1940 гг. Петрозаводск: СДВ-Оптима, 1997. 306 с.

Россия и Финляндия: Проблемы взаимовосприятия. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2006. 431 с.

Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х – начало 1930-х гг. СПб.: Европейский Дом, 2001. 309 с.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница 1918–1939 гг. СПб.: Европейский Дом, 2007. 221 с.

Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М.: Наука, 1975. 266 с.

Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917–1923. Bibliotheca historica, 30. Helsinki: SHS, 1998. 221 s.

Korhonen K. Turvallisuuden petäessä: Suomi neuvostodiplomatiassa. Tartosta talvisotaan. II. 1933–1939. Helsinki: Tammi, 1971. 224 s.

Kulha K. Neuvostovallan aika // Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 1969. S. 334–418.

Nevalainen P. Rautaa Inkerin rajoilla. Inkerin kansalliset kamppailut ja Suomi 1918–1920. Historiallisia Tutkimuksia, 195. Helsinki: SHS, 1996. 291 s.

Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Helsinki: Otava, 1978. 342 s.

Tanner V. Tarton rauha. Sen syntyvaiheet ja vaikeudet. Helsinki: Tammi, 1949. 258 s.

Tynni A. Inkeri Inkerini. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1990. 305 s.

42. Kuka kukin oli. Who was who in Finland. Henkilötietoja 1900-luvulla kuolleista julkisuuden suomalaisia. Helsinki, 1961. S. 593.

История участия 12-го лыжного батальона в «Зимней войне» в литературных источниках

Тема добровольческих лыжных батальонов и их участия в советско-финляндской войне (1939-1940) получила в последние годы значительное развитие.

Особый интерес исследователи проявляют к истории 12-го лыжного батальона. Данное обстоятельство во многом обусловлено участием в его составе в боевых действиях студентов-добровольцев из Литературного института имени А. М. Горького. В списке студентов-добровольцев были такие известные сейчас историкам литературы имена и фамилии, как Арон Копштейн, Николай Отрада (Турочкин), Тотырбек Джатиев, Борис Заходер, Михаил Луконин, Платон Воронько, Григорий Цуркин и др. Причем, однако, в некоторых работах к 12-му батальону ошибочно причисляют еще Сергея Наровчатова, Михаила Молочко и других студентов-добровольцев из Московского института философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского (МИФЛИ), которые в действительности участвовали в боевых действиях на Ребольском направлении в составе 34-го лыжного батальона¹. Отчасти эта ошибка объясняется схожестью сюжетов и совпадением некоторых обстоятельств формирования обоих батальонов. В результате это привело к тому, что в представлении некоторых авторов эти два сюжета сначала смешались, а затем и вовсе трансформировались в один, общий сюжет.

Тем не менее, известно, что 12-й лыжный батальон был сформирован в январе 1940 г. в Московском военном округе (Подольск). В состав действующей армии он входил в период с 13 января по 13 марта 1940 г. и, по прибытии на фронт, поступил в распоряжение командования 155-й стрелковой дивизии. Сама эта дивизия организационно входила в состав 1-го стрелкового корпуса 8-й армии и с началом войны действовала на правом фланге армии, на изолированном направлении Лиусваара, Куолисмаа, Мёхкё, Иломантси, Йонсу. Командовал дивизией комбриг П. А. Александров.

1. См. например: Жуков А. П., Денисова Н. Ю. Застывшие «Зачем» и «Почему». Добровольцы-менделеевцы на финской войне (1939–1940). М., 2016. С. 51–53; Судаков В. П. Поле неуставшей памяти. Док. и мат-лы. Петрозаводск: Карелия, 2008. С. 482–486.

Следует отметить, что идея создания лыжных батальонов в условиях советско-финляндской войны была, безусловно, верной. Но первый опыт их участия в боевых действиях оказался крайне неудачным. Выявились серьезные недостатки в планировании, организации и ведении боевых действий лыжными батальонами. Многие общевойсковые командиры рассматривали лыжные батальоны всего лишь как дополнительные пехотные подразделения, оказавшиеся в их распоряжении, производя постановку им самостоятельных наступательных задач и бросая их в бой наравне со штатными батальонами стрелковых полков, что приводило к большим и совершенно неоправданным потерям. Весьма негативным оказался и опыт создания на основе лыжных батальонов более крупных формирований – лыжных бригад.

Такое положение дел потребовало уже в начале февраля оперативного вмешательства Ставки Главного Военного Совета. В приказе Ставки № 01625 от 10 февраля 1940 г., в частности, отмечалось: «Практика показала, что использование лыжбатов (лыжных батальонов. – Авт.) в качестве обыкновенных пехотных частей не достигает цели и ведет к большим потерям в этих батальонах «...Цельный ряд лыжбатов разбиты противником, так как эти лыжбаты, не вооруженные хотя бы мелкокалиберной артиллерией, действовали по заданию командования как нормальные пехотные части против противника, имеющего... укрепления и снабженного по меньшей мере мелкокалиберной артиллерией»².

В этом же приказе отмечалось: «Практика 14-й армии показала, что наиболее целесообразной формой организации лыжников являются лыжотряд и лыжэскадрон (лыжных эскадронов. – Авт.) в 130–150 человек, своей задачей имеющих разведку сил противника перед фронтом наших частей, диверсионные действия по ближним тылам противника, взрывы мостов, железнодорожных станций и т.д. и, наконец, охрану флангов действующих полков»³.

С учетом вышеизложенного, Ставка Главного Военного Совета предписала командующим армиями, прежде всего, «разбить» все лыжные батальоны на лыжные эскадроны численностью 150 человек каждый. Далее предполагалось ставить этим эскадронам конкретные задачи по проведению разведки перед фронтом, осуществляя

2. Цит. по: Жуков А. П., Денисова Н. Ю. Застывшие «Зачем» и «Почему». Добровольцы-менделеевцы на финской войне (1939–1940). С. 38.

3. Там же.

диверсионные действия «в ближайших тылах противника» и охрану «открытых флангов стрелковых полков». Кроме того приказывалось «придать штабам дивизий и корпусов по два лыжных эскадрона для охраны командных пунктов и разведки вокруг них», а также «придать стрелковым полкам, минимум по три на полк, для использования их согласно п. 2, подчинив их командирам полков». Во исполнение этого приказа, тогда же, в феврале 1940 г., на основе 12-го лыжного батальона были сформированы 206, 207, 208, 209 и 210-й лыжные эскадроны (в списках действующей армии – с 8.02.40 по 13.03.40). При этом распоряжением Военного Совета 8-й армии, для использования во «внутреннем» делопроизводстве, к номеру, который был присвоен лыжному эскадрону документами Генерального Штаба РККА, прибавлялась цифра 183. Поэтому, 206-й лыжный эскадрон в документах 8-й армии обозначался как 389-й; остальные эскадроны, соответственно, получили «внутренние» номера 390, 391, 392 и 393.

Следует, однако, отметить, что Генеральный Штаб, в рамках своих полномочий, также задействовал номера 389-393 для обозначения вновь сформированных лыжных эскадронов. Таким образом, возникло своеобразное «дублирование» номеров, что определенным образом осложнило работу современным исследователям, создав предпосылки для возможных ошибок (номера 389-393 достались лыжным эскадронам 18-го и 19-го лыжных батальонов, приданных 9-й армии).

В отношении же непосредственно 12-го лыжного батальона следует отметить, что свою «литературную» известность он получил еще в 1940-1941 гг. Причиной этого стали печальные события – гибель в бою двух студентов-добровольцев Литературного института Арона Копштейна и Николая Отрады. Причем имя Арона Копштейна было к тому времени уже известно в литературных кругах, поскольку библиография молодого поэта включала целый ряд авторских и коллективных поэтических сборников. В результате, одним из первых на смерть товарища откликнулся ленинградский поэт Борис Лихарев, прошедший советско-финляндскую войну в должности командира саперного взвода 659-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии. В конце 1940 г. в журнале «Литературный современник» были опубликованы фронтовые очерки Б. Лихарева под общим названием «Записки сапера»⁴. В июле 1941 г. «Записки сапера» выш-

4. Лихарев Б. Записки сапера // Литературный современник. 1940. № 10-11. С. 3-41.

ли отдельной книгой в издательстве «Советский писатель»⁵. Был в «Записках» и очерк, посвященный Арону Копштейну⁶.

Важно подчеркнуть, что включение этого очерка в книгу было не просто «дежурным жестом» или формальным знаком внимания к памяти погибшего коллеги и товарища по поэтическому цеху, как может показаться на первый взгляд. Напомним, что 12-й лыжный батальон был придан 155-й стрелковой дивизии. А после организации лыжных эскадронов, 206-й (389-й) лыжный эскадрон, в составе которого оказался А. Копштейн, был придан 659-му стрелковому полку этой дивизии, где как раз и служил Б. Лихарев. Они воевали рядом, встречались на передовой, были не просто поэтическими, а боевыми товарищами, которых объединяло чувство настоящего фронтового братства.

Литературное посвящение погибшему боевому другу оставил и Тотырбек Джатиев, опубликовавший в 1941 г. в журнале «Знамя» очерк «Памяти героя»⁷. Так же, как и «Записки сапера» этот очерк носит документальный характер и во многом дополняет книгу Б. Лихарева. Автор очерка Т. Джатиев был бойцом 12-го лыжного батальона, а после его реорганизации, судя по известным источникам, исполнял обязанности комиссара 206-го (389-го) лыжного эскадрона. Примечательно, что в очерке Т. Джатиева упоминается и саперный взвод Бориса Лихарева, в гостях у которого Джатиев вместе с Копштейном оказались в один из дней во время затишья на передовой⁸.

Своим боевым друзьям и товарищам по 12-му лыжному батальону Т. Джатиев посвятил также документальную повесть «Добровольцы», написанную в 1940-1941 гг. Повесть была опубликована только в 1952 г. в сборнике рассказов «На берегах Терека»⁹. Отчасти, это стало одной из причин, почему данное произведение оказалось вне поля зрения современных библиографов советско-финляндской войны.

В повести обращает на себя внимание литературный прием, использованный автором. Основное повествование ведется от лица давнего товарища и друга детства Темура Метарова, с которым автор якобы встретился в госпитале, где находился на излечении по-

5. Лихарев Б. Записки сапера. Л., 1941. 86 с.

6. Там же. С. 173-180.

7. Джатиев Т. Памяти героя (Из фронтовой записной книжки) // Знамя. 1941. № 2. С. 102-116.

8. Там же. С. 109

9. Джатиев Т. Добровольцы. Записки бойца // На берегах Терека: Рассказы. Дзауджикау, 1952. С. 20-143.

сле тяжелого ранения: «Темур рассказал мне всё, что произошло с ним в снегах и лесах Финляндии, а позже передал свои записки. Я воспользовался и рассказами, и записками друга для работы над этой повестью»¹⁰. Данное обстоятельство делает возможным и, на наш взгляд, позволяет допустить наличие в повести, наряду с документальной основой, отдельных собирательных или заимствованных фрагментов и сюжетов. Вместе с тем, повесть «Добровольцы», безусловно, может считаться наиболее крупным литературным произведением, посвященным добровольческим лыжным батальонам и написанным одним из непосредственных участников событий.

В 1941 г. были изданы два поэтических сборника А. Копштейна, посвященные памяти погибшего поэта¹¹. В книгах были опубликованы портретные изображения автора, имевшие в своей основе военную фотографию А. Копштейна (в новенькой красноармейской шинели и в шерстяном подшлемнике вместо головного убора), сделанную перед отправкой лыжного батальона на фронт.

События Великой Отечественной войны надолго заслонили собой всё, что было связано с «зимней войной». Только в 1960–1980-е гг. в различных литературных изданиях стали появляться новые отрывочные воспоминания и свидетельства других бойцов 12-го лыжного батальона из числа студентов-добровольцев Литературного института. Свои воспоминания и свидетельства, в том или ином виде, успели оставить Платон Воронько¹², Михаил Луконин¹³, Григорий Цуркин¹⁴, Борис Заходер.

В военно-историческом плане наибольший интерес представляют короткие, но очень емкие воспоминания П. Воронько, содержащие интересные детали и подробности прибытия лыжного батальона в 155-ю стрелковую дивизию, подготовки бойцов-лыжников к боевым действиям и их дивизионно-фронтowego быта.

Большой неожиданностью и в некотором роде подарком для исследователей истории 12-го лыжного батальона стал выход книги Галины Заходер «Заходер и все-все-все», где был опубликован небольшой фрагмент фронтowych записок Бориса Заходера, которые

он вел на «финской войне»¹⁵. В этой книге была также опубликована групповая фотография студентов-добровольцев, сохранившаяся в личном архиве писателя. На снимке запечатлены Иван Бауков, Михаил Луконин, Георгий Лысенко, Платон Воронько, Иван Куприянов, Григорий Цуркин, Борис Заходер, Семен Хайкин. Фотография датирована мартом 1940 г., однако, есть определенные основания считать, что она была сделана перед отправкой на фронт (как и фотография А. Копштейна). На это явно указывают особенности экипировки бойцов и другие детали снимка.

Интересные и по своему ценные дополнения к известным уже свидетельствам об этом лыжном батальоне опубликовала в своей книге воспоминаний Руфь Тамарина, учившаяся в те годы в Литературном институте. «...9 января 1940 года. Мы только что проводили наших институтских добровольцев на финскую войну, ездили к ним в Подольск, где формировался лыжный батальон, и они проходили боевую подготовку. Поездку эту я помню хорошо: четверо студенток с разных курсов – Лена [Ширман], Шура Савчук, Женя Усыскина и я – повезли ребятам подарки от института.

Арон Копштейн, к тому времени полюбивший Шуру Савчук и сделавший ей предложение, решил объявить в тот день об этом и пригласил всех в единственный, кажется, в Подольске ресторан. Постуденчески шумной компанией разместились за большим столом, мест не хватало – теснились по двое. Заказали какую-то еду, немного красного вина – грамм по сто на каждого. Но студенческая неприужденность и громкие голоса показались кому-то из командиров, гулявших там же, нарушением субординации и, подойдя к нашему столу, он сделал довольно резкое внушение, запретив вино. И хотя ребята были оскорблены тем, что командир не понял их объяснения, решив не обострять отношения, вино в заказе заменили клюквенным киселем (тоже красным), и мы все пожелали «молодым» счастья!»¹⁶.

Примечательно, что история с клюквенным киселем упоминалась в «Записках сапера» Б. Лихарева (в очерке про А. Копштейна), но лишь воспоминания Р. Тамариной помогли прояснить все её обстоятельства.

«Финская война – первые ожоги беды, первые смерти тех, с кем еще совсем недавно занималась в одних семинарах, сидела на лек-

10. Там же. С. 21.

11. Копштейн А. Сине море: Поезії 1939 року. Киев, 1941. 64 с.; Вибрані твори. Киев, 1941. 179 с.

12. Воронько П. Мы подружались в снегах Суоми // Воспоминания о Михаиле Луконине. М., 1982. С. 42-53.

13. Луконин М. Товарищ поэзия. М., 1972. С. 16-18, 55.

14. День поэзии 1962 г. М., 1962. С. 304-307.

15. Заходер Г. Заходер и все-все-все. М., 2003. С. 46-49.

16. Тамарина Р. М. Щепкой – в потоке... Док. повесть, стихи, поэма. Алма-Ата, 1991. С. 88.

циях. Известие о смерти Коли Отрады и Арона Копштейна пришло на следующий день после заключения перемирия – 14 марта 40 года. А убило их 4 марта: финский снайпер, «кукушка», тяжело ранил Колю Отраду. Близорукий толстый Арон полез его вытаскивать – «кукушка» убил и его. Так и погибли они – рыжий Коля, поэт с замечательной фамилией Отрада, не успевший выпустить ни одной книги своих стихов, и поэт Арон Копштейн, автор многих поэтических книг на украинском и еврейском языках, автор немногих хороших стихов на русском языке, написанных им за два с небольшим месяца финской войны... А еще через три недели вернулись с войны их товарищи – Платон Воронько и Ваня Бауков, Гриша Цуркин и Михаил Луконин – всех уже и не помню поименно. Ушли 12 добровольцев, вернулись десять. Они шагали по уже подсохшему асфальту московских улиц в подшитых солдатских валенках, меченных лиловым карандашом, чтобы не перепутать при сушке, и от их ушанок и шинелей исходил тот особенный, чуть сладковатый запах солдатских теплушек, который мы хорошо узнали через год с небольшим, когда началась Великая Отечественная...»¹⁷.

Необходимо сразу подчеркнуть, что точная картина (с опорой на документальные источники) и все обстоятельства последнего боя и гибели Н. Отрады и А. Копштейна до сих пор не установлены. В большинстве публикаций по теме указывается, что это случилось 4 марта 1940 г. в районе Суоярви, под Петрозаводском. При этом в литературной среде (как видно, например, по воспоминаниям Р. Таминой) получила распространение версия, что А. Копштейн погиб, пытаясь вынести с поля боя раненого (в др. варианте – уже погибшего) Н. Отраду. Так, в сборнике «Строки, добытые в боях», изданном в 1969 г., указывалось: «Арон Копштейн погиб 4 марта 1940 года на Суо-Ярви, Петрозаводского направления, вытаскивая с поля боя тело Николая Отрады»¹⁸.

События, связанные с гибелью Н. Отрады и А. Копштейна, были затронуты в опубликованных в разные годы записках и воспоминаниях Т. Джатиева, М. Лукониной, Г. Цуркина, Б. Лихарева, П. Воронько, Б. Заходера. Следует, однако, учитывать, что из этого списка только Г. Цуркин может рассматриваться в качестве свидетеля событий. Он был командиром отделения у Арона Копштейна и непосредствен-

ным участником того боя. Дополнительного внимания заслуживают также свидетельства Т. Джатиева, с поправкой на то обстоятельство, что сам момент гибели А. Копштейна он видеть не мог, т.к. чуть раньше получил тяжелое ранение и был вынесен с поля боя. Остальные авторы находились в момент боя в других местах и узнали о случившемся позднее, т.е. их описания даны со слов других участников боя.

В сборнике, вышедшем в 1962 г., Г. Цуркин так описывал начало этих событий: «День – а это было уже четвертое марта – был тусклым и туманным. Вчера мы потеряли в бою Николая Отраду (выделено мной. – Авт.). На озере было тихо, и лишь изредка глухо постреливали финские снайперы». По воспоминаниям Цуркина, Арон Копштейн погиб в тот день, 4 марта, пытаясь вытащить с поля боя раненого бойца, но не Николая Отраду, а другого человека – помкомвзвода Дронова. Т.е., в памяти Цуркина гибель Н. Отрады и А. Копштейна отложилось, как два разных эпизода, более того – даже случившихся в разное время (в разные дни)¹⁹.

Фамилия Дронова упоминается также в очерке Т. Джатиева²⁰. Судя по тексту, Дронов и Копштейн были друзьями. Поэтому, узнав от вышедших из боя бойцов о тяжелом ранении Дронова, он действительно попытался отыскать его на поле боя, вытащив во время этих поисков из зоны обстрела двух других раненых товарищей. Важно, однако, отметить, что Джатиев описывает боевой эпизод, в котором был ранен Дронов (и в котором он сам участвовал), как случившийся за два или даже за три дня до событий 4 марта. В следующей боевой операции лыжного эскадрона, в которой Т. Джатиев участвовал вместе с Н. Отрадой и А. Копштейном, он сам был тяжело ранен, и о гибели Копштейна узнал уже в госпитале. При этом следует подчеркнуть, что очерк Т. Джатиева был написан, что называется, по горячим следам, в отличие от воспоминаний Г. Цуркина, вышедших спустя 20 лет.

Описание событий, сделанное Т. Джатиевым, подтверждается данными о потерях бойцов 206-го (389-го) лыжного эскадрона²¹. В базе данных по безвозвратным потерям РККА в период советско-финляндской войны есть запись на красноармейца 389-го лыжного

19. День поэзии 1962 г. С. 304-307.

20. Джатиев Т. Памяти героя. С. 104, 106, 108.

21. База данных «Безвозвратные потери РККА в период Советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг.». [Электронный ресурс]// URL:<http://www.winterwar.karelia.ru/site/bd/> (дата обращения: 20.01.2018).

17. Там же. С. 92.

18. Строки, добытые в боях. Поэзия военного поколения. М., 1969. С. 22.

эскадрона Петра Петровича Дронова (погиб в бою, 1940 г.). Сопоставительный анализ данных по потерям показал, что командование 155-й стрелковой дивизии учитывало бойцов лыжного батальона и в своих списках, т.е., в списках потерь дивизии. Поэтому, красноармеец Дронов Петр Петрович «пробился» и по спискам потерь 659-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии. В дивизионных документах зафиксирована дата гибели бойца – 1 марта 1940 г.

Аналогичным образом, по двойному учету, проходят в списках потерь красноармейцы Арон Копштейн и Николай Турочкин (Отрада). Дата гибели у обоих бойцов зафиксирована – 4 марта 1940 г. (что, однако, не исключает возможность гибели Н. Отрады еще 3 марта, как о том вспоминал Г. Цуркин, так как, судя по описанию Т. Джатиева, разведка боем, в которой участвовал лыжный эскадрон, началась еще вечером предыдущего дня).

В очерке Т. Джатиева есть еще один фрагмент, имеющий отношение к данному сюжету. На последней странице очерка воспроизведен отрывок из письма, которое он получил в госпитале. Там, в частности, сообщались следующие подробности о гибели А. Копштейна: «Когда стало светло, он, будучи раненым, из-под пуль врага спасал тяжелораненого младшего командира Лесика. Арона ранили несколько раз, но командира он спас. В последнюю минуту, когда он вывел Лесика на мертвое пространство, снайперская пуля попала ему в голову...»²².

Версия гибели А. Копштейна при попытке вынести с поля боя тело именно Н. Отрады приводится в воспоминаниях М. Луконина²³. При этом он указывает на П. Воронько, как на источник первичной информации о гибели друзей. Однако сам Платон Воронько пишет, что их группа была в разведывательном рейде, и, вернувшись, он узнал о гибели Копштейна и Отрады от М. Луконина. Далее он уточняет: «Вечером лыжники, шедшие рядом с Отрадой и Копштейном, рассказали, как это случилось. На марше к огневой позиции батальон наскочил на мощную засаду. Николай Отрада был убит сразу. Арон Копштейн, когда огонь притих, пополз выносить раненых. Одиноким выстрелом он был ранен и, видимо, в состоянии шока сел на лыжу. Вторая пуля попала ему прямо в переносицу»²⁴.

22. Джатиев Т. Памяти героя. С. 116.

23. Луконин М. Товарищ поэзия. С. 55.

24. Воронько П. Мы подружались в снегах Суоми. С. 52.

Таким образом, следует признать, что ни одно из свидетельств и воспоминаний не дает четкой картины обстоятельств гибели Н. Отрады и А. Копштейна. Вместе с тем, некоторые детали в различных описаниях являются общими. Окончательное слово, как нам представляется, остается за архивными документами.

Что же касается точного места событий, то указание на Суоярви можно считать корректным только лишь в том плане, что боевые действия 155-й стрелковой дивизии частично проходили на территории современного Суоярвского района (в его северо-западной части). Как известно, уже к концу первой декады декабря 1939 г. 155-я стрелковая дивизия, ведя наступление на Иломанси, вышла на рубеж Ойнассалми–Каллиониemi (Oinassalmi–Kallioniemi). Дивизия наступала по двум направлениям, обходя озеро Нуораярви с севера и с юга. 659-й стрелковый полк, которому был придан 206-й (389-й) лыжный эскадрон, действовал на южном направлении, в районе Мёхкё, Ойнассалми. В «Записках сапера» Б. Лихарева упоминается в связи с последней операцией, в которой погиб А. Копштейн, населенный пункт – хутор Антилла²⁵.

На картах тех лет в этом районе есть два населенных пункта Анттила (Anttila), оба – расположенные южнее Мёхкё. Один из этих пунктов имеет на иностранных картах дополнительное обозначение – Farm (ферма, хутор, отдельный двор), что вполне «позволяет» ему оказаться тем самым «хутором Антилла». Расположение обоих населенных пунктов южнее левого фланга основной позиции 155-й стрелковой дивизии в целом соответствует существующим представлениям о возможных вариантах действий лыжных эскадронов по обеспечению открытых флангов стрелковых полков.

Местом захоронения А. Копштейна показана (согласно базе данных по безвозвратным потерям) братская могила в селении Хуотарипвара, что, очевидно, представляет собой искаженный вариант названия населенного пункта Хуотаринвара (Khuotarinvара) (др. название – Куолисмаа), который находился в тылу основной позиции 155-й стрелковой дивизии. Это вполне соотносится с нашим предположением о его гибели в районе Мёхкё.

Таким образом, в отношении 12-го лыжного батальона образовался, уже начиная с 1940 г., весьма интересный комплекс литературных источников, которые значительно расширяют представле-

25. Лихарев Б. Записки сапера. С. 177, 179, 180.

ния о некоторых малоизвестных страницах истории батальона, и о событиях советско-финляндской войны в Карелии в целом. Кроме того существующие источники явно взаимодополняют друг друга и содержат полезную информацию, способную помочь исследователям при разработке данной темы. Это не исключает, естественно, критического к ним отношения. Но при этом очевидно, что всякая дальнейшая разработка данной темы требует активного привлечения архивных источников.

Литература

- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012. С. 334–363.
- Воспоминания о Михаиле Луконине. М.: Советский писатель, 1982. 240 с.
- День поэзии 1962 г. М.: Советский писатель, 1962. 312 с.
- Джатиев Т. На берегах Терека: Рассказы. Дзауджикау: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1952. 212 с.
- Джатиев Т. Памяти героя (Из фронтовой записной книжки) // Знамя. 1941. № 2. С. 102–116.
- Жуков А. П., Денисова Н. Ю. Застывшие «Зачем» и «Почему». Добровольцы-менделеевцы на финской войне (1939–1940). М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2016. 204 с.
- Заходер Г. Заходер и все-все-все. М.: Захаров, 2003. 256 с.
- Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М.: Наука, 1999. 383 с.
- Копштейн А. Вибрані твори. Киев: Рад. письменник, 1941. 179 с.
- Копштейн А. Синє море: Поезії 1939 року. Киев: Держлітвидав УРСР, 1941. 64 с.
- Лихарев Б. Записки сапера // Литературный современник. 1940. № 10–11. С. 3–41.
- Лихарев Б. Записки сапера. Л.: Советский писатель, 1941. 186 с.
- Луконин М. Товарищ поэзия. М.: Советский писатель, 1972. 272 с.
- Строки, добытые в боях. Поэзия военного поколения. М.: Детская литература, 1969. 272 с.
- Судаков В. П. Поле неуставшей памяти. Док. и мат-лы. Петрозаводск: Карелия, 2008. 560 с.
- Тамарина Р. М. Щепкой – в потоке... Док. повесть, стихи, поэма. Алмата: Жазуши, 1991. 224 с.

А. С. Жирнова, А. В. Мельнов

Петровская гора в Выборге как памятное место русской истории города: до и после 1917 г.

Как историческая наука, так и памятники на протяжении столетий служили политической цели увековечивания памяти о государях и величайших военных победах народов, транслируя «милитарную» память человечества. Настоящий мировой бум установки монументов военным победам и властителям пришелся на рубеж XIX–XX вв. В провинциальном Выборге, располагавшемся в этот период между столицами Империи и Финляндской Автономии, вопросы установки памятников находились на острие политической борьбы социальных групп города. В городе с многовековой историей, где переплелись шведская, немецкая, финская и русская культуры, тем не менее, сохранялось противостояние западной и восточной культур. Каждая языковая группа старалась увековечить своего героя. Важнейшим внешним проявлением этого конфликта была борьба за идеологические акценты в городской среде. Исследовательница Марья Ляхтеенмяки посвятила статью феномену зонирования шведских, финских и русских «памятных мест» в Выборге в период независимой Финляндии¹. В настоящем исследовании предлагается рассмотреть историю и значение ключевого русского «памятного места» в городской среде Выборга – «Петровская гора».

В течение более двухсот лет первого русского периода Выборга (1710–1917 гг.) в исторической памяти русскоязычного населения города формировалось представление о неотъемлемой связи Петровской горы с победоносной осадой Выборга в 1710 г. и личностью императора Петра Великого. Исторические источники лишь косвенно указывают на возможность присутствия 12 (23) мая 1710 г. царя на скале, получившей в последующем название Петровской². Большую же часть времени царь проводил в осадном лагере (ставке) Ф. М. Апраксина, на мысу Нейтсютниemi³. Уже в XVIII в. складывается легенда о редуте (располагался на месте современного памятника Петру I), с которого якобы сам царь командовал обстрелом города.

1. Lähteenmäki M. The Struggle for Political Space: A Geohistory of Public Monuments in the Finnish Town of Vyborg // Meanings of an Urban Space. Understanding the historical layers of Vyborg. Zürich, 2016. S. 177–194.

2. Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1900. С. 201; Походный журнал 1710 г. СПб., 1854. С. 10.

3. На бывшем мысу Нейтсютниemi находится городская застройка, до 2008 г. пос. Петровский. См.: Мельнов А. В. Осадный корпус Ф. М. Апраксина в 1710 г.: организация, структура, численность // Петербургские военно-исторические чтения. СПб., 2016. С. 10–11.

Вопреки устоявшемуся в исторической литературе мнению, редут, обозначенный на картах XVIII в., не соотносится с конфигурацией и расположением батарей, обозначенных на планах осады Выборга 1710 г.⁴ Более того, редут на Петровской горе был построен только в 1734 г. в рамках строительства крепости «Корон-Санкт-Анна». Вновь построенное укрепление должно было обстреливать вражеский флот⁵. Соответственно, подлинные осадные батареи осады 1710 г. были разобраны уже в первой четверти XVIII в. Среди документов восемнадцатого столетия, относящихся к Выборгской крепости, не удалось обнаружить упоминаний ни о Петровской горе или редуте, ни о государевом вензеле.

Самое раннее упоминание о почитании Петровской горы в качестве мемориального места содержат записки Франциско де Миранды, посетившего Выборг в 1787 г.: «...видели также место, откуда Петр I, знаток инженерного дела, приказал пробить брешь в крепости. Сооруженный для этого редут, или батарея сохранился до сих пор и носит его имя»⁶. Самое раннее упоминание о появлении мемориальных петроглифов датируется 1827 г. В газете «Северная пчела» писатель С. М. Усов опубликовал заметку о Выборге: «...на этой скале находятся изсеченные знаки: П и крест, будто бы в память того, что с нее Петр Первый взял Выборг»⁷. Примечательно, что в тексте автор выразил неуверенность в аутентичности «вензеля» и креста.

На картографических источниках первой половины XIX в. появляются первые отсылки к петровской истории редута. Например, на плане «Короно-санкт-аннской крепости» 1824 г. прямоугольный редут на скале отмечен, как «земляной обрушившийся»⁸. На плане крепости 1846 г. городской сад Св. Анны, обозначен, как «сад предполагаемый при высотах занимавшихся лагерем Петра Великого»⁹. На одном из планов Выборгской крепости 1853 г. редут носит имя императора¹⁰. К сожалению, на данный момент невозможно ответить на вопрос, когда были выбиты на скале знаки «П I» и крест¹¹. Стоит лишь отметить, что знак «П I» не является аутентичным вензелем Петра I, а скорее похож на вензель его правнука – императора Павла I. Опи-

раясь на свидетельства путешественников можно определить время создания мемориала – рубеж XVIII–XIX вв. Вероятно, авторами мемориала были офицеры выборгского гарнизона¹². В 1885 г. русский искусствовед Иван Николаевич Божерянов в заметке «Выборгская старина» поместил литографию, на которой изображена чугунная решетка, ограждавшая памятное место¹³. Примечательно, что автор статьи упоминает не о вензеле Петра I, а о первой букве в его имени.

В 1902 г. Выборг посетил корреспондент газеты «Олонецкие губернские ведомости» А. Попов, который упомянул в статье Петровскую гору: «Петр Великий высек на скале буквы П. I. Впоследствии место это было обнесено железною решеткою»¹⁴. В этот же период по городам Российской империи, начиная с Нарвы, проходили юбилейные торжества в честь важнейших побед Северной войны. Уже в 1901 г. выборгским комендантом Н. Кайгородовым была выдвинута идея постройки к 200-летию взятия Выборга крепостного православного собора на 1000 человек на месте расположения ставки Петра Великого, «где донныне сохраняется буква П с крестом...»¹⁵. Согласно сохранившемуся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота нивелировочному плану постройки собора 1903 г., изначально предполагалось снести редут, а на его месте возвести собор со строгой ориентацией на восток¹⁶.

При этом проект предусматривал сохранение памятного места за металлической оградой, которое находилось бы на удалении нескольких метров от главного фасада собора. В 1904 г. место строительства собора было перенесено южнее, на то место, где сегодня находится здание архива¹⁷. Редут все же был снесен в 1910 г. и на его месте установлен памятник Петру I работы скульптора Л. А. Бернштама, который был торжественно открыт 12 июня (25 июня) в рамках празднования 200-летия взятия Выборга русскими войсками.

Памятник русскому царю был установлен в эпоху «русской реакции», в противовес монументам финскому епископу – Микаэлю

4. См.: *Дмитриев В. В.* Крепость Корон-Санкт-Анна в Выборге // Цитадель. 2004. № 11. С. 23.

5. *Kauppi U.-R., Miltsik M.* Viipuri – vanhan Suomen pääkaupunki. Helsinki, 1993. S. 30–31.

6. *Миранда Ф.* Путешествие по Российской Империи. М., 2001. С. 303.

7. *Усов С. М.* Поездка в Выборг // Северная пчела. 1827. № 57. С. 3–4.

8. Viipurin insinöörikomennuskunnan linnoitus- ja rakennuspiirustusten arkisto (далее: MMA). Viipurin insinöörikomennuskunta, Viipurin insinöörikomennuskunnan linnoitus- ja rakennuspiirustusten arkisto, P. Anna ja Tervaniemi, Aluekartta 1824-1824 (8:15).

9. Ibid. Aluekartta 1846-1846 (8:28).

10. Ibid. Aluekartta 1853-1853 (8:37).

11. *Волкова Л. Г.* Выборгская виктория // Северная война. Взгляд из Выборгского замка. Сборник статей. Выборг, 2010. С. 122.

12. Можно предположить, что вензель и крест были выбиты к 100-летней годовщине осады Выборга. Так, в 1810 г. в Полтаве к 100-летию баталии был установлен монумент на месте, где «... по преданию, полковник Келлин встретил Петра Великого». Так или иначе, в документах Выборгской крепости за 1810 г. нет упоминаний о юбилейных событиях. См.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. VII. Тула, 1903. С. 297–298.

13. *Божерянов И.* Выборгская старина // Исторический вестник. 1885. Т. 22. С. 426–427; В собрании музея г. Лаппеэнранта сохранился фотоснимок решетки 1890-х гг.

14. *Попов А.* Из поездки в Выборг // Олонецкие губернские ведомости. 1902 № 110. С. 2.

15. *Дмитриев В. В.* Крепость Корон-Санкт-Анна в Выборге. С. 36.

16. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 218. Л. 2.

17. MMA. Viipurin insinöörikomennuskunta, Viipurin insinöörikomennuskunnan linnoitus- ja rakennuspiirustusten arkisto, P. Anna ja Tervaniemi, Aluekartta 1904-1904 (8:87).

Агриколе, а также шведскому военачальнику – Торгильтсу Кнутссону¹⁸. На Петровской горе, кроме памятника, были установлены две двухпудовые чугунные мортиры, отлитые на Александровском заводе (1839) и Верхнетурином заводе (1863). Вероятно, списанные орудия предоставило командование Выборгской крепостной артиллерии, располагавшейся на Смоляном мысу. С этого времени за скалой официально закрепляется топоним «Петровская гора»¹⁹.

Интересен тот факт, что 2 января 1910 г. был утвержден полковой знак лейб-гвардии Кексгольмского полка, участвовавшего в осаде Выборга в 1710 г. Форма нагрудного знака в точности повторяет крест, «... высеченный Петром I на камне на месте ставки у Выборга после взятия города»²⁰. При этом, на кресте помещен аутентичный вензель императора, а не «выборгский».

Для Выборга 1917 г., несомненно, является ключевой датой в городской истории, однако не такой переломной, как 1940, 1941 или 1944 гг. Получение Финляндией независимости, а также гражданская война, стали поворотными в судьбе многих представителей русскоязычного населения города. Однако возможность стать полноправным гражданином нового государства позволила сохранить традиционный «русский компонент» Выборга, вплоть до 1939 г., хоть и не в прежнем масштабе.

В ходе гражданской войны, после вступления в Выборг финской белой гвардии 21 июля 1918 г., памятник Петру I был сброшен с постамент²¹. С протестом против вандализма в газете «Карьяла» выступил выборгский архитектор Ю. Виисте. Предположительно тогда же была утрачена чугунная решетка, огораживавшая «вензель Петра». Городские власти попытались продать памятник в Германию. Сделка все же не состоялась и до осени 1928 г. скульптура пролежала на складе старых Абовских казарм в Хельсинки (район Камппи). Творение Бернштама было официально передано Национальному совету по древностям и перевезено на телеге во двор Национального музея. Через год Городской музей Выборга подал ходатайство о возвращении скульптуры в Выборг. После бюрократической волокиты Национальный совет принял решение передать муниципалитету памятник, но с условием, что он будет помещен в новый художественный музей Выборга.

Летом 1930 г. монумент перевезли по железной дороге. Причем транспортные расходы, которые составили 2980 марок, оплатил Вы-

18. Костоломов М. Н. Могила под кипарисами. Скромный губернатор Вольдемар Ден // Выборг. 2004. № 159. С. 5.

19. Дмитриев В. В. Крепость Корон-Санкт-Анна в Выборге. С. 36.

20. Шевелева Е. Н. Нагрудные знаки русской армии. СПб., 1993. С. 11, 112.

21. Болгов В. А. Львиная доля // Выборгские истории: сборник исторических статей. Выборг, 2003. С. 64.

боргский музей²². В том же году было открыто здание Музея изящных искусств на бастионе Панцерлакс. Скульптура царя была установлена на лестнице музея и, согласно брошюре 1931 г., получила музейный номер 89 438²³.

В первое десятилетие независимости Финляндии в городском ландшафте появились монументы, отражавшие идеи финской нации. Соответственно, «русский имперский акцент» в городе становится нежелательным. На месте памятника Петру Великому в 1927 г. был установлен «Монумент в честь провозглашения независимости» работы скульптора Гуннара Финне²⁴. Геральдический лев, являвшийся центральной фигурой Монумента, символизировал силу молодого государства и имел очень глубокие «геоисторические корни», поскольку отсылал к гербу Финляндского герцогства в составе Швеции²⁵. Примечательно, что многие элементы благоустройства территории Петровской горы, дошедшие до наших дней, относятся именно к 1927 г., например: каменная лестница и гранитные шары на тумбах, а также флагшток. Тогда же было установлено новое ограждение вокруг «вензеля Петра» и креста, представляющее собой морскую цепь, закрепленную на гранитных столбах.

После вхождения Выборга в состав СССР в марте 1940 г. «идеологически чуждый» памятник «Независимости» первые месяцы оставался на своем месте²⁶. Согласно фотоснимку из семейного архива жительницы Выборга А. К. Шморневой, уже весной 1940 г. скульптура «Петр Великий» стояла на территории Интендантской горы²⁷. Вероятно, этот перенос был инициирован офицерами Интендантского училища ВМФ²⁸. Предположительно осенью–весной 1940–1941 гг. гранитный лев был сброшен, а постамент демонтирован. После чего бронзовая скульптура царя работы Л. А. Бернштама была установлена на основании постамент²⁹ памятника работы Г. Финне²⁹.

22. Hirn S. Rajatapauksia: Vanhan Viipurin ja Karjalan kulttuurimuistoja / suom. Kyllikki Härkäpää. Helsinki, 1964. S. 129.

23. Takala H. Karjalan museot ja niiden tuhoutuminen talvi- ja jatkosodassa. Helsinki, 2010. S. 119.

24. Болгов В. А. Львиная доля. С. 63.

25. Lähteenmäki M. The Struggle for Political Space: A Geohistory of Public Monuments in the Finnish Town of Vyborg. S. 190-191.

26. На снимке корреспондента газеты «Ленинское знамя» Г. А. Анкудинова, выполненном в летнее время года, запечатлен памятник «... с символом Финляндии «Лев с мечом» на месте, где находился памятник Петру». См.: Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Ар 38645.

27. Фотокопия была передана в архив Выборгского объединенного музея-заповедника Алисой Константиновной Шморневой (Ее мать Евстория Иосифовна Федосеевко (1923–2006) была переведена в Выборг в 1940 г. в качестве фельдшера Интендантского училища).

28. В 1940–1941 гг. должностя начальника училища занимал капитан второго ранга Аркадий Варфоломеевич Казадзе.

29. Статуя Петра Великого была доставлена из музея и установлена вместо статуи независимости 29 августа 1941 г.

В сентябре 1941 г., после вступления в город финской армии, солдаты опрокинули статую царя. Голова скульптуры отливалась отдельной деталью, поэтому при падении монумента она отвалилась. Весной 1942 г. обезглавленную скульптуру отвезли в замок, а «царская голова» оказалась на рабочем столе мэра города Арно Туурна³⁰.

После вхождения Выборга в состав Советского Союза в ходе Второй мировой войны, в результате которой произошла полная смена населения, начиналась новая эра в русскоязычной историографии города. Еще в первый советский период (1940-1941) на страницах книг и газет особое внимание уделялось революционной истории города и взятию города русской армией в годы Северной войны³¹.

Реабилитация исторических личностей дореволюционной истории России в годы Великой Отечественной войны нашла отражение и в мемориализации петровской периода истории нового советского города³². В ходе массового переименования городских топонимов в 1945–1948 гг. появился комплекс «петровских» топонимов: Петровский поселок³³, Петровский парк³⁴, Петровская площадь³⁵, Петровская улица³⁶, Петровская набережная³⁷, Петровский пляж, и, наконец, Петровская скала³⁸. На месте расположения русских батарей в ходе осады 1710 г. появилась улица Штурма, хотя город был взят петровскими войсками без штурма³⁹. Иными словами, произошла явная мифологизация исторического события.

Уже в первые послевоенные годы на заседании исполкома Выборгского городского совета депутатов трудящихся поднимался вопрос о восстановлении памятника Петру Великому. Окончание работ планировалось на июнь 1947 г.⁴⁰ Однако скульптура была разбита на восемь частей, отсутствовали детали драпировки, замок пушки, шпага. Фотоснимки не давали реставраторам точного пред-

ставления о памятнике работы скульптора Л. А. Бернштама. Однако первому советскому выборгскому краеведу Н. Н. Турчанинову удалось обнаружить в фондах Государственного музея-заповедника «Петергоф» авторскую модель памятника⁴¹. Эта находка позволила вновь вернуться к вопросу о восстановлении скульптуры, который рассматривался на заседании исполкома 11 июня 1953 г.

Постановление исполкома предписывало: «Установить разобранный памятник Петру I на месте, где он стоял до 1918 г. [...] 2. Восстановить недостающие и утраченные части памятника с приглашением мастера-скульптора»⁴². Реставрация скульптуры производилась под руководством скульптора Н. Волнухина и мастера завода «Монумент-скульптура» П. Видао⁴³. Реставрация монумента обошлась городской казне в 6319,08 рублей, без учета работ по возведению нового постамент⁴⁴. В третий раз памятник Петру I вернулся на свое место в августе 1954 г.⁴⁵ Согласно постановлению Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. монумент, а также «крест и вензель» были поставлены на охрану в статусе памятника федерального значения.

В 1951 г. Н. Н. Турчанинов составил рукописный паспорт объекта культурного наследия. В документе под пунктом «наименование памятника» значилось «Скала Петра». Техническое состояние памятного места (крест и «вензель») было следующим: «...некоторые столбики уже не держатся на крепящем растворе»⁴⁶. Работы по ремонту ограждения, вероятно, были проведены в 1954 г.

Что же касается сведений об истории «Скалы Петра», то советские экскурсоводы не только переняли из дореволюционных русскоязычных изданий аутентичную городскую легенду о «ставке царя» и «собственноручно выбитом вензеле», но и дополнили ее авторскими интерпретациями. Так, ведущие наверх к монументу широкие ступени, уложенные в 1927 г., отныне соответствовали шагу императора, обладавшего выдающимся ростом⁴⁷. В путеводителе «Знакомьтесь – Выборг» 1965 г., авторы предлагали посетить первым делом ленинские места города, а затем Петровскую гору. Примечательно, что выпустившие книгу сотрудники архива с осторожностью написали царю авторство «вензеля Петра и большого креста»⁴⁸.

41. Громов В. У Выборгской крепости. Восстановление памятника Петру I // Выборгский коммунист. № 126. 1954. С. 4; Петр I, Модель памятника. Скульптор Л. А. Бернштам, 1910 г. // Фондовое собрание Государственного музея-заповедника «Петергоф». Инв. № 1589.

42. ЛОГАВ. Ф. Р-437. Оп. 2. Д. 151. Л. 90.

43. Громов В. У Выборгской крепости. Восстановление памятника Петру I. С. 4

44. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 9604. Оп. 1. Д. 287. Л. 85.

45. Кенп Е. Е. Выборг. Художественные достопримечательности. С. 159.

46. Архив Выборгского музея-заповедника. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1641/04. Л. 3–4.

47. Волкова Л. Г. Выборгская виктория. С. 122–123.

48. Адашкина В., И. Васель, Зуев Б., Риор Э. Знакомьтесь – Выборг. Л., 1965. С. 56–57.

30. Кенп Е. Е. Выборг. Художественные достопримечательности. Выборг, 1992. С. 159.

31. Ефимов М. В., Литвиненко К. Д. К вопросу о формировании представления о Выборге как «старинном русском городе» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (№ 2). Выборг, 2016. С. 55–57.

32. Начало процесса перехода на военно-патриотический уклон преподавания отечественной истории относится все же к 1930-м гг. См.: Симицын Ф. Л. Разработка концепции преподавания отечественной истории в конце 1930-х гг. // Преподавание отечественной истории: исторические факты и их интерпретация. М., 2014. С. 299–307.

33. Бывший район Нейтсютниемеи или Выборгский форштадт.

34. Бывший городской парк Терваниемеи (Св. Анны).

35. Бывшая площадь Сииканиемеи или Св. Анны.

36. Бывшая улица Фридрихсгамских (Хаминских) ворот.

37. Набережная севернее Выборгского замка, не имевшая до этого официального названия.

38. Волкова Л. Г. Площади Выборга. СПб., 2011. С. 87.

39. Мегорский Б. В. Сдачи крепостей. Обычаи и опыт Северной войны // Северная война. Взгляд из Выборгского замка. Выборг, 2010. С. 20–30.

40. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее: ЛОГАВ). Ф. Р-437. Оп. 2. Д. 7. Л. 92.

В целом и наши дни Петровская гора является неотъемлемой частью организованных экскурсионных маршрутов. Подтверждением особого значения исследуемого памятного места в контексте идеологического акцента русской истории города и сейчас является тот факт, что при официальном визите главы государства происходит возложение цветов именно к памятнику Петру I.

Литература

- Адашкина В., Вассель И., Зуев Б., Риор Э. Знакомьтесь – Выборг. Л.: Лениздат, 1965. 128 с.
- Божерянов И. Выборгская старина // Исторический вестник. Т. 22. СПб.: Историко-лит. журнал, 1885. С. 426–427.
- Волкова Л. Г. Выборгская виктория // Северная война. Взгляд из Выборгского замка. Сборник статей. Выборг: ГМ «Выборгский замок», 2010. С. 118–127.
- Волкова Л. Г. Площади Выборга. СПб.: Остров, 2011. 96 с.
- Выборгские истории: сборник исторических статей. Выборг: ИП Калинина, 2003. 192 с.
- Громов В. У Выборгской крепости. Восстановление памятника Петру I // Выборгский коммунист. 1954. № 126. С. 4.
- Дмитриев В. В. Крепость Корон-Санкт-Анна в Выборге // Цитадель. 2004. № 11. С. 23
- Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М.: Унив. тип., 1900. 598 с.
- Ефимов М. В., Литвиненко К. Д. К вопросу о формировании представления о Выборге как «старинном русском городе» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (№ 2)- Выборг, 2016. С. 55–58.
- Кепп Е. Е. Выборг. Художественные достопримечательности. Выборг: Фантакт, 1992. 200 с.
- Костоломов М. Н. Могила под кипарисами. Скромный губернатор Вольдемар Ден // Выборг. 2004. № 159. С. 5.
- Мезорский Б. В. Сдачи крепостей. Обычаи и опыт Северной войны // Северная война. Взгляд из Выборгского замка. Сб. статей. Выборг: ГМ «Выборгский замок», 2010. С. 20–30.
- Мельнов А. В. Осадный корпус Ф.М. Апраксина в 1710г.: организация, структура, численность // Петербургские военно-исторические чтения. СПб., 2016. С. 10–11.
- Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи. М.: Наука, 2001. 165–320 с.
- Попов А. Из поездки в Выборг // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 110. С. 2.
- Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. VII. Тула: Тип. Губ. правл., ценз., 1903. 456 с.
- Синицын Ф. Л. Разработка концепции преподавания отечественной истории в конце 1930-х гг. // Преподавание отечественной истории: исторические факты и их интерпретация. М.: Эконинформ, 2014. С. 299–307.
- Усов С. М. Поездка в Выборг // Северная пчела. 1827. № 57. С. 3–4.
- Шевелева Е. Н. Нагрудные знаки русской армии. СПб.: Фарн, 1993. 176 с.
- Hirn S. Rajatarauksia: Vanhan Viipurin ja Karjalan. Helsinki: Otava, 1964. 270 s.
- Kauppi U.-R., Miltisik M. Viipuri – vanhan Suomen pääkaupunki. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1993. 199 s.
- Lähteenmäki M. The Struggle for Political Space: A Geohistory of Public Monuments in the Finnish Town of Vyborg // Meanings of an Urban Space. Understanding the historical layers of Vyborg. Zürich: LIT, 2016. S. 177–194.
- Takala H. Karjalan museot ja niiden tuhoutuminen talvi- ja jatkosodassa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2010. 323 s.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ: ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

Комплект чертежей Выборгской крепости Л. К. Стобеуса от 18.03.1703 года как основа для реконструкции внешнего вида городских укреплений Выборга в XV-XVII вв.

В военном архиве Швеции хранятся чертежи с обрисовкой Выборгской крепости по состоянию на 17 (18) марта 1703 г.¹, часть которых размещена в электронном архиве Уппсальской библиотеки². Отдельные планшеты публиковались и ранее в различных изданиях, однако до настоящего времени комплексного анализа данного набора чертежей не проводилось³.

Выборгская фортификационная команда являлась частью фортификационной службы Шведского королевства, созданной в 1641 г. Эта служба подчинялась генерал-квартирмейстеру, и в ее задачи входили задачи организации маршей армии, постой и разведка, а также содержание и модернизация крепостей. Инженерные изыскания являлись важной частью этой задачи. Всего в состав этой службы к началу Великой Северной войны входило 376 человек, из которых было 25 офицеров и 12 ремесленников. Фортификационным офицерам часто приходилось рисовать собственноручные карты и чертежи, а также виды сооружений. Выборгское подразделение этой службы состояло из 7 офицеров и 22 рядовых⁴. В 1702 г. начальником Выборгской фортификационной команды был назначен Л. К. Стобеус, произведенный в капитаны и получивший задачу от Эрика Дальберга подготовить оборону Кексгольма и Выборга. Под его руководством было проведено обследование состояния Выборгской крепости и по его результатам составлен комплект чертежей, довольно полно показывающий ее состояние. Этот комплект чертежей

1. В то время русский юлианский календарь отставал от шведского на один день (17 марта по русскому юлианскому календарю, 18 марта по шведскому юлианскому календарю, 28 марта по григорианскому календарю).

2. *Planta öfwer Wiborg aftagen den 18 Martij 1703 af Lorentz Christoph: Stobaeus // KгA040612048007a; Uppsala universitetsbibliotek [Электронный ресурс] – Электронный каталог изображений библиотеки Уппсальского университета. – Режим доступа: <http://www.ub.uu.se/soktips-och-sokteknik/bibliotekskataloger/bildsok/>*

3. *Kauppi U.-R., Miltisik M. Viipurin – Vanhan Suomen pääkaupunki. Helsinki–Rauma, 1993; Швеция в архивах Санкт-Петербурга: Материалы российско-шведского семинара 25–26 октября 2004 г. Санкт-Петербург. СПб., 2005.*

4. *Мельнов А. В. Фортификационные работы в Выборгской и Кексгольмской крепостях в 1700–1709 гг. и их значение при осадных действиях в 1710 году // Петербургские военно-исторические чтения. Всероссийская научная конференция с международным участием. С.-Петербург, 21 марта 2014 г. Сб. научн. ст. СПб., 2015. С. 7.*

включал в себя 14 «планшетов-досок»⁵. Исполнители: Карл Никлас Хольм (Carl Niclas Holm) – планшеты №№ 1, 2, 3, 4, Питер Брунманн (Peter Brunman) – №№ 5, 6, 7, 11, 12, 13, 14; Филипп Шульц (Philip Schultz) – №№ 8, 9, 10.

Все чертежи с некоторыми перекрытиями группируются по укреплениям: Замок – планшеты №№ 2, 3, 4; Каменный город и Круглая башня⁶ – планшеты №№ 5, 9, 10, 14; Горнверк – планшеты №№ 6, 7, 8, 11, 12. Все они привязаны к общему плану Выборгской крепости, расположенному на планшете № 1. По сравнению с планами Выборга середины XVII в., этот план выполнен на очень высоком профессиональном уровне. При совмещении с планом старой части Выборга 1939 г. расхождение отдельных участков составляет около 10-15 м. План имеет ориентацию на север. Картуш этого плана с заголовком и легендой богато украшен военной арматурой в барочном стиле. Планшеты со 2-го по 14-й из украшений имеют только шрифт титула и пояснений. Графические масштабы плана в шведских футах, фамнах⁷; профилей и фасадов, представленных на других планшетах – в шведских футах.

Крупные объекты города – бастионы, церкви, площади и Круглая башня, обозначены заглавными латинскими литерами (А,В,С,...,V). Городские ворота и башня Св. Андреаса – цифрами от 1 до 11. К подписи последней имеется дополнение, что названия остальных башен неизвестны. «Красная линия» фасада городской стены обозначена на плане литерами латинского алфавита по часовой стрелке от излома городской стены между Тайными (башня Хакона) и Песчаными воротами (башня Катапэ). Вершины многоугольника, образованного этой линией, обозначены литерами А, В, С... Z... Аа.. Хх, Yy, Zz. Разбивка видов фасада крепости вдоль этой линии на отдельные планшеты под номерами 5–10 идет против часовой стрелки. На них расположены виды фасадов Выборгской крепости по «Красной линии».

Местные сечения участков городской стены пронумерованы цифрами от 12 до 51 (планшеты 11, 12, 13 и 14). Сечения размещены в характерных местах линии городской стены. Особенно много их в элементах бастионов особо важных для обороны крепости. Бастио-

5. *Tabula* (лат.) – доска.

6. На плане она именуется «Рондель» (“Rundel”). Историки фортификации считают термины «рондель» и «бастея» синонимами. См.: труды *Шперка, Яковлева*.

7. Фамн (*famn*) – шведская мера длины, равнявшаяся 1,78 м. Идентична русской сажени. (*Nordisk familjebok: Konversationslexikon och Realencyklopedi. Vol. 7. Egyptologi – Feinschmecker. Stockholm, 1907. S. 1359–1360.*)

ны Эуряпя и Панцерлак по 6 штук, Нейпорт и Элеонор – по 3 штуки, а Вассенпорт – 2. Места расположения средневековых башен, бастей⁸, типовые участки вала удостоились по одному местному разрезу. Нумерация начинается с участка стены Гонверка за Круглой башней и также идет по часовой стрелке. Подобная система независимых местных координат связывает все планшеты в единую систему, что позволяет однозначно обозначать любой участок крепостной стены замка и города, избегая описательности в отчетах и заданиях, таких как: «к северу от замка “строится деревянный шанец, протянувшийся от блокгауза до бойни”»⁹.

Планшеты Tab. 2 и Tab. 3 с видами замка с юго-запада и северо-востока подробно рассматривались в диссертации В. А. Тюленева¹⁰. Так, на башне Святого Олафа откосы над углами четверика, в месте сопряжения с восьмериком, показаны односкатными, а не двускатные, как на более поздних русских изображениях Выборгского замка и в настоящее время. Башня была перекрыта трехъярусным куполом.

На планшете № 4 показаны характерный профиль замка по линии EQ, 12 поперечных профилей внешнего вала замка, а также поэтажные планы главной башни замка (9 ярусов). Межэтажные перекрытия имели, судя по изображению, сложную ферменную конструкцию, позволявшую эффективно воспринимать и передавать на стены башни динамическую нагрузку от стреляющих артиллерийских орудий. Судя по местным разрезам RS и RQP, в восточном бастионе имелся некий каземат.

Устройство стены Каменного города резко отличается на северной и южной сторонах: на севере это крепостной вал, с сильно оплывшим бруствером (планшеты 9 и 10). На юге же – доартиллерийская полуразрушенная крепостная стена, с отдельными включениями деревянных бойверков вместо обвалившихся участков стен (планшеты 5 и 6). Также на изображении (планшет № 10) северного участка крепостного вала мы видим неатрибутированное строение. На плане А. Стренга (1644) оно отсутствует. На рисунке Выборга

8. Бастея – полукруглая каменная крепостная постройка XVI в., заменившая крепостные башни, для продольного обстреливания крепостной ограды. Б. располагались главным образом в исходящих углах ограды. (Шперк В. Ф. Фортификационный словарь. М., 1946).

9. Hackman A. Bidrag till Viborgs slotts byggnadshistoria // Analecta archeological Fennica. II. Helsinki, 1944. S. 55.

10. Тюленев В. А. Каменные оборонительные сооружения Выборга XIII-XVI вв. Дисс... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1982. С. 53.

Э. Дальберга (1681) примерно в этом месте имеется какая-то башенка, но автор не детализует ее. Данное строение показано в полуразрушенном состоянии, без крыши. По сравнению с другими башнями и бастионами Каменного города его оконные проемы слишком велики, чтобы служить бойницами, а также отсутствует какой-либо видимый выход к воде. Вместе с тем, включенность этого сооружения в линию обороны, заставляет нас предполагать, что оно играло определенную роль в обороне города, например как укрепленная казарма или арсенал.

Как уже было сказано, авторы планов не знали названий башен средневековой городской стены. На плане представлены только названия ворот. Прямоугольные башни городской стены, отмеченные на плане, были проездными (Карьяпортен, Ратушная, Хакона, Катапэ, Рингпортен) и ставились на сложившихся трассах дорог или в порту. Эти архаичные по форме для крепостного строительства XV в. постройки были возведены в виде простейшего варианта надвратных сооружений. Можно предположить, что все они строились по единому принципу и различались только размерами¹¹.

Башня Тайных ворот (“Gåtans porten”) под № 9 резко выделяется на фоне близлежащих участков стены. Это строение со ступенчатым шпирцем на фасаде во фламандском стиле. Парадный вид этого сооружения свидетельствует о том, что, возможно, эти ворота использовались для торжественных встреч высокопоставленных гостей, прибывших в Выборг морем. Считается, что изначально эта башня и ворота в ней называлась Хаакона¹². Примыкавшие к башне участки стены, представляли довольно удручающее зрелище: отдельные участки старой каменной стены были включены в бревенчатую конструкцию.

Воротная башня Круглых ворот (“Ring porten”) под № 1. Данное воротное сооружение представляет прямоугольную в плане постройку; на первом этаже находились ворота, на втором – боевой ярус. Башня увенчана четырехскатной крышей со шпилем. Воротная башня Песчаных ворот (“Sand porten”) отмечена на плане под № 10. Башня и ворота в традиционной историографии носят название «Катапэ»¹³. Это прямоугольное в плане сооружение, состоящее из двух частей. Первая часть – непосредственно ворота с крышей, имеющей уклон в сторону моря. На ней отсутствует какое-либо кро-

11. Тюленев В. А. Изучение Старого Выборга. СПб., 1995. С. 44.

12. Viiste J.O.V. Viihtyisä vanha Viipuri: kulttuurimuistojen, kuulujen puistojen, kauniiden tornien kaupunki. Porvoo, 1948. S. 26.

вельное покрытие стропильной системы с обрешеткой. Справа от ворот имеется пристройка с тремя оконными проемами на уровне второго яруса. Скорее всего, там располагалось помещение для охраны городской пристани.

К сожалению, отсутствуют местные сечения, позволяющие понять внутреннюю конструкцию башен. Ворота Водные ("Watn porten") под № 2 и Новые ("Nýrporten") под № 8, скорее всего, также имели конструкцию подобную вышеназванным башням. Но уже к 1640-м гг. от них остались только нижний ярус с воротным устройством. По мнению В. А. Тюленева башня Водных Ворот имела подковообразную форму¹⁴, но исследуемые чертежи показывают иную картину. В 1703 г. в воротной башне Скотных (Скотопрогонных) ворот ("Karie porten") под № 3 фиксируются довольно архаичные оборонительные приспособления: бойницы в полу 2-го яруса над воротным проездом, бойница-машикуль над внешним порталом башни (профиль № 50, планшет № 14).

Относительно формы башен, следует подчеркнуть, что среди такого рода построек, выполнявших только боевую функцию, преобладающим типом являлись полукруглые, выступающие вперед сооружения с плоской задней стеной: Лакамунда, Монашеская, Пампала. Чертежи показывают три башни подковообразной формы, внешне сохранившиеся до 3-го яруса. Это фланкировавшие подступы к воде башни Монашеская (Монашеских ворот) и Лакамунда (Лакамунс), располагавшиеся на концах сухопутного участка стены – на северном и на южном соответственно. А также башня Пампала. Судя по местным профилям, башни имели три боя. Замурованные бойницы подошвенного боя показаны на сечениях № 30 и № 32 (планшет № 12). Скорее всего, это башни Монашеская и Пампала. На башне Лакамунда (сечение № 47, планшет № 14) подошвенный бой отсутствует, или к началу XVIII в. засыпан грунтом бастиона Элеоноры, сооруженного перед ней.

Посередине планшета (Tab. 5) изображен участок стены с бастионом Новых ворот и двумя подковообразными в плане башнями рядом. Башня над литерами Nn – скорее всего башня Пампала. Название полуразрушенной башни над литерами Xx неизвестно. Эта подковообразная башня (точка Xx на планшете № 1, фасад – планшет № 5, местное сечение-профиль № 36) между Новыми и Тай-

13. Ibid. S. 26.

14. Тюленев В.А. Изучение Старого Выборга. С. 45.

ными воротами. Скорее всего, это сооружение представляет собой остатки подковообразной башни XV в. На это указывает наличие прохода в стене, а также форма, идентичная другим башням – Лакамунда, Монашеской и Пампала. Судя по расположению, главным назначением этой башни была оборона подхода портовым воротам вдоль берега и, совместно с башней Пампала, защита Новых ворот. Бастионообразный выступ (бастея ?) не имеет связи с внутренней частью Каменного города, а также оборудованных мест для стрелков и убежищ, как на других башнях и бастионах. Скорее всего, это постройка служила в 1703 г. для размещения караульного поста (планшет № 12, профиль № 31).

На планшете № 1 форма башни Св. Андреаса – трапециевидная с закругленной тыльной стороной. Подобные башни то время были сооружены в Нейшлоте (Олафсборге) и Стегеборге – резиденции Ивара Аксельсона Тотта, брата Эрика Аксельсона Тотта. Бывшая «приступная» крепостная стена Каменного города к началу XVIII в. потеряла свое военное значение и выполняла только полицейские и административные функции и, скорее всего именно поэтому, не отображена детально как укрепления внешнего обвода крепости. На плане в стене показаны двое ворот: Королевские ("Kúngs porten") и Песенные ("Sáng porten"), обозначенные №№ 4 и 5 соответственно. Судя по плану ворота не имели никаких дополнительных защитных приспособлений и, скорее всего, появились в стене в течение XVII в.

Бастион Элеоноры (Bastion Eleonora) – литера С на плане. По мнению В. А. Тюленева – первый выборгский бастион¹⁵. Состояние некоторых участков его фасов (профиль № 49, планшет № 14) заставляет вспомнить письмо выборгского губернатора Линдхельма от 1694 г. о том, что городской вал настолько запущен и испорчен, что через него можно было переезжать¹⁶. Два других бастиона Каменного города – Вассенпорт ("Wattenport Bast") под литерой В и Нейпорт ("Nýrport Bastn") под литерой К были построены по так называемой староитальянской фортификационной системе. Она подразумевала сравнительно небольшой размер бастионов; наличие так называемых орильонов (oreillon – франц. «ушко»), защищавших пушки, находившиеся во фланках бастиона, от фронтального артиллерийского огня осаждающего¹⁷. Несмотря на то, что эти бастионы строились

15. Там же. С. 46.

16. Lagus G. Några förhållander i Wiborg under Stora ofrends första skede. Wiborg, 1887. S. 23.

17. История крепостей. Эволюция долговременной фортификации. СПб., 1995. С. 36.

практически одновременно (1589 и 1592 гг.), именно на этих чертежах видно, что они возведены по проектам разных мастеров (Питера Хертига и Антониуса Розетти): различная величина шпица, наличие или отсутствие бойниц в орильонах. На бастионе Нейпорт амбразуры в левом фасу бастиона, в отличие от плана 1644 г., оказаны замурованными. А также наличие караульной башенки – барбизана на его левом фланке. Данная деталь отсутствует на гравюре А. Стренга.

Вдоль фасов бастиона Вассенпорт (Планшет № 9), а также на участке Н-Е показана бревенчатая шпунтовая стенка. Данная конструкция предназначалась для предотвращения выпирания увлажненного грунта из-под подошвы фундамента городского вала.

Круглая башня (Рондель) у Скотопрогонных ворот была построена в 1547–1550 г. по проекту фортификатора Ханса Бергена. Одновременно для безопасной доставки пушек и боеприпасов построили открытую галерею, соединившую новую башню со старой – Карьяпортен. Комплекс из двух башен и соединяющая их галерея представляли собой средневековый тип укрепленного воротного устройства – барбакан. Строительство Круглой башни закончилось примерно в конце августа 1550 г.¹⁸ Планшет № 9 показывает наличие 4-х этажей в башне. Судя по всему, подошвенный бой башни в результате последующих земляных работ превратился в подвал, а вид с западной стороны на гравюре А. Стренга 1644 г. показывает только 3 яруса бойниц в этой башне. На планшете № 14 представлены поперечные разрезы барбакана у Скотопрогонных ворот – профили № 50 и № 51. Из интересных конструктивных элементов заслуживают внимания бойницы-машикули над порталом ворот во внешней соединительной стене галереи. А также отсутствие центральной восьмигранной опорной колонны¹⁹.

Горнверк строился в 1560–1580-х гг. по проекту шведского архитектора и художника Андерса Ларсона (1510–1586). За время строительства сменилось несколько главных строителей: Иоган де Месс де Порте, Якоб ван Стендель, Питер Хертиг. Историк Й. В. Руут относит время строительства бастиона Эуряпя к 1575–1576 гг.; бастиона Панцерлак, а также окончание работ по сооружению куртины между бастионами – к 1579–1581 гг.; куртины между Монастырски-

18. История оборонного зодчества Выборга. Т. 1 Исторические справки Ч. 2: Круглая башня // Архив НИИ «Спецпроектреставрация». Справка Ленинградской областной специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Л. 1975. С. 7.

19. Там же. С. 9.

ми воротами и Панцерлаксом с защищенными полукруглой в плане башней воротами – к 1580-м гг. Историк В. Тавашерна приводит более узкие даты возведения Южной линии укреплений: ворота с башней строились в 1583–1584 гг., стена толщиной в две сажени между этими воротами и Монастырскими в 1585–1587 гг., а вал от ворот до Панцерлакса был «повышен и улучшен» к 1588 г.²⁰ Казематы во фланках бастионов Эуряпя (“Eurape Bastn”) под литерой D, и Панцерлак (“Pantzarlax Bastn”) под литерой E были защищены короткими орильонами без закруглений.

В настоящее время, как и на чертежах XVIII–XIX вв., каземат правого фланка Панцерлакса имеет один ярус боя, а левого – три. Ответа на вопрос, было ли такое положение изначально, письменные и графические источники не дают²¹. Рассматриваемые чертежи частично снимают завесу тайны с этого вопроса. На планшете № 6 приморский фас бастиона Панцерлак изображен с двухъярусным казематом с бойницами в сторону моря: 1 бойница на первом ярусе и 3-на втором. На гравюре А. Стренга на этом месте показан только бруствер вала. Местное сечение № 26 (планшет № 12) показывает, что и амбразуры в правом (приморском) фланке этого сооружения тоже располагались в два яруса.

На планшетах Стобеуса показаны осыпающиеся брустверы Хорнверка. Приморская куртина Хорнверка от Монашеской башни до бастиона Панцерлак представляла собой высокую эскарповую каменную стену, с включенной в него полукруглой бастеей, без вала и валганговой стены, что не соответствовало требованиям того времени²². Также в этой стене находилось двое ворот: Монашеские (“Múncte porten”) под № 7 и Валовые (“Wall porten”) под № 6, проходившие через бастею. Поперечный разрез этого сооружения представлен на профиле № 28 (планшет № 12). В документах она именуется ронделью²³ – круглой башней, но, судя по внешнему виду,

20. Панцерлак и Рогатая крепость. Историч. справка. История оборонного зодчества Выборга. Т. 1. Исторические справки Ч. 3: Бастион Панцерлак и Рогатая крепость // Архив НИИ «Спецпроектреставрация». Справка Ленинградской областной специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Л., 1975. С. 4.

21. Там же. С. 13.

22. Viborg. Tabula 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13. Uppsala universitetsbibliotek [Электронный ресурс] – Электронный каталог изображений библиотеки Уппсальского университета. – Режим доступа: <http://www.ub.uu.se/soktips-och-sokteknik/bibliotekskataloger/bildsok/>

23. См.: Из истории оборонного зодчества Выборга: Фрагментарные переводы книг и статей со шведского и финского языков: Тавашерна В. Двадцатипятилетняя война северных стран 1570–1595 // Архив НИИ «Спецпроектреставрация». Справка Ленинградской областной специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Л., 1975. С. 8.

это была бастея, построенная по образцу, представленных в работе А. Дюрера²⁴. Почему Круглая башня у Валовых ворот была построена только на приморской (западной) куртине Рогатой крепости? Пушечная батарея в приморском фланке бастиона Панцерлак располагалась слишком высоко, и вдоль приморских фасов бастиона Панцерлак и приморской (западной) куртины существовала «мертвая» зона. Поэтому возведение здесь подобной башни совместно с ранее построенной бастеей Монашеского источника позволяло обстреливать дорогу к Валовым воротам. Именно такие низкие круглые сооружения, расположенные между каменно-земляными куртинами и достигавшие в диаметре 20 м (при ширине стен до 5 м), были типичны для шведских крепостей, строившихся в 1540–1560 гг.

Планшеты №№ 7 и 8 с видом фасадов Рогатой крепости с юго-запада и северо-востока совместно с поперечными профилями этого участка крепостного обвода (планшеты № 11 и № 12) позволяют комплексно оценить положение этой важнейшей части Выборгской крепости с точки зрения обороны. Состояние различных элементов бастионной обороны – бруствера главного вала, валгангов, banquetов, рва и гласиса. На планшете № 7 (Tab.7) перед правым фасом бастиона Эуряпяя высокая скала и осыпавшийся бруствер над ней позволяли практически беспрепятственно взобраться на вал²⁵. Состояние вала Рогатой крепости в 1703 г. было далеко неидеальным: частично размытый бруствер, недостаточная протяженность гласиса и его несогласованность по уровню с бруствером, как того требовала т. н. «бреющая фортификация».

По всем сооружениям крепости имелись следующие недостатки. Бойницы подошвенных боев и нижние этажи казематов, как в башнях Каменного города, так и в бастионах Рогатой крепости показаны полузасыпанными землей. Отсутствуют межэтажные перекрытия во фланковых казематах бастионов Рогатой крепости и башнях Каменного города. Наличие многочисленных деревянных помостов внутри сооружений не согласованных по высоте с бойницами в каменных стенах. Многочисленные деревянные настилы, находящиеся около различных ворот, на бастионах, валах замка (скорее всего они предназначались для караулов).

24. Яковлев В. В. История крепостей. С. 33.

25. Мельнов А. В. Фортификационные работы в Выборгской и Кексгольмской крепостях в 1700–1709 гг. и их значение при осадных действиях в 1710 году // Петербургские военно-исторические чтения. Сб. науч. ст. СПб., 2015. С. 7.

Подводя итоги сказанному, отметим, что Выборгская крепость к началу XVIII в. состояла из трех относительно самостоятельных частей – Замка, Каменного города, Горнверка (Вала). Она представляла фортификационную химеру – сооружение, соединявшее в себе разнородные и разновременные оборонительные объекты, находившиеся в разной степени готовности к обороне.

Эти чертежи являются интересным памятником инженерной графики и строительной истории Выборга. Они обладают интересной двойственностью: во-первых, это одно из последних изображений выборгских укреплений Средневековья и раннего Нового времени, а во-вторых, – это именно чертежи по исполнению и методологии. Эта особенность дает возможность их использования для реконструкции внешнего вида выборгских укреплений XV – нач. XVIII вв. Детальное изучение этих образцов инженерной графики позволит понять принципы построения чертежей конца XVI – нач. XVIII вв., а также более детально изучить строительную историю Выборгской крепости в XV–XVII вв. и ответить на часть вопросов, поднятых ранее. Возможно использование элементов этого чертежа в оформлении интерьеров и экстерьеров зданий Выборга во время реставрационных работ.

Литература

- Мельнов А. В. Фортификационные работы в Выборгской и Кексгольмской крепостях в 1700–1709 гг. и их значение при осадных действиях в 1710 году // Петербургские военно-исторические чтения. Сб. науч. ст. СПб., 2015. С. 7–14.
- Санкт-Петербург и Ингерманландия в архивах Швеции. Швеция в архивах Санкт-Петербурга: Материалы российско-шведского семинара 25–26 октября 2004 г. СПб.: Туристический и культурный центр «Эклектика», 2005. 304 с.
- Тюленев В. А. Изучение Старого Выборга. СПб.: ИИМК, 1995. 83 с.
- Яковлев В. В. История крепостей. Эволюция долговременной фортификации. СПб.: Полигон, 1995. 322 с.
- Kauppi U.-R., Miltisik M. Viipuri – Vanhan Suomen pääkaupunki. Helsinki-Rauma: Suomalainen Kirjallisuuden Seura, 1993. 199 s.
- Hackman A. Bidrag till Viborgs slotts byggnadshistoria // Analecta archeological Fennica II. Helsinki, 1944. 189 s.
- Lagus G. Några förhållanden i Wiborg under Stora ofrends första skede. Wiborg: Östra Finlands tryckeri, 1887. 39 s.
- Nordisk familjebok: Konversationslexikon och Realencyklopedi. Vol. 7. Egyptologi – Feinschmecker – Stockholm: Nordisk familjeboks förlag, 1907. 1505 s.
- Viiste J. Viihtyisä vanha Viipuri: kulttuurimuistojen, kuulujen puistojen, kauniiden tornien kaupunki. Porvoo: WSOY, 1948. 144 s.

Некоторые аспекты развития кораблестроения на Балтике в конце XVIII – начале XIX века

Как известно, на протяжении всего XVIII в. главным потенциальным противником России на Балтике оставалась Швеция, к которой по мере стратегической и военной необходимости примыкала Великобритания. Соответственно, Россия, исходя из конкретной обстановки с одной стороны и при прогнозировании военно-морских доктрин с другой, учитывала вероятность неприятельских действий этих держав против Балтийского флота как объединёнными, так и отдельными силами. Начинаясь бурная эпоха революционных и Наполеоновских войн вызывала в Европе конъюнктурные изменения во всех сферах государственной жизни: в морской, внешнеполитической, финансовой и судостроительной политике, на что также гибко реагировала и Россия.

С конца XVIII в. во флотах ведущих морских держав – Англии и Франции преобладала тенденция к наращиванию числа двухдечных линейных кораблей 74 пушечного ранга с более высоким уровнем боевых возможностей. По суммарной силе бортового залпа эти корабли превосходили 66 пушечные, которые начальствующие эскадрами или флотами традиционно ставили в боевую линию. В европейском судостроении с появлением новых инженерных и технических решений 74-пушечные корабли оказались экономически выгодными к постройке, маневренными, с оптимально пропорциональным рангом и со значительно большей площадью парусности. Как правило, эти корабли стояли в линии баталии вместе с мощными 100-пушечными кораблями – с таким расчётом, чтобы находившиеся в авангарде, кордебаталии и аррьергарде корабли 1 и 2 рангов уравнивали сосредоточенную для боя силу. Основными условиями для такого баланса становились следующие: 1. 74-х и 100-пушечники должны обладать примерно равной степенью остойчивости. 2. Качка одного не будет вызывать сильного волнового резонанса у стоявшего рядом в линии другого. 3. Пушки нижних орудийных батарей у стоявших в линии кораблей должны действовать с равной эффективностью¹.

1. Подробнее см.: Чапман Ф. Г. Опыт теоретического разсуждения о удобнейшем образовании и надлежащей величине линейных кораблей, а равномерно фрегатов и других меньших военных судов. СПб., 1836.

За счёт установки в нижних орудийных палубах (гон-деках) артиллерии главного калибра – 36-фунтовых орудий, 74-пушечные корабли отличались высокой огневой плотностью и представляли для неприятелей грозную ударную силу. Иногда действуя малыми тактическими группами с 44- или 36-пушечным фрегатом, 74-пушечный корабль успешно выполнял поставленные боевые задачи – будь то обороны, нападения или сопровождения транспортных и купеческих конвоев, и такой крейсерский тандем сосредоточенным огнём корабельной артиллерии поражал даже превосходящего в силах противника. А находившийся в крейсерстве с 74-пушечником маневренный фрегат за счёт преимущества в таком важном тактическом элементе как скорость хода предназначался для погони за неприятельскими судами.

Россия как великая морская держава также стремилась соответствовать требованиям, предъявляемым к боевым кораблям в период активных операций на море и выполнения флотом боевых задач за границей, поэтому с конца XVIII в. значительное внимание в России уделялось совершенствованию 74 пушечных кораблей. В отличие от прежних царствований – Петра Великого, Елизаветы Петровны и Екатерины II, реалии времени и судостроительного прогресса диктовали необходимость замены 66-пушечных кораблей Балтийского флота, сыгравших решающую роль в сражении под Чесмой (1770), новыми, более усовершенствованными. В итоге смена приоритетов привела к важным изменениям в российском судостроении.

Вступивший на престол в 1796 г. император Павел I в первый же год своего царствования учредил Особый Комитет (в документах XVIII в. – «Особливый Комитет») под председательством своего сына наследника цесаревича Александра Павловича. Высочайшую конфирмацию (утверждение) получило январское 1799 г. предложение Комитета о повышении ранга боевого ядра флотов, поскольку, по мнению Комитета, «66-ти пушечные корабли в линии слабы, да и в других европейских державах они перестают быть употребляемыми». Император Павел I согласился с доводами Комитета и постановил оставить во флоте всего девять 66-пушечников «для одних резервных эскадр». А 74-пушечных кораблей усиления плотности огня и увеличения массы выбрасываемого металла в снарядах с одного борта и «яко самых лучших на всякое военное употребление и посылки в отдаленные места», вместо полагавших ранее по штату 16-ти единиц, следовало дополнить до двадцати семи².

2. РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 68. Л. 2–4.

Итак, в январе 1799 г. Особый комитет подготовил на высочайшее рассмотрение проект новых штатов Балтийского флота, согласно которым кораблей 66-пушечного ранга полагалось девять вместо 24-х, а 74-пушечных – 27 вместо 16-ти. Как указано в документе, для командующих эскадрами теперь назначалось «девять кораблей 100-пушечных, которые в бою при сражениях гораздо преимущественнее других, а для того и прибавляется против прежнего штата один 100-пушечный корабль. По сему положению Комитета будет весь линейный Балтийский флот состоять из сорока пяти кораблей. Хотя против прежнего штата и убавится три корабля, но флот артиллерию свою будет сильнее и более концентрирован, менее растянута, да и сигналы удобо разсмотрительнее. При том таковое число кораблей удобно делиться как на дивизии, так и на эскадры». На полях этого документа имеется резолюция Павла I: «Быть по сему». 1 января 1799 г.³

Балтийский флот делился на три дивизии: авангард (дивизия синего флага), кордебаталию (дивизия белого флага), арьергард (дивизию красного флага). В состав каждой дивизии назначалось по 15 кораблей: 9 74-пушечных, три 66- и три 100-пушечных. Таким образом, корабельный флот на Балтике при императоре Павле I состоял из кораблей 100-пушечного ранга (9), 74-пушечного ранга (27), 66-пушечного ранга (9), а также фрегатов от 44-х до 32-х пушек (19). Всего вместе с яхтами, катерами, бомбардирскими судами и камелями Балтийский флот включал 93 единицы, и состоял он «из трех дивизий, то есть белого, синего и красного флагов, и каждая дивизия из трех эскадр»⁴.

Представляет интерес кадровый состав Балтийского флота и Адмиралтейства при императоре Павле I, который, как известно, с отрочества носил звание генерал-адмирала и знал флот не как сторонний наблюдатель, а как человек, имевший непосредственное отношение к морским делам государства:

Чины	Количество	Жалование в год каждому
Генерал-адмирал	1	7000 руб.
ему денщиков	16	6 руб. 30 коп.
Адмиралов	3	3600 руб.
им денщиков каждому по 12, а всем	36	6 руб. 30 коп.

3. Там же.

4. Там же. Л. 15–18.

Вице-адмиралов	4	2160 руб.
им денщиков каждому по 10, а всем	40	6 руб. 30 коп.
Контр-адмиралов	6	1800 руб.
им денщиков каждому по 8, а всем	48	6 руб. 30 коп.
Капитанов 1 ранга в чине полковника	36	662 руб.
им денщиков каждому по 8, а всем	216	6 руб. 30 коп.
Капитанов 2 ранга в чине подполковника	18	474 руб.
им денщиков каждому по 4, а всем	72	6 руб. 30 коп.
Капитан лейтенантов рангу майорского	65	360 руб.
им денщиков каждому по 3, а всем	195	6 руб. 30 коп.
Лейтенантов в чине сухопутного капитана	233	240 руб.
им денщиков каждому по 2, а всем	466	6 руб. 30 коп.
Мичманов в чине сухопутного поручика	374	160 руб.
им денщиков каждому по 1, а всем	374	6 руб. 30 коп.
Иеромонахов и священников	53	120 руб.
Лекарей	71	13ти – по 300 руб., 14-ти – по 240 руб., 18 – по 180 руб., 26 – по 150 руб.
Штурманов	134	От 360 до 84 руб.
Тиммерманов	45	90 руб.
Боцманов	145	60 руб.
Матросов 1 статьи	7298	11 руб.
Матросов 2 статьи	12500	7 руб.
Кают-юнг	1070	6 руб.
Десятников	66	24 руб.
Плотников	270	15 руб.
Конопатчиков	275	15 руб.
Парусников	153	15 руб.
Трубачей 1, 2 и 3 классов	144	40 руб.
Музыкантов	18	От 60 до 24 руб.
Поваров	145	9 руб.
Профосов	64	6 руб.

Штат Адмиралтейским и портовым чинам

При Санкт Петербургском Адмиралтействе	Число людей	Жалование в год каждому
Обер-сарваер в чине генерал майора	1	1800 руб.
ему денщиков	8	6 руб. 30 коп.

Мастеров ранга полковника им денщиков: каждому по 6, а всем 12	2 12	700 руб. 6 руб. 30 коп.
Мастеров ранга подполковника им денщиков, каждому по 4, а всем	8 8	500 руб. 6 руб. 30 коп.
Мастеров майорского ранга им денщиков: каждому по 8, а всем	3 9	400 руб. 6 руб. 30 коп.
Капитанов 1 ранга в чине полковника им денщиков каждому по 6, а всем	36 216	662 руб. 6 руб. 30 коп.
Подмастерьев капитанского чина им денщиков каждому по 2, а всем	5 10	180 руб. 6 руб. 30 коп.
Подмастерьев ранга поручика им денщиков каждому по 1, а всем	5 5	150 руб. 6 руб. 30 коп.
Подмастерьев ранга прапорщика им денщиков каждому по 1, а всем	7 7	120 руб. 6 руб. 30 коп.
Учеников 1 класса	14	60 руб.
Учеников 2 класса	28	36 руб.
Плотников 1 класса	418	24 руб.

Усиленное кораблестроение на Балтике требовало не только притока дополнительных кадров в Главное адмиралтейство Санкт-Петербурга, но и опытного корабельного мастера со стажем работы, которому император мог бы вверить общие кураторские функции, и Адмиралтейств-коллегия рекомендовала Александра Семёновича Катасанова. На высочайший запрос Коллегия отвечала: «Желательно, да и крайне нужно для поправления и усовершенствования кораблестроения иметь обер-сарваера. Достоинство его, Катасанова, в прочном строении кораблей» общепризнано, поэтому вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф Г. Г. Кушелев предложил избрать А. С. Катасанова на должность обер-сарваера (главного кораблестроителя), отметив его «отличную деятельность и ревностную охоту к усовершенствованию в Отечестве нашем кораблестроения»⁵.

Характеристика графа Кушелева на самом деле соответствовала истине: выдающийся корабел и, без преувеличения, корифей отечественного кораблестроения А. Катасанов приобретал познания в практическом кораблестроении самостоятельным путём в Греческом Архипелаге на острове Парос в порту Ауза, где в 1770–1775 гг.

5. Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 873. Л. 75 об.

находилась база русского флота. Предшественник графа Г. Г. Кушелева вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф И. Г. Чернышев подчёркивал: «Г-н Катасанов имеет над всеми своими товарищами великое преимущество, и все производимые строения под его дирекциею гораздо лутче отстроены и чище, ибо он сам как инструментами, что делает, им пример дает»⁶.

В соответствии с рекомендациями коллегии в конце 1796 г. император Павел I подписал указ: «Мастера Катасанова выписать немедленно в здешний флот для строения кораблей, так как его построение весьма прочно, что и доказано теми кораблями, кои он строил. Употребить его к здешнему Адмиралтейству»⁷. До выхода этого указа Катасанов двенадцать лет находился на Чёрном море, поднимал молодое кораблестроение в Херсоне и Николаеве, и в феврале 1797 г., согласно воле императора, вернулся в Санкт-Петербург.

Тем временем, по примеру ведущих морских держав и в целях совершенствования общеобразовательного и квалификационного уровня будущих специалистов для верфей Санкт-Петербурга и Кронштадта, в 1798 г. Павел I ввёл важное новшество – подписал указ об образовании Училища корабельной архитектуры. В Училище корабельной архитектуры, директором которого стал А. С. Катасанов, преподавали такие дисциплины, как «правописание, арифметику, астрономию, геометрию, алгебру, тригонометрию плоскую и сферическую». Учащиеся осваивали «сечения конические, навигацию плоскую и меркаторскую», высшую математику, механику, теорию корабля, геодезию, учились рисовать и чертить на плазе, пользоваться картами и рабочими инструментами. А ещё через год император доверил Катасанову крупный проект – разработку чертежей и постройку первого в России корабля 130-пушечного ранга.

Стоит отметить, что на протяжении всего XVIII в. морские державы отдавали предпочтение строительству 100-пушечных кораблей как самых мощных в ту эпоху военных судов. И их наличие в составе европейских флотов свидетельствовало о потенциальных возможностях государств, включая экономические, финансовые и промышленно-технические, и являлось одним из условий причисления державы к числу ведущих. В России от правления Петра Великого до его дочери Елизаветы Петровны строительство 100 пушечных кораблей происходило по одному в царствование, включая правление Анны

6. Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 318. Л. 86–86 об.

7. Там же. Л. 74.

Иоанновны – настолько сложным, дорогостоящим и трудоёмким по всем затратам (материальным и людским: рабочей силы, строевого леса, железа, парусных полотен и др.) считался этот процесс. В период пребывания на престоле императрицы Екатерины II таких кораблей построили восемь, и они составили боевое ядро Балтийского флота в ходе войны со Швецией в 1788–1790 гг.

По замыслу императора Павла I, новому кораблю предназначалось не только «устрашать шведов», но и олицетворять собой мощь и величие Российского флота на Балтике. Надо полагать, что подобный замысел возник у государя не случайно. 14 февраля 1797 г. произошло знаменитое морское сражение между английской эскадрой и испанским флотом на параллели мыса Сент-Винсент, и англичане со значительно меньшими силами одержали над испанцами блестящую победу. До сведения российского самодержца дошло не только подробное описание самого сражения, но и конкретные сведения об огромном флагманском корабле испанского вице-адмирала Хосе де Кордовы «Santissima Trinidad» с четырьмя орудийными батареями и 136-ю орудиями. Узнав о существовании в Испании такого корабля, Павел I пожелал восполнить и Российский флот 130 пушечным кораблём вместо предполагавшегося к закладке 100-пушечника. Согласно воле императора, Адмиралтейств-коллегия строго предписала А. С. Катасанову строить корабль только «из сухих и лучших лесов, прочною и самою чистою отделкою, а особливо кают, дабы при построении оного, когда угодно будет Высочайше присутствовать на флоте, он мог иметь на оном пребывание»⁸.

Корабль, заложенный в феврале 1799 г. в Главном адмиралтействе Санкт-Петербурга, получил наименование «Благодать» и мог нести до 136 орудий. В связи с тем, что Катасанов в силу занятости на посту директора Училища корабельной архитектуры не мог часто бывать на верфи, то по его рекомендации Адмиралтейств-коллегия дозволила надсматривать над всеми работами по постройке «Благодати» помощнику Катасанова мастеру Ивану Петровичу Амосову. В справочнике А. М. Данилова «Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота» указано, что спуск «Благодати» на воду состоялся 2 августа 1800 г., но в архивном документе имеется запись, которая датирует спуск на воду «Благодати» другим числом и месяцем. Так, 2 мая 1800 г. Адмиралтейств-коллегия зачитала приказание

8. Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 66. Л. 308.

императора о церемонии проведения спуска: «Государь Император высочайше указать соизволил новопостроенные при здешнем Адмиралтействе корабли 130 пуш. «Благодать», 72 пуш. «Архистратиг Михаил» и 74 пуш. «Зачатие Св. Анны» спустить на воду сего мая 3 дня в 5 часов пополудни. При спуске поступать нижеследующим образом: при приезде государя императора встретить Адмиралтейств-коллегии у ворот под шпицом и проводить до места. Штандарта на крепости не подымать и пальбы для высочайшего прибытия не производить. По входе в Адмиралтейство поднять на кораблях флаги по показанию. В галереи должны входить прибывшие токмо с государем императором, Сенат, Синод, коллегии, министров и прочих. Самой коллегии никого не приглашать, о спуске же кораблей дано будет знать в городе чрез военного губернатора фон дер Палена. Чиновникам первых четырех классов и гвардии офицерам, кто пожелает быть при спуске, вход в Адмиралтейство позволен в чертежную. При спуске чтобы все было заблаговременно устроено и люди разставлены бы были по местам, и чтобы кроме того мастера, которой корабль строил, ничьего голоса слышно не было, все делать неслышно и порядочно. Как скоро который корабль тронется с места, то из Адмиралтейской крепости палить из двадцати семи пушек, одна за другою, каковую пальбу производить для каждого корабля. Ура не кричать... На кораблях быть капитанам и смотреть, чтобы все было порядочно, и люди с борту на борт не перебежали, а каждый был у своего места, и чтобы «сторонних особ никого не приглашать»⁹. Таким образом, согласно этому документу спуск на воду «Благодати» должен был состояться одновременно с двумя другими кораблями, то есть 3 мая 1800 г., но, возможно, его перенесли на 2-е августа. Чтобы представить впечатление, которое оказывали на современников такие корабли-гиганты, достаточно упомянуть, что площадь парусов на 120-пушечных кораблях достигала в то время 3140 м²¹⁰.

Вступивший на родительский престол император Александр I в начальный период своего царствования уделял флоту достаточно много внимания, провёл ряд преобразований в системе морской администрации и 4 марта 1803 г. утвердил штаты Училища корабельной архитектуры в Санкт-Петербурге:

9. Там же. Д. 73. Л. 3-4.

10. Вахарловский Г. А. Строительство Балтийского флота во второй половине XVIII в. // История отечественного судостроения. Т. I. СПб., 1994. С. 241.

	Число людей	Им в год жалования	
		одному рублей	всем рублей
Для обучения геометрии, алгебре, высшей математики, механике, гидродинамике, теории кораблестроения и физики профессор	1		1200
При нем адъюнктов	2	600	1200
Учитель арифметики и начальной геометрии	1		500
Учителей английского языка	2	600 400	1000
Учителей французского языка	2	600 400	1000
Учителей географии и истории	1		500
Учителей российской грамматики, логики и риторики	1		500
Учитель рисования	1		300
Учитель чистописания	1		200
Корабельный мастер, способный к обучению практической корабельной архитектуры	1		700
Помощник ему из корабельных подмастерьев	1		500
Для обучения Закону Божьему священник	1		100
Корабельному мастеру за отправление надзирательской над училищем и казначейской должности	1		600
Лекарь	1		300

Главной обязанностью Училища Александр I провозгласил «доставление в Наши Адмиралтейства и порты потребного числа корабельных мастеров и подмастерьев и приготовление молодых людей к занятию различных по Морскому Департаменту должностей, как то: искусных механиков, гидравликов и учителей по разным частям»¹¹. Полный курс классического обучения в Училище корабельной архитектуры составлял шесть лет, и в течение этого срока преподавателям вменялось в обязанность подготовить добротных специалистов кораблестроительного ремесла – мастеров, подмастерьев, тиммерманов (высококвалифицированных плотников) и других. Количество учеников по-прежнему, как и при императоре Павле, равнялось 50-ти; принимали в Училище «детей дворянских, обер офицерских и солдатских» начиная с 12-летнего возраста и не старше 14 лет, с условием, чтобы они были физически крепкими, здоровыми и «умели бы уже читать и писать по-русски». Наиболее

11. РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 85. Л. 192.

способных в науках и отличившихся воспитанников предусматривалось «посылать в чужие края для усовершенствования в практике искусства».

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX вв. при активной поддержке со стороны верховной власти российское кораблестроение на Балтике получило сильный импульс к дальнейшему развитию, и с принятием в 1799 г. новой судостроительной программы шло ускоренными темпами. Здравый замысел императора Павла I о доставлении флоту квалифицированных специалистов в области кораблестроения и обслуживавших его отраслей реализовывался с образованием Училища корабельной архитектуры и нашёл продолжение в политике Александра I. Однако по мере разрастания масштабов наполеоновских войн и втягивания России в глобальную европейскую войну при Александре I, большая часть полезных начинаний на Балтике осуществлялась медленнее, а некоторые приостановились совсем.

Литература

- Вахарловский Г. А. Строительство Балтийского флота во второй половине XVIII в. // История отечественного судостроения. Т. I. СПб.: Судостроение, 1994. С. 204–248.
- Гребенщикова Г. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб.: Наука, 2007. 720 с.
- Гребенщикова Г. А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Т. II. СПб.: ИТД «Остров», 2012. 552 с.
- Чапман Ф. Г. Опыт теоретического разсуждения о удобнейшем образовании и надлежащей величине линейных кораблей, а равномерно фрегатов и других меньших военных судов. СПб.: тип. К. Вингебера, 1836. 166 с.

**Русский гарнизон Фридрихсгама в 1750-1850-х гг.:
по материалам национального архива Финляндии**

С подписанием Абовского мира в августе 1743 г. правительство императрицы Елизаветы Петровны приступило к организации присоединенных к России территорий и крепостей Фридрихсгама, Нейшлота и Вильманстранда. В Высочайше утвержденном докладе Сената от 14 января 1744 г. было сказано: «Понеже ныне Выборг за Фридрихсгамом стал уже не пограничным, того ради, и чтоб та новозавоеванная Провинция содержана быть могла нынешними Выборгскими гарнизонными полками, без прибавки других к тому полков и излишнего расхода, определить из Выборгского гарнизона Ивангородский полк в Фридрихсгам, и для незабвенной же тех ныне вновь завоеванных мест памяти, именовать его Фридрихсгамский полк»¹. Так начиналась история русского гарнизона Фридрихсгама.

Переименованный из Ивангородского пехотного полка в 1744 г., Фридрихсгамский полк в 1764 г. разделяется на два номерных пограничных батальона, каждый состоящий из 4-х строевых рот, одной инвалидной и одной мастеровой. В инвалидную роту назначались нижние чины за старостью, дряхлостью, увечьями из строевых рот, напомним, что солдатская служба была практически пожизненной. Мастерская рота, где числились плотники, столяры, кузнецы, каменщики, предназначенные «для крепостного строения», куда ранее направлялись строевые чины, ныне должна была комплектоваться из рекрутов или воспитанников гарнизонной школы.

По штату 1764 г. в пограничных батальонах полагалось иметь нижних чинов с соответствующими окладами жалования, которое четко различалось от рода деятельности военнослужащего:

В одном пограничном батальоне ²		
Должность, чин	Кол-во	Жалование
провиантмейстер, сержант	1	10 руб.
надзиратель больных, сержант	1	10 руб.
старший сержант	18	10 руб.
каптенармус	6	8 руб.
подпрапорщик	2	8 руб.

1. Полное Собрание Законов Российской Империи. (Далее ПСЗ РИ). Выпуск 1. Т.12. №8856. С. 5-7.

2. Жалование составляло 2/3 от полевых полков. См.: ПСЗ РИ. Выпуск 1. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. С. 133-134.

фурьер	6	8 руб.
капрал	24	7 руб. 33 1\2 коп.
цирюльник	6	5.52 руб.
барабанщик	10	5.52 руб.
флейтист	5	5.52 руб.
рядовой	660	5.52 руб.
Всего:	739	

Соответственно, в двух пограничных батальонах по штату должно было содержаться 1478 нижних чинов. Предполагалось, что сразу две роты будут отчислены в гарнизон Вильманстранда, однако, на практике ограничивались отдельными командами от всех рот. Ежегодно в церковь подавались поименные списки чинов от каждой роты с указанием возраста, семейного положения, наличия детей. Поэтому у нас есть возможность определить фактический состав пограничных батальонов.

Возьмем, к примеру, 1786 г. Тогда в 1-м Фридрихсгамском пограничном батальоне всего было 518 нижних чинов, из них находилось в Вильманстранде – 93, в Давыдове – 48³. По 2-му Фридрихсгамскому батальону было 542 нижних чина, при этом 111 находилось в Вильманстранде, 40 – в Давыдове⁴. Таким образом по двум батальонам значится 1060 нижних чинов, из которых 204 в Вильманстранде и 88 в Давыдове. Это соответствует указу 1764 г. об откомандировании двух рот. В результате постоянно присутствовало в гарнизоне 768 нижних чинов пограничных батальонов, что составляет 52% от штата, с учетом откомандированных – 72%.

Учитывая пожизненную службу нижних чинов в XVIII в., мы встречаем настоящих стариков, продолжавших тянуть «солдатскую ляжку» в 60–80 и более лет. В целом, из 100 нижних чинов инвалидной роты

3. 1-й Фридрихсгамский пограничный батальон: 1-я строевая рота: 81 чел., из них 19 чел. в Вильманстранде, 11 чел. в Давыдове; 2-я строевая рота: 74 чел., из них 15 чел. в Вильманстранде, 8 чел. в Давыдове; 3-я строевая рота: 76 чел., из них 14 чел. в Вильманстранде, 7 чел. в Давыдове; 4-я строевая рота: 74 чел., из них 10 чел. в Вильманстранде, 9 чел. в Давыдове. Инвалидная рота: 100 чел., из них 19 чел. в Вильманстранде, 6 чел. в Давыдове. Мастерская рота: 113 чел., из них 16 чел. в Вильманстранде, 7 чел. в Давыдове. (Rippikirjat. 1784-1798 (I Aa:1). S. 76-92. Именные списки рот и команд).

4. 2-й Фридрихсгамский пограничный батальон: 1-я строевая рота: 78 чел., из них 18 чел. в Вильманстранде, 12 чел. в Давыдове; 2-я строевая рота: 79 чел., из них 15 чел. в Вильманстранде, 6 чел. в Давыдове; 3-я строевая рота: 78 чел., из них 19 чел. в Вильманстранде, 2 чел. в Давыдове; 4-я строевая рота: 78 чел., из них 16 чел. в Вильманстранде, 6 чел. в Давыдове. Инвалидная рота: 115 чел., из них 21 чел. в Вильманстранде, 10 чел. в Давыдове. Мастерская рота: 114 чел., из них 22 чел. в Вильманстранде, 4 чел. в Давыдове. (Rippikirjat. 1784-1798 (I Aa:1). S. 76-92. Именные списки рот и команд. S. 92-107).

1-го батальона 38 перешагнули семидесятилетний рубеж (38%)⁵, в том числе шестеро восьмидесятилетний рубеж. Во 2-м батальоне в инвалидной роте из 115 нижних чинов старше 70 лет было 40 (34,7%)⁶.

Одновременно в гарнизоне находились и малолетние, для которых были даже образованы школы. Причем школы были у каждого батальона и были рассчитаны на 54 ученика. В них проходили обучения все солдатские дети, а также сироты. Школьников должны были обучать помимо грамоте, арифметике и геометрии, также музыке, барабанному бою, строевым занятиям и изучению уставов. Из школы до достижения 16 лет можно было уже забирать для службы в батальоны. Причем наиболее одаренных детей направляли в писари, барабанщики, флейтисты, а в солдат же брали только лиц старше 16 лет. Кроме того в батальонах существовали «мастеровые». Ими школьники могли стать только по достижению 18 лет⁷. В целом во Фридрихсгамской гарнизонной школе числилось в 1786 г. 48 школьников от 1-го пограничного батальона, 50 – от 2-го батальона. Таким образом, всего в ней училось 98 детей в возрасте от 6 до 15 лет⁸.

Далее следует отметить, что с 15 января 1765 г. были утверждены штаты Фридрихсгамской артиллерийской команды. Она состояла из 6 офицеров, 68 унтер-офицеров, 128 рядовых. Кроме того при ней состояла дополнительно мастеровая команда из 27 нижних чинов. В результате, всего нижних чинов в артиллерийской команде должно было быть 223 человека. Артиллерийской команде также разрешалось иметь еще 20 школьников⁹. Тем не менее, фактически, в 1785 г. в артиллерийской команде состояло лишь 116 нижних чинов¹⁰. Кроме того в 1785 г. образуется еще Финляндский егерский корпус. Он состоял из 4-х батальонов, с общей численностью 4 448 человек. Каждый батальон имел 6-ть рот. Причем первые четыре роты имели штатный состав по 212 человек, а две другие – по 136 человек¹¹. Второй

5. Rippikirjat. 1784-1798 (I Aa:1). S. 76-92. Именные списки рот и команд. S. 86-88.

6. Ibid. S. 103-104. В 1786 г. наиболее пожилые нижние чины служили в инвалидных ротах: в 1-м пограничном батальоне это рядовые Тимофей Гусев и Харлам Тимофеев по 87 лет; во 2-м батальоне рядовой Никифор Никонов, 89 лет.

7. Интересно, что в именных списках можно обнаружить одновременно, к примеру, двух барабанщиков – одному «за шестьдесят», а второму же – 15 лет. См.: ПСЗ РИ. Вып. 1. Том. 16. №12135 от 19.04.1864 г. С. 715. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. С. 66-67.

8. Rippikirjat 1784-1798 (I Aa:1). S. 54-55. Повышение минимального возраста поступления в школу произошло лишь при императоре Александре I (10 лет с 1824 г.) и при императоре Николае I (с 14 лет с 1827 г.).

9. Однако в именных списках школьники от артиллеристов не встречаются. См.: ПСЗ РИ. Вып. 1. Т. 43. Ч. 1 № 12309 от 15 января 1765 г. С. 92-95.

10. Rippikirjat. 1784-1798 (I Aa:1). S. 107-111.

11. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 22. № 16131 от 14 января 1785 г. С. 280-281.

батальон расквартируется непосредственно во Фридрихсгаме с 1787 г. Согласно именованным спискам, представленным командирами рот в батальоне нижних чинов числилось 822 человек или 73% от штатной численности¹².

1 августа 1763 г. были утверждены оклады жалования и штаты еще для инженерных команд крепостей¹³. Также для производства крепостных работ и оборудования дополнительных артиллерийских позиций образовывались еще фурштадская команда¹⁴. Кроме того, чуть позже, 15 декабря 1763 г. в каждом уездном городе по всей империи учреждается 165 военных штатных команд. Таким образом, и во Фридрихсгаме в распоряжение плац-майора (коменданта) поступает военная штатная команда во главе с подпоручиком, состоящая из 29 нижних чинов¹⁵. Обмундирование штатные команды получали по образцу армейских пехотных полков¹⁶. Основная задача штатных команд заключалась в несении полицейско-караульной службы. Причем нижних чинов в команды отбирали исключительно из полков действующей армии, неспособных по возрасту или здоровью к прохождению строевой службы. Большею частью это были ветераны¹⁷.

Следует упомянуть еще нижних чинов комендантского штата (7), казначейства (4), провиантского штата (3) и 55 казаков донского полка Леонова. Также в городе размещался Фридрихсгамский военный госпиталь. Штат госпиталя формировался по регламенту 1735 г., исходя из предполагаемого числа больных в 500 чел. – всего 64 чина¹⁸. При анализе русского гарнизона Фридрихсгама важно еще учитывать, что здесь существовали и морские подразделения. Конкретно, флот был представлен особой командой палубного бота, состоящей из одного офицера (шкипера 1-го ранга) и 12 нижних чинов¹⁹.

12. 1-я рота - 136 нижних чинов; 2-я рота - 129 нижних чинов; 3-я рота - 129 нижних чинов; 4-я рота - 132 нижних чина; 5-я рота - 136 нижних чинов; 6-я рота - 135 нижних чинов. См.: Rippikirjat. 1784-1798 (I Aa:1). S. 160-174. Кроме того, батальонного штата («ундер-штата») служило еще 25 нижних чинов.

13. ПСЗ РИ. Т. 43. Ч. 1. С. 17-19. Причем, согласно документам, в 1785 г. инженерной команде Фридрихсгама согласно именованным спискам состояла из 26 нижних чинов. См.: Rippikirjat. 1784-1798 (I Aa:1). S. 115.

14. Она образовывалась от 2-го канонирного полка. См.: Там же. Т. 43. Ч. 1. № 11797. От 17 апреля 1763 г. С. 23. Общее число этой команды было 247 нижних чинов (Rippikirjat. 1784-1798 (I Aa:1). S. 126-128).

15. В 1786 г., согласно именованному списку, в команде числилось 33 нижних чина. См.: Rippikirjat. 1784-1798 (I Aa:1). S. 116-117.

16. ПСЗ РИ. Т. 16. № 11991 от 15 декабря 1763 г. Штаты Т. 44. Ч. 2. С. 70.

17. Там же. № 12.077 от 8 марта 1764 г. С. 614-615.

18. Столетие Военного министерства. 1802-1902 Главное интендантское управление: Ч. 1. Введение и царствование Императора Александра I. СПб., 1903. С. 95.

19. Rippikirjat. 1784-1798 (I Aa:1). S. 71, 124-125.

Таким образом, в 1785–1786 гг. общая численность нижних чинов гарнизона Фридрихсгама составляла около 2150 чел.

С началом в 1788 г. очередной войны со Швецией Фридрихсгаму была увеличена численность команд, а также усилена артиллерия. Общие данные сведены в представленной ниже таблице:

Наименование команды	Состав на нач. 1788 г.	Состав на нач. 1789 г.	Состав на нач. 1790 г.	Состав на нач. 1791 г.
1-й ПОГРАНИЧНЫЙ БАТАЛЬОН				
1-я строевая рота	66, в т.ч. Вильманstrand – 19; Давыдов – 12	73 в т.ч. Вильманstrand – 16	73, в т.ч. Вильманstrand – 16	64
2-я строевая рота	68 в т.ч. Вильманstrand – 19; Давыдов – 10	71 в т.ч. Вильманstrand – 6; Давыдов – 5	47, в т.ч. Вильманstrand – 11	61
3-я строевая рота	63, в т.ч. Вильманstrand – 16; Давыдов – 2	68	45, в т.ч. Вильманstrand – 6; Давыдов – 1	62
4-я строевая рота	69, в т.ч. Вильманstrand – 8; Давыдов – 5	71, в т.ч. Вильманstrand – 4; Давыдов – 4	51, в т.ч. Вильманstrand – 3; Давыдов – 3	50
Инвалидная рота	120, в т.ч. Вильманstrand – 20; Давыдов – 9	116, в т.ч. Вильманstrand – 21; Давыдов – 4	108, в т.ч. Вильманstrand – 19	61
Мастеровая рота	105, в т.ч. Вильманstrand – 21; Давыдов – 2	103, в т.ч. Вильманstrand – 29; Давыдов – 4	75, в т.ч. Вильманstrand – 8; Давыдов – 2	67
Всего по 1-му пограничному батальону:	491, в т.ч. Вильманstrand – 103; Давыдов – 40; Налицо: 348	502, в т.ч. Вильманstrand – 56; Давыдов – 17; Налицо: 429	385 в т.ч. Вильманstrand – 53; Давыдов – 6; Налицо: 326	363, налицо 310 ²⁰
2-й ПОГРАНИЧНЫЙ БАТАЛЬОН				
1-я строевая рота	66, в т.ч. Вильманstrand – 11; Давыдов – 15	72, в т.ч. Вильманstrand – 16;	54, в т.ч. Вильманstrand – 7; Давыдов – 4	63
2-я строевая рота	62, в т.ч. Вильманstrand – 10; Давыдов – 4	67, в т.ч. Вильманstrand – 12	48, в т.ч. Вильманstrand – 5; Давыдов – 2	61
3-я строевая рота	67, в т.ч. Вильманstrand – 15; Давыдов – 10	69, в т.ч. Вильманstrand – 18; Давыдов – 2 чел.	51, в т.ч. Вильманstrand – 2; Давыдов – 1	60
4-я строевая рота	68, в т.ч. Вильманstrand – 13; Давыдов – 12	70, в т.ч. Вильманstrand – 10; Давыдов – 8	52, в т.ч. Вильманstrand – 3; Давыдов – 5	64

20. После войны было отправлено 25 нижних чинов в Санкт-Петербург для обучения «артиллерийскому делу», в Вильманstrandе находилось 17 инвалидов и мастеровых чел., в Давыдове – 5 инвалидов. Несколько человек были отданы в распоряжение «посланников» Булгакова, Разумовского, Брюса.

Инвалидная рота	118, в т.ч. Вильманstrand – 16; Давыдов – 10	111, в т.ч. Вильманstrand – 16;	108, в т.ч. Вильманstrand – 4; Давыдов – 1	73
Мастеровая рота	100, в т.ч. Вильманstrand – 16; Давыдов – 4	81, в т.ч. Вильманstrand – 13;	71, в т.ч. Вильманstrand – 11;	55
Всего по 2-му пограничному батальону:	480, в т.ч. Вильманstrand – 81; Давыдов – 57; Налицо: 342	470, в т.ч. Вильманstrand – 85; Давыдов – 12; Налицо: 373	384, в т.ч. Вильманstrand – 32; Давыдов – 15; Налицо: 337	376/300 ²¹
ЕГЕРСКОГО КОРПУСА 2-Й ЕГЕРСКИЙ БАТАЛЬОН				
ундер-штаб	28	-	36	26
1-я егерская рота	56	135	126	117
2-я егерская рота	157, в т.ч. на средиземноморской эскадре – 44	155	161	137
3-я егерская рота	156, в т.ч. на средиземноморской эскадре – 39	122	Данные отсутствуют	123
4-я егерская рота	158, в т.ч. на средиземноморской эскадре – 39	116	159	132
5-я егерская рота	108	129	157	Данные отсутствуют
6-я егерская рота	101	114	156	124
Всего по 2-му Егерскому батальону:	864, в т.ч. на флоте – 122; Налицо: 742	771	795	659
Фридрихсгамнская артиллерийская команда	93	129	144	130
Фридрихсгамнская инженерная команда	39	39	58	33
Фридрихсгамская военно-штатная команда	34	34	31	30
Комендантский штат	7	11	8	8
Провиантский штат	3	3	3	3
Команда палубного бота	13	13	13	-

21. Так же, как и в первом батальоне, 45 человек были откомандированы в Петербург для обучения артиллерийскому делу, 23 оставались Вильманstrandе, 1 в Давыдове и несколько человек в распоряжении тех же посланников.

1-го артиллерийского полка 3-я бомбардирская рота	-	214	279	-
Донские казаки полка Леонова	39	43	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют
Чины флота, зимующие во Фридрихсгаме	-	-	626	-
ВСЕГО ПО ГАРНИЗОНУ				
По списку:	2063	2229	2724	1602
Налицо:	1660	2059	2620	1440
Школьники	66	Данные отсутствуют	60	48
Вдовы и дети по военному ведомству	89	60	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют
Купцы, мещане, крестьяне и их семьи	140	124	146 ²²	Данные отсутствуют

При этом следует учитывать, что в таблице не приведены «чины» госпиталя, а также пехотных полков (Нарвского, Невского, Елецкого и др.), которые непосредственно участвовали в боевых операциях в районе Фридрихсгама в 1788–1790 гг. Кроме того известно, что в 1789 г. артиллерия крепости была усилена 3-й бомбардирской ротой 1-го артиллерийского полка в составе 9 офицеров и 274 нижних чинов.²³ Инженерная команда также была увеличена до 52 нижних чинов.²⁴ После победы в Первом Роченсальмском сражении во Фридрихсгаме остались зимовать экипажи 15 канонерских лодок под командованием капитан-лейтенанта А.В. Певцова, общим числом 15 офицеров, 611 нижних чинов²⁵:

При очередной бомбардировке в 1790 г. Фридрихсгам оказался не готов к отражению нападения. Не хватало ткани для пороховых зарядов, ее брали, где только могли, и в срочном порядке поручили женщинам шить узкие мешки под порох. Сказалась и нехватка прислуги. От разрыва собственных орудий погибло 25 человек, а 75 было ранено. Именно этим объясняется отправка в Санкт-Петербург 70 нижних чинов Фридрихсгамских пограничных батальонов для обучения артиллерийскому делу, дабы при необходимости исполнять обязанности орудийной прислуги.

22. В эту цифру включены частично отставные солдаты и вдовы.

23. Rippikirjat. 1784–1798 (I Aa:1). S. 351–354.

24. Ibid. S. 331.

25. Ibid. S. 337–350.

В целом сложно оценить боевые потери гарнизона за три года войны. Но, очевидно, что они составляют несколько сотен человек, не считая потерь в других полках и командах, не относящихся к крепости.

Далее, хорошо известно, что в 1791–1792 гг. в Финляндию был направлен А. В. Суворов. Ему были подчинены Финляндская дивизия, гарнизоны крепостей, порт Роченсальми и Сайменская гребная флотилия. Под руководством А. В. Суворова «на скорую руку» были отремонтированы старые крепости и созданы новые укрепления – Кюменьгород (относится к Котка), Давыдов (Таавети), Ликкола, Озерная (Ярвитайпале), Керн (Кярнякоски). Особое внимание в это время обращалось на состояние Роченсальмской крепости (Котка), где были построены форты «Елизавета», «Екатерина» и «Слава», а также ряд редутов. Крепость Роченсальми могла вмещать десяти тысячный гарнизон. Перестроенная Суворовым крепость Кюменьгород также предполагала размещение крупного гарнизона.

Возникает вопрос, каким образом Россия могла обеспечить новые и старые укрепления вдоль шведской границы новыми гарнизонами?

Очевидно важным, в данном случае, являлось то, что крепости Вильманstrand, Нейшлот и Фридрихсгам были соединены четырьмя каналами, проложенными через узкие перешейки Сайменского озера. Каналы предназначались для небольших гребных судов, типа «йолов», которые были способны перебросить войска на наиболее важные участки обороны границы и даже обеспечить их огневой поддержкой. Первые «йолы» строились по проекту мастера Дуракина и имели на вооружение одно 18-ти или 24-х фунтовое орудие²⁶.

Учитывая то, что Суворов никогда не был фортификатором, то высоко оценивать его заслуги в Финляндии, вероятно, не стоит. Кюменьгородская крепость, которой Суворов восхищался, представляла из себя деревоземляной форт в виде симметричного бастионного укрепления, что уже не соответствовало европейским стандартам, т.е. канонирной системе, и подверглась полной перестройке в начале XIX в.²⁷ Уже через несколько лет, при Павле I, было признано, что укрепления Утти, Керн (Кярнякоски) и Озерное (Ярвитайпале) лишены вся-

26. Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 431.

27. Суворов оценивал проделанную работу следующим образом: «...Давыдов – старое на новый лад. Вильманstrand – приделка. Роченсальми – коза в сравнении буйвола. Прочее и ленивый одолеет» (Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 247).

кого стратегического значения, вследствие чего «в этих укреплениях исправления отставить»²⁸. В указанных укреплениях оставались лишь небольшие гарнизоны. В целом, память о пребывании А. В. Суворова осталась лишь в укреплениях-фортах Роченсальми, будущего Котка, а также каналах.

Вступление на престол Павла I в 1796 г. ознаменовалось и значительными структурными изменениями в армии. Одним из первых своих указов император ввел новые уставы, а также ограничил срок солдатской службы 25 годами. Войска «помолодели», и семидесятилетние ветераны стали редкостью в именных списках рот и команд.

Фридрихсгамские пограничные батальоны были сведены в гарнизонный полк, именуемый по шефу полка²⁹. Первым шефом полка стал полковник (с 16.07.1797 г. генерал-майор) А. М. фон Эк³⁰. Кроме того, в 1796 г. расформируется егерский корпус. Пять рот 2-го батальона отчисляются для 3-го егерского батальона, а с 17 мая 1797 г. обращенного в 3-й егерский полк, также относящийся к Финляндской дивизии³¹. С 31 марта 1801 г. именуется 2-м егерским полком. Полк принимал участие в войне против Франции 1806 г., позднее возвращен в Финляндию в составе 21-й пехотной дивизии, участвовал в русско-шведской войне 1808–1809 гг. В период войны 1812 г. и последующих кампаний полк также участвовал в боевых действиях, оставив запасной батальон во Фридрихсгамне. В 1817 г. полк вернулся в Финляндию, был расквартирован на Аландских островах, к полку присоединился и запасной батальон. В конечном итоге полу был в 1833 г. расформирован. Его батальоны были тогда присоединены к Копорскому пехотному полку³².

В 1796 г. следует некоторые изменения в военных штатных командах. Общее число нижних чинов составило 33 с прежними окладами

28. Указ от 31 мая 1799 г. Столетие Военного министерства. Главное инженерное управление: Ч. 1. Очерк 2: Результаты деятельности инженерного управления. Строительство и инженерные войска. СПб., 1902. С. 333

29. ПСЗ РИ. Т. 24. № 17720. С. 270.

30. Далее полк именовался: с 08.10.1797 г. – полк генерал-майора Ф. А. Бема, с 06.05.1798 г. – полк генерал-майора (с 22.09.1799 генерал-лейтенанта) А. А. Беклешова 2-го, с 25.07.1799 г. – полк генерал-майора (с 04.03.1800 генерал-лейтенанта) барона Л. Ф. Мальтица, с 04.03.1800 г. Фридрихсгамский полк был соединен с Выборгским полком и именовался полком генерала-от-инфантерии барона К. Р. Врангеля, с 08.03.1800 г. – полк генерал-лейтенанта князя А. И. Горчакова 1-го, с 18.08.1800 г. – полк генерал-лейтенанта П. К. Эссена 3-го (См.: *Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825)*. Справочное пособие. (электронная версия) <http://www.museum.ru/1812/library/podmazo/shefcom> f.html#Fridrixsgamski_garn_p/ на период 09.I.1797 – 04.III.1800 и 04.III.1800 – 03.VII.1801/).

31. ПСЗ РИ. Т. 24. № 17591 от 29 ноября 1796 г. С. 212.

32. Там же. Выпуск 2. Т. 8. № 5943 от 28 января 1833 г. С. 55.

жалования, число рядовых увеличилось до 28-ми, при этом один капрал и восемь рядовых должны были быть конными³³. Однако, в 1800 г. было определено нецелесообразным содержать в штатных воинских командах лошадей. Каждая лошадь стоила казне 40 руб., срок ее службы составлял 7 лет, кроме того на лошадь полагалось в год: овса 14.8 четверика по цене 70 коп. за четверик³⁴, сена – 118 пудов, по цене 6 коп. за пуд³⁵.

Далее, в 1798 г. учреждается Императорский военно-сиротский дом. Все бывшие гарнизонные школы переименовываются в военно-сиротские отделения, рассчитанные на 50 школьников, которых с этого времени стали именовать кантонистами³⁶. К обучению «баранщичей науке и игре на флейте» предполагалось «употреблять барабанщиков и флейтчиков того полка, при котором сиротское отделение в свободное от службы время»³⁷.

С 3 июля 1801 г. «все гарнизонные полки и батальоны, до того именовавшиеся по Шефам, названы, по-прежнему, по местам их расположения», при этом «Эссена 3-го полка, два батальона, в Выборге – Выборгским Гарнизонным полком», а два батальона того же полка в Фридрихсгаме – «Фридрихсгамским Гарнизонным полком на полевом содержании»³⁸.

Определялся штат одного гарнизонного батальона на полевом содержании: одна гренадерская и пять мушкетерских рот, общим числом 1007 чел. По состоянию на 3 июля 1801 г. во Фридрихсгамне располагались помимо гарнизонного полка – Великолуцкого мушкетерского полка штаб и три мушкетерские роты, а также Невского мушкетерского полка штаб и три мушкетерских роты, общим числом около 940 чинов³⁹.

Определением Инженерного департамента за декабрь 1802 г. были пересмотрены и утверждены имеющиеся в Финляндии крепости:

33. Там же. Выпуск 1. Т. 44. Ч. 2. № 17494 С. 258.

34. Сыпучая мера равная 26.24 л.

35. ПСЗ РИ. Выпуск 1. Т. 26. № 19281. 18 февраля 1800 г. С. 38.36. Присмотр за ними осуществляют: обер-офицер из отставных или инвалидов (жалование 200 руб.), учитель грамоты /во Фридрихсгаме – унтер-офицер/ (жалование 60 руб.), учитель арифметики (жалование 120 руб.), два отставных нижних чина /сапожник и портной/ (жалование 36 руб.), сторож из отставных нижних чинов «для отопления и содержания помещений в чистоте» (жалование 18 руб.), женщина «для приготовления пищи и мытья» (жалование 20 руб.).

37. ПСЗ РИ. Выпуск 1. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1 № 18793 от 13 декабря 1798 г. С. 60-62.

38. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Часть десятая. СПб., 1900. С. 105.

39. Столетие военного министерства. Главный штаб. Исторический очерк. Организация, расквартирование и передвижение войск. Выпуск 1 (период 1801-1805 гг.). Приложения. №1. С. 1-2.

Нейшлот, Вильманстранд «с восьмью отделенными укреплениями», Роченсальмский порт со своими укреплениями, Фридрихсгамн «с редутом на Сукенгольмском острове», Выборг и Кексгольм. Для содержания и необходимых работ полагалось «наряжать по назначению Инженерной экспедиции из квартирующих армейских и гарнизонных полков и батальонов из солдат, мастеровых и рабочего люда», с оплатой нижним чинам зимой от 10 до 15 коп. в день, летом от 15 до 20 коп. в зависимости от степени мастерства⁴⁰.

В 1803 г. на усиление крепости выделено 194 851 руб. 54 $\frac{1}{4}$ коп. на три ближайших года – для постройки укреплений (двух казематированных полигонов) в направлении Бамбельского озера (Киркоярви). В 1807 г. был подведен итог выполненных работ: «Вокруг всей крепости старый палисад выправлен, вместо подгнившего поставлен новый. Брустверы, валганги и гласисы, где требовались поправки, исправлены. При строящихся к озеру Бамбелу двух казематированных полигонов, за неотделкой оных, выстроены две временные батареи. На островах Сукенгольм и Чяргольм (Tjärholmen) старые укрепления возобновлены со всеми воинскими строениями»⁴¹.

В помощь инженерным командам «для употребления в фортификационные работы» были привлечены «преступники» (или их еще именовали «невольниками»). Впервые мы встречаем именной список «невольников» в 1800 г. при инженерной команде штабс-капитана Егора Дементьева. Тогда их было 39 человек⁴², но затем их численность стала расти. В 1801 г. число «невольников» было увеличено до 149 чел., затем в 1802 г. упало до 75 чел., а в 1803 г. дошла до 257 чел.⁴³ Причем «невольниками» называли осужденных за разного рода преступления и приговоренных к крепостным работам. Им выдавалась одежда, провиант и производилась оплата труда – 3 коп. в день летом, 2 коп. зимой⁴⁴. В царствование Павла I дважды катего-

40. Там же. Главное инженерное управление: Ч. 1. Очерк 2. С. 320-326. В 1800-1803 гг. при Фридрихсгамской крепости состояла инженерная команда в составе: 1800 г.: 2 офицера, 21 нижний чин, 1801 г.: 2 офицера, 16 нижних чинов, 1802 г.: 3 офицера, 21 нижний чин, 1803 г.: 1 генерал, 4 офицера, 19 нижних чинов (Rippikirjat. 1799-1805 / I Aa:2/. S. 146, 248, 298, 372-373).

41. Определение Инженерной экспедиции от 21 декабря 1807 г. Столетие Военного министерства. Главное инженерное управление: Ч. 1. Очерк 2. Приложение. С. 178.

42. Rippikirjat. 1799-1805 (I Aa:2). S. 146-148.

43. Ibid. S. 249-251, 327-328. Столетие Военного министерства. Ч. 1. Очерк 2. Приложение. С. 189. В сводной ведомости за 1801 г. указано 119 невольников (Rippikirjat. 1799-1805 / I Aa:2/. S. 274). Возможно, часть их куда-то перевели в течение года.

44. Полное собрание законов Российской Империи. Выпуск 1. Т. 11. № 8063 от 14 апреля 1740 г. С. 78-70. За «ломку камня», например, платили «10 алтын (30 коп.) за сажень». (Там же. Т. 20. № 14260 от 2 марта 1775 г. С. 64).

рически запрещалось использовать состоящих при инженерных командах «невольников» на какие-либо иные работы, кроме крепостных. При этом дозволялось для «содержания чистоты» в крепостном гарнизоне выделять одного «невольника» на роту с оплатой за счет комиссариата (т.е. полковой, батальонной казны), а не из «сумм, отпускаемых на содержание крепостей»⁴⁵.

Труд «невольников» был, безусловно, дешев и широко применялся на крепостных работах. Но были и отрицательные стороны. Во-первых, невольники работали «бок о бок» с обычными мастеровыми инженерных команд и нижними чинами гарнизона, по-прежнему принимавшими участие в крепостных работах, что не сказывалось положительным образом на воинской дисциплине. Во-вторых, невольникам требовалось выделять конвойные команды и караулы, что вынуждало посылать для этого дополнительное количество солдат⁴⁶.

Для сокращения числа «невольников» было принято решение о привлечении т.н. «милиционных ратников», т.е. людей, взятых из общего рекрутского набора, которые оказались негодны ни к какой иной службе. Их стали называть «военными рабочими». Они делились на артели по 25 чел., на каждые 4 артели полагался «надежный унтер-офицер». Оплату им производили от 6 до 14 коп. в день в зависимости от квалификации⁴⁷.

В 1806–1811 гг. в Фридрихсгаме нам встречаются упоминания и о 1-м пионерном полку. Действительно, неподалеку, на укреплениях Кюменьгородской крепости трудились солдаты пионерной роты капитана Краснопольского, с 1810 г. капитана Латынина и саперной роты капитана Яковлева 1-го. Позднее их перебросили в Свеаборг и Гангут⁴⁸.

В связи с начавшей в 1808 г. русско-шведской войной и взятием Свеаборга, от Фридрихсгамского полка был отделен один батальон для формирования Свеаборгского крепостного полка⁴⁹, впоследствии ставшего Литовским пехотным полком⁵⁰. Оставшийся от полка батальон именовался Фридрихсгамский гарнизонным батальоном. 6 мая 1809 г. последовал указ Финляндскому военному губернатору

45. Там же. Т. 25. № 19021 от июля 1799 г. С. 692. № 19103 от августа 1799 г. С. 778.

46. Например, привлечение к конвойной службе казаков было вовсе невыгодно казне, им необходимо было платить по 3 коп. в день (См.: Столетие Военного министерства. Т. 12. Ч. 3: Военно-тюремные учреждения. СПб., 1911. С. 189).

47. ПСЗ РИ. Выпуск 1. Т. 29. № 22696 от 25 ноября 1807 г. С. 1329.

48. Столетие Военного министерства. Ч. 1. Очерк 2. С. 622-626.

49. ПСЗ РИ. Выпуск 1. Т. 30. № 23924. От 22 октября 1809 г. С. 1227.

50. Там же. Т. 31. № 24526 от 22 февраля 1811. С. 555-556.

о сформировании трех инвалидных рот в Старой Финляндии – в Выборге, Кексгольме и Фридрихсгаме за счет гарнизонных батальонов. Фридрихсгамской инвалидной роте предписывалось разместиться на батареях собственно Фридрихсгамна, а также в Абборфорсе, Давыдовском ретрашементе (Таавети), Лиикала, Утти, Озерном (Ярвитайпале), Кярнякоски и Партакоски (Савитайпале)⁵¹. В императорском указе не говорится о предполагаем штате инвалидных рот. Однако, согласно штатам 1764 г.⁵² гарнизонный батальон имел инвалидную роту, состоявшую из 122 нижних чинов. Инвалидная рота просуществовала недолго и была расформирована в 1811 г. вместе со всем батальоном – три роты поступили в Воронежский пехотный полк, четвертая рота переведена в Орловскую губернию и вместе с губернской ротой образовала Орловский внутренний гарнизонный полубатальон. На случай продолжения войны этим же указом определялось создать сводные гренадерские батальоны от каждой из дивизий. Во Фридрихсгам назначается батальон от 25-й дивизии⁵³. Тем не менее, в реальности, функции гарнизона на время войны с Францией 1812–1815 гг. исполняли чины запасного батальона 2-го егерского полка. По окончании боевых действий Фридрихсгам становится обычным уездным городом, числившимся крепостью 2-го класса до 15 июля 1835 г.

Помимо только что упомянутой инвалидной роты и в связи с введением в 1811 г. положения об инвалидных ротах и командах⁵⁴, Фридрихсгамская военная штатная команда преобразуется в уездную гарнизонную инвалидную команду со штатом: 1 обер-офицер, 5 унтер-офицеров и 40 рядовых нижних чинов.

Наконец, 24 июля 1816 г. последовало Высочайшее указание «всех невольников именовать арестантами»⁵⁵. Через два года были утверждены штаты первых 36 военно-рабочих рот из двух офицеров – капитана и подпоручика и 112 нижних чинов⁵⁶.

При комплектовании военно-рабочих рот дозволялось привлекать крепостных арестантов «благонадежных в поведении и не суть еще старых лет». В офицеры поступали «преимущественно из беспорочно выслуживших лета фельдфебелей и унтер-офицеров 1-го класса». Военно-рабочие роты находились в распоряжение коман-

диров инженерных команд в соответствии с классом крепости, где они находились, и собственно класса названных команд: 1-го класса – 1 рота, 2-го класса – ½ роты и т.д. по усмотрению инженерных начальников. Фридрихсгам числился крепостью 2-го класса, вместе с инженерной командой в ней находилась вторая полурота военно-рабочей 6-й роты.

В 1816 г. отмечается «неплохое состояние крепости, немалое число каменных зданий» и выгодное стратегическое положение «для учреждения заднего депо». Описаны и недостатки – «ветхи каменные одежды из дикого камня на мху. Пять полигонов должны быть переделаны». Резолюция императора: «Продолжить содержать»⁵⁷.

Что касается самих артиллеристов, то 8 ноября 1809 г. из артиллерийских гарнизонов по бывшей границе со Швецией, сведенных в роты, был образован Старо-Финляндский округ артиллерии. Во Фридрихсгаме размещена артиллерийская гарнизонная 10 рота. С 20 февраля 1820 г. была образована еще артиллерийская гарнизонная 12 рота, а с 4 сентября 1826 г. 4-я рота 4-й гарнизонной артиллерийской бригады, которая состояла из прежних 12–18 рот, преобразованных в 1–4. При этом штатная численность каждой роты осталась неизменной – 208 чел.⁵⁸, что фактически оставило без изменений штаты 1765 г. По состоянию на 1824 г. крепостная артиллерия состояла из 199 чинов, включая 3-х офицеров⁵⁹.

Помимо крепостной артиллерии была придана 1-я батарейная рота 23-й артиллерийской бригады в составе 6 офицеров и военных чиновников, 316 нижних чинов. К 1-й батарейной роте были прикомандированы: от легкой № 2 роты 11 нижних чинов, от легкой 3-й роты – 10 нижних чинов. Всего: 343 чина⁶⁰. Таким образом, общее число артиллеристов составляло 542 чел., т.е. значительную часть гарнизона из 808 чинов (67%). Учитывая наличие около 300 различных пушек артиллеристов явно не хватало.

57. Определение Инженерной экспедиции от 25 января 1816 г. Столетие Военного министерства. Ч. 1. Очерк 2. Приложение LXVI. С. 199. В 1818 г. было дано полное описание крепости. В нем числилось: артиллерии – 256 пушек, 31 мортира, 9 единорогов; хранилища пороха вмещало 10 000 пудов; казармы были рассчитаны на 2100 нижних чинов; провиантский магазин – на 47800 четвертей; квартиры для офицеров – 53; комендантский дом – 1; полковой амуничник – 1; караулен и гауптвахт – 7; невольничий острог – 1; артиллерийских цейхгаузов – 3; инженерный цейхгауз – 1 (Определение от 16 февраля 1818 г. Там же. Приложение LXVIII. С. 202-205).

58. 4-я Артиллерийская бригада (на полевом положении) состояла из прежних рот №12-18, преобразованных в №1-4, при этом рота №16 и полурота №17 были упразднены. Высочайший указ от 4 сентября 1826 г. См.: ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 1. № 574. С. 927.

59. Rippikirjat 1811-1836. S. 524-529.

60. Ibid. S. 518-524.

51. Там же. Т. 30. № 23629 от 6 мая 1809 г. С. 952. Там же. № 23804 от 23 августа 1809 г. С. 1106.

52. Там же. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. № 12135 С. 132-134.

53. Там же. Т. 31. № 24505 от 17 января 1811 г. С. 537-539.

54. Там же. № 24568. С. 593.

55. Там же. Т. 33. № 26371 от 24 июля 1816 г. С. 958.

56. Там же. Т. 43. Ч. 2. № 27491 от 21 августа 1818 г. С. 323.

Во Фридрихсгамне также продолжало функционировать военно-сиротское отделение. По состоянию на 1817 г. за отделением числилось 368 кантонистов, в течение года прибыло 49, убыло на службу или по иным причинам 44 чел., умерло 8 чел. В самом отделении состояло на 1 января 1818 г. 143 чел.⁶¹, причем 222 чел. Еще находилось у родственников и 15 в госпитале. Всего: 365 кантонистов⁶². Напомним, что любой младенец мужского пола, имеющий хоть какое-либо отношение к военному ведомству, (законнорожденный, незаконнорожденный, подкидыш и т.п.), сразу же считался кантонистом. При отделении было 5 учителей и 9 «блюдителей» и сторожей.

В 1824 г. последовало изменение в содержании военных кантонистов. На каждые 50 воспитанников полагался один фельдфебель и один унтер-офицер из «неспособных, но заслуженных», которым производить помимо провианта и жалование, равное жалованию учителя в унтер-офицерских чинах (т.е. 60 руб.). Учитель, находящийся в унтер-офицерском чине беспорочно и усердно выслуживший 8 лет, получал двойное жалование, на котором состоял по окончании 8-летнего срока, т.е. 120 руб. Еще через 8 лет при условии «хорошего поведения, способностях и усердии», этого унтер-офицера можно было производить в 14-й класс. Из 50 кантонистов назначать двух (или менее по усмотрению начальства) помощников по их способностям к наукам возрастом не менее 15 лет. По достижению ими 18 лет при условии, что все это время они будут себя хорошо вести, выучат военные экзерции, Устав и Артикулы, а также преуспеют в науках, производить их в унтер-офицеры и представлять к замещению учительских вакансий в любом из военно-сиротских отделений⁶³. В том же 1824 г. мы встречаем последнее упоминание о воспитанниках Фридрихсгамского военно-сиротского отделения – 6 учителей (из унтер-офицеров), 7 рядовых служителей и 112 воспитанников в возрасте от 10 до 17 лет⁶⁴. Затем последовал ряд Высочайших указов, преобразование гарнизонных отделений в роты, полубатальоны, ба-

тальоны и т.д., куда и распределили воспитанников Фридрихсгамского военно-сиротского отделения⁶⁵.

В 1816 г. был уточнен штат Фридрихсгамского госпиталя и сам госпиталь причислен ко II-му классу, т.е. с уменьшением количества больных с 500 до 250–300.

По новому штату было положено иметь: смотритель госпиталя, 4 лекаря, 1 аптекарь, 9 медицинских чинов унтер-офицерского звания, 4 писаря, и инвалидная полурота из 2-х офицеров и 81 нижних чинов-инвалидов⁶⁶. Инвалиды исполняли различные обязанности: лазаретные и палатные служители – 37 нижних чинов, мастеровые – 8 (в т.ч. два могильщика), «при разных должностях» – в конторе, аптеке, кухне, пекарне, бане, конюшне, приемном покое – 17 и т.д.

В 1819 г. статус Фридрихсгамского военного госпиталя был понижен до 1-го класса⁶⁷. Это означало уменьшение инвалидной команды до одной треть роты – подпоручик, прапорщик, 4 унтер-офицера (2 старших, 2 младших) и 45 нижних чинов. Понижался чин смотрителя госпиталя до штабс-капитана или поручика или военного чиновника 10-12 классов. Сокращался один младший писарь. Медицинский персонал также сокращался: один главный лекарь, два лекаря, два старших фельдшера, два младших фельдшера, один аптекарский гезель, один аптекарский ученик⁶⁸.

9 мая 1819 г. указом императора Александра I бывший топографический корпус, располагавшийся ранее в Хаппаниеми, получил наименование Финляндский кадетский корпус. В этом же году корпус перемещен во Фридрихсгам⁶⁹. Согласно именным спискам за 1820 г. из нижних чинов при корпусе состоят: два писаря, один унтер-офицер и десять сторожей⁷⁰. В 1821 г. – два писаря, один фельдшер, три унтер-офицера, 41 рядовой, 2 барабанщика и 12 денщиков – всего 61 нижний чин. Такое же количество с некоторыми изменениями указано и в штатах кадетского корпуса, утвержденных 29 июля 1830 г.⁷¹ 23 октября 1838 г. в штат корпуса добавлено два горниста⁷², с жалованием по штату нижних чинов Пажеского, 1-го и 2-го кадетских корпусов, т.е. 24 руб.

61. Согласно исповедальной росписи за 1817 г. числятся 160 воспитанников от 7 до 18 лет, в т.ч. 6 учительских помощников. Rippikirjat 1811-1836. S. 281-284.

62. По состоянию на 1818 г. числилось 365 кантонистов, прибыло 79, а убыло в течение года 64 чел, умерло же – 18 чел. На 1 января 1819 г. уже числилось 362 чел., из них в наличии было 138 чел., причем больных было зафиксировано 7 чел., а на воспитании состояло 217 чел. (См.: Столетие Военного министерства. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. Комплектование войск в царствование Императора Александра I. С. 72).

63. ПСЗ РИ Выпуск 1. Т.39. № 29951 от 16 июня 1824 г. С. 375-376.

64. Rippikirjat 1811-1836. Л. 534-536, 544.

65. ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 1. № 720 от 2 декабря 1827 г. С. 1266-1268.

66. Там же. Выпуск 1. Т. 43. Ч. 2. № 26219 от 31 марта 1816 г. С. 34-38; Там же. Выпуск 1. Т. 33. № 26399 от 7 августа 1816 г. С. 990-991.

67. Там же. Т. 36. № 27931 от 21 сентября 1819 г. С. 346.

68. Там же. Т. 33. № 26399 от 7 августа 1816 г. С. 990-991.

69. Столетие Военного министерства. 1802-1902. Ч. 1. С. 97.

70. Rippikirjat. 1811-1836. S. 371.

71. ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 5. Ч. 1. Штаты и табели. № 3825 от 29 июля 1830 г. С. 287.

72. Там же. Т. 13. Ч. 2. № 11665 С. 239; Т. 5. Ч. 2. № 4017 от 21 октября 1830 г. С. 8.

Начиная с 1811 г. во Фридрихсгамне не было уже постоянно размещенных пехотных частей. К гарнизону временно прикомандировывались отдельные роты пехотных полков, позднее, Финляндских линейных батальонов – Выборгских (1) и из Ловисы (2, 3), а также из Свеаборга (5). Инвалидная рота в 1835 г. перемещена в Тавастгус, с подчинением Финляндскому линейному 1-му батальону.

С 1835 г. крепость исключается из штата, «оставляя в настоящем положении крепостные валы, которые по распоряжению инженерного начальства сдать в городское ведение». Комендантское управление крепости упраздняется. При крепостных орудиях остаются 1 обер-офицер, 1 унтер-цейхвартер, 1 цейхшрейбер, 4 фейерверкера и 50 рядовых, причисленных ко 2-й полуроте Выборгского артиллерийского гарнизона. Остальных артиллеристов перевели в Выборг. По инженерной части оставлена во Фридрихсгаме инженерная команда 4-го класса «для присмотра за казенными зданиями»⁷³, а вторая половина военно-рабочей 6-й роты переведена в Выборг⁷⁴.

В период Восточной войны 1853–1856 гг. лишь один раз Фридрихсгам подвергся нападению английского флота. 9 (21) июля 1855 г. к городу приблизился отряд английских кораблей, состоявший из фрегата, парохода, корвета и канонерской лодки. Выстроившись в линию, англичане начали обстрел города, но прежде всего возведенные батареи на острове Чяргольме (Tjärholmen). Противник был встречен сильным артиллерийским и штуцерным огнем. Одно судно англичан получило повреждения и весь отряд предпочел отступить⁷⁵.

В годы войны гарнизон крепости заметно усилился. При крепостных орудиях увеличился состав Фридрихсгамской артиллерийской команды: 2 офицера и 135 нижних чинов. Дополнительно размещена легкая 2-я батарея 1-й резервной гренадерской артиллерийской бригады в составе 3-х офицеров и 175 нижних чинов. Здесь же находятся четыре роты Финляндского линейного 6-го батальона (составленного из бывший 3-го батальона⁷⁶, квартировавший в Ловизе)⁷⁷. Всего по Финляндскому линейному 6-му батальону числилось

73. Инженерная команда 1-го класса имела одну военно-рабочую роту, 2-го класса – полроты, 3-го класса – треть роты, 4-го – четверть роты.

74. ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 10. Ч. 1. № 8313 от 15 июля 1835 г. С. 815.

75. Бородкин М. М. Война на Финском побережье 1854–1855 гг. СПб. 1904. С. 273–275.

76. Расписание 22-й пехотной дивизии на 17 октября 1854 г. Из батальона № 3 образованы батальоны № 5 и № 6. См.: Полное собрание законов Российской Империи. Выпуск 2. № 28637.

77. 1-я рота – 3 офицера и 192 нижних чина; 2-я рота – 1 офицер и 215 нижних чинов;

7 офицеров и 786 нижних чинов. Кроме того дополнительно были введены три роты 1-го Резервного стрелкового батальона⁷⁸. В городе также был развернут военно-временный госпиталь со штатом в 101 чин⁷⁹.

По окончании войны большинство войск город покинуло. В гарнизоне остается лишь Финляндский кадетский корпус и рота его обслуживания (73 чина), а также команда Финляндского линейного 6-го батальона (26 чинов)⁸⁰. В целом из таблицы № 3 хорошо заметна динамика изменения численности гарнизона в течение войны.

1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.	1857 г.
310 чинов	1111 чинов	2080 чинов	900 чинов	502 чина

В 1858 г. в город возвращена обратно инвалидная команда в составе обер-офицера, 8-ми унтер-офицеров и 83 рядовых нижних чинов, с разделением на «неспособных 1-го разряда» (49 нижних чинов) и «неспособных 2-го разряда» (43 нижних чина, включая денщика). Первые имели строевой состав, вооружение и несли караульную и этапную службу, нижние чины второй категории использовались для служительских и прочих нестроевых должностей. Фридрихсгамская инвалидная команда выделяла из числа строевых нижних чинов в Кюменьгород двух унтер-офицеров и 15 рядовых⁸¹. В 1862 г. переименована в Фридрихсгамскую команду внутренней стражи, а с 1864 г. именовалась Фридрихсгамской местной командой⁸². В 1873 г. упразднена, нижние чины причислены к управлению плацмайора Фридрихсгамна.

В результате на долгие годы Фридрихсгамн уже четко остается тыловой базой, а также учебным центром для будущих офицеров-финляндцев и «воротами» в Финляндию, поскольку именно через этот город регулярно проходили войска.

3-я рота – 2 офицера и 177 нижних чинов; 4-я рота – 1 офицер и 202 нижних чина (Rippikirjat. 1851–1855 (I Aa:8). S. 125–145)

78. 1-я рота – 12 унтер-офицеров, 107 стрелков, 8 нестроевых; 2-я рота – 1 офицер, 11 унтер-офицеров, 112 стрелков; 3 рота – 9 унтер-офицеров, 141 стрелков; 4 рота 2-го Резервного стрелкового батальона: 1 офицер, 13 унтер-офицеров, 128 стрелков (См.: Ibid. /I Aa:9/. S. 2–50).

79. Ibidem.

80. Кроме того там еще размещается несколько инвалидных команд: Кексгольмская – 69 чинов, Выборгская – 22 чина и прочие небольшие команды: Кронштадтская инженерная команда по морской строительной части (4 чина), военно-рабочая 4-я рота (16 чинов), Донского казачьего 63-го полка (8 казаков) и пр.

81. ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 33. Ч. 1. № 32653 от 9 января 1858 г. С. 16–17, Т. 33. Ч. 3. С. 7

82. Там же Т. 37. Ч. 1. № 38303 от 20.05.1862 г. С. 464–465. Т. 39. Ч. 1 № 41166 от 6.08.1864 г. С. 784.

Бородкин М. М. Война 1854-1855 гг. на Финском побережье. Исторический очерк. СПб.: Государственная типография, 1904. 406 с.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб.: Государственная типография, 1912. 446 с.

Бородкин М. М. История Финляндии: Время Императора Александра I. СПб.: Государственная типография, 1909. 635 с.

Бородкин М. М. История Финляндии: Время Императора Николая I. СПб.: Государственная типография, 1915. 716 с.

Брикнер А. Война России со Швецией в 1788-1790 гг. СПб.: Печатня В. Головина, 1869. 299 с.

Вакар Я. Я. Хроника рот крепостной и осадной артиллерии. СПб.: Издание Главного Артиллерийского Управления, 1908. 167 с.

Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 244-256.

Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: Типография Морского министерства, 1872. XXX, 716 с.

Столетие Военного министерства. 1802-1902. Главный штаб. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. Комплектование войск в царствование Императора Александра I. Ист. очерк. СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1902. 211 с.

Столетие Военного министерства. 1802-1902. Ист. Очерк. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. Организация, расквартирование и передвижение войск. Вып. 1: (Период 1801-1805 гг.). СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1902. 524 с.

Столетие Военного министерства. 1802-1902. Главное инженерное управление. Ч. 1. [Царствование Императора Александра I]. Очерк 2. [Результаты деятельности инженерного управления. Строительство и инженерные войска]. Ист. очерк. СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1902. 787 с.

Столетие Военного министерства. 1802-1902. Т. 12. Ч. 3: Военно-тюремные учреждения СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1911. 583 с.

Столетие Военного министерства. 1802-1902. Ч. 1. Главное интендантское управление: Введение и царствование Императора Александра I. Ист. очерк. СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1903. 516 с.

Столетие Военного министерства. 1802-1902. Главное управление военно-учебных заведений. Ч. 1. Ист. очерк. СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1902. 152 с.

Столетие Военного министерства. 1802-1902. Ч. 1. Главное Военно-медицинское управление. Исторический очерк СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1902. 306 с.

Шпилевская Н. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб.: Типография Я. Трея, 1859. 275 с.

Postnikov A.V. Contact and conflict: Russian mapping of Finland and the development of Russian cartography in the 18th and early 19th centuries. // FENNIA. 171:2. Geographical Society of Finland. Helsinki, 1993. S. 99-135.

Метрические книги православных церквей старой Финляндии середины XVIII века как исторический источник

Старая Финляндия – это географическое понятие, обозначавшее территорию Выборгской губернии и части Карелии, присоединенную после Ништадтского мира 1721 г. Изучение метрических книг этого региона предполагается автором для исследования населения данной территории в середине XVIII в.

Метрические книги законодательно были введены 14 апреля 1702 г. Петром I¹. Священники обязывались составлять недельные ведомости «о родившихся и умерших» и отправлять их в Патриарший духовный приказ. Некоторые исследователи уверены, что такие ведомости составлялись на основе данных метрических книг. В указе 1702 г. не ставился вопрос о форме записи, требовались лишь статистические сведения.² Повсеместное ведение метрических книг в России началось только в 1722 г. по указу Петра I на основании «Прибавлений к Духовному регламенту»³. Это нововведение было закреплено указом от 20 февраля 1724 г.⁴ Отметим, что части метрических книг некоторых территорий Старой Финляндии (в частности, Кексгольмского уезда) существуют с 1722 г., но систематическое их введение началось только с 1735 г.⁵ Поэтому, любопытно подвергнуть анализу метрические книги именно начального периода их существования (середина XVIII в.) на указанной территории.

Сами метрические книги велись церковнослужителями в двух экземплярах⁶. Первый отправлялся в духовную консисторию, а второй – оставался в приходской церкви. Хронологические рамки заполнения книг зависели от частоты случаев рождения, венчания и смертей в приходе, а также общего числа прихожан. Введение метрических книг в Российской империи предписывало священникам записывать всех приходских людей, которые являлись в церковь⁷. Правда,

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. IV. № 1908. СПб., 1830.

2. Косых Е. А., Чеснокова Е. В. Метрические книги в системе русской культурологической парадигмы // Культура и текст. 2011. № 12. С. 467-472.

3. Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII – начала XX века. М., 2006. 384 с.

4. ПСЗ. Собр. 1. Т. VII. № 4480. СПб., 1830.

5. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 617. Л. 1.

6. Белькова А. Е. Анализ жанровой структуры и формуляра метрических книг // Вестник ВСГУТУ. 2015. № 4. С. 118-124.

7. Спичак А. В. Эволюция оформления метрических книг в Тобольской епархии в XVIII

информация в метрических книгах не всегда была достоверной. Даже сами священнослужители отмечали факты многочисленных ошибок⁸. Исследователь А. Б. Бушен выполнил критический анализ метрических книг, на основе которого утверждал, что они никогда не имели значения статистических источников, а были частью делопроизводства⁹. Однако задача изучения и использования метрических книг как учетных материалов была впервые выдвинута В. М. Кабузаном¹⁰.

Метрические книги Выборгской губернии и части Карелии, также как и в других губерниях России, делились на три части: «О рождающихся», «О бракосочетавшихся» и «Об умирающих». Более того, каждая метрическая книга делилась ещё на три части, в связи с календарным годом: с января до 1 мая, с мая до 1 сентября, и с сентября до 1 января следующего года. Однако некоторые церкви имели лишь одну метрическую книгу, в которую записывали прихожан круглогодично.

Метрические книги православных церквей Старой Финляндии находятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) в фонде Петроградской духовной консистории (Ф. 19). Автором выбраны для изучения движения и состава населения в середине XVIII в. метрические книги за 1745 и 1750 гг. следующих церквей: Выборга (Рождественская соборная, Сретенская уездная), Кексгольма (Рождественская соборная), финляндские уездные (на территории Карелии: Тивральская, Сердобольская, Шустамская, Шуезерская).

Указ 1724 г. установил формуляр метрической книги, который представлял собой таблицу, куда записывали сначала название части («Часть 1. О рождающихся»), а затем другие графы: «порядковый номер», «число рождения», «у кого родился», «число крещения», «кто восприемники»¹¹. Так, в метрической книге Соборной Рождественской церкви Выборга за 1745 г. записано: «2 января Выборгского полку поручика Афанасия Воробьева дочь Домнина Молитова, а у неё

священник – Григорий Григорьев». Крестили девочку 3-го числа, восприемниками были поручик Василий Гороткин и жена подполковника Бориса Гороткина Параскева Иевлева¹².

В части «О бракосочетавшихся» требовалось вносить «номер записи», «кто венчаны», «число», «кто поручители (подписались)». Например: «Выборгского собора пономарь Масонов на дочери капрала Емельяна Попова девице Агриппине 1-ым браком, а подписались: собора дьячок Михаил Иванов и отец невесты – Емельян Попов»¹³.

Третья часть «Об умирающих» включала графы: «порядковый номер», «число», «кто умерли», «у кого и когда исповеданы», «где погребены». К примеру, «5 января умер Степан Фёдоров (29 числа был на исповеди) в полковом госпитале», – сообщает протопоп М. Лаврентьев¹⁴. В отличие от метрических книг иных губерний Российской империи, на территории Выборгской губернии не был прописан «пол» и «какою болезнью» умер человек.

Благодаря сведениям метрических книг, можно определить количественный и половой состав населения Старой Финляндии. Именно этот вид исторических источников позволяет ответить на многие вопросы исследователей. Ниже приведены сведения по каждой православной церкви Старой Финляндии.

Среди храмов указанной территории выделяется Выборгская соборная церковь Рождества Христова. Среди ее прихожан значатся военные чины Выборгского и Кюменегорского полков. Большинство детей родились у служилых чинов: солдат, гренадеров, капралов, сержантов, подпоручиков, барабанщиков. Однако зафиксирована рождаемость у петербургских купцов и местных жителей Выборга (кузнецов, обывателей, писарей, крестьян)¹⁵. Интересно, что в 1-ю часть метрической книги помещали людей, которые меняли своё вероисповедание. Например, «Кексгольского уезда Сердобольского погоста вотчины Александро-Невского монастыря бобыль лютеранского вероисповедания, при крещении имя наречено Георгий. Крестил протопоп М. Лаврентьев»¹⁶.

По данным метрической книги 1745 г. при этой церкви были записаны 22 новые супружеские пары, в основном это были солдатские браки. В 1750 г. количество таких браков увеличилось до 26¹⁷.

– начале XX веков // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 54-53; Разумов С. А. Эволюция формуляра метрических книг в XVIII – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 1. С. 7-11.

8. Мионов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб., 2014. 896 с.; Соловьев И. П. Учебник по практическому руководству для пастырей. СПб., 1914. 255 с. 9. Бушен А. Б. Об устройстве источников статистики населения в России. СПб., 1864. 122 с. 10. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1963. 230 с.

11. Белькова А. Е. Структура и лексическое наполнение формуляра метрических книг // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 138-142; Пашинин А. В. Метрические книги как источник составления родословных // Власть. 2012. № 11. С. 198-201.

12. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 621. Л. 199.

13. Там же.

14. Там же. Л. 200 об.

15. Там же. Л. 203; Д. 626. Л. 166 об.

16. Там же. Д. 621. Л. 211 об.; 213.

17. Там же. Д. 626. Л. 168.

Были заключены межконфессиональные браки: «Выборгской артиллерии капрал женился на финской нации лютеранского закона выборгского жителя крестьянина девице первым браком»¹⁸. Исследователь А. Г. Шкваров ставит закономерный вопрос, «насколько распространены были браки между русскими солдатами и ”финляндскими уроженками”»¹⁹. По изученным метрическим книгам Старой Финляндии середины XVIII в. можно видеть, что подобных межконфессиональных браков было совсем немного. Тогда действовал указ Петра I (1721 г.), определявший, что при вступлении в брак с лицом греко-российского исповедания, последний остаётся в том же вероисповедании. Дети от такого брака должны были принимать православную веру. Этот указ действовал и на территории Старой Финляндии. Среди умерших при церкви Рождества Христова отмечены следующие категории населения: солдаты, солдатские жёны, крестьяне, вдова аудитора выборгского гарнизона, выборгский ткач, жена барабанщика, дочь гренадера, сын капрала²⁰.

Следующая церковь – Выборгской губернии вотчины графа Г. П. Чернышева селения Сретенского, церковь Сретения Господня. Среди прихожан церкви, согласно метрическим книгам, были крестьяне. Поэтому, и браки в этом приходе были исключительно крестьянскими. Так, в 1750 г. образовалось семь супружеских пар²¹. Интерес представляет запись священника В. Иванова в заключительной части метрической книги этой церкви: «Кроме вышеописанных тамошних людей, других при церкви раскольников, укрывателей, тайно исповедовавших не имеется, а ежели... по ведомости после доложут, то за свои вины – по штрафу и жесткому гражданскому наказанию»²². Эта запись вскрывает обязательный характер доноительства на людей, уклонявшихся от официально принятой церковной жизни.

Интерес представляет и кексгольмская церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Среди ее прихожан тоже преобладали военные чины: гренадеры, сержанты, солдаты, прапорщики, капралы, но были также купцы, кузнецы, писари. Новорождённых, записан-

18. Там же. Д. 621. Л. 213.

19. Шкваров А. Г. Когда пришли русские... Статистическое исследование семей русских военных чинов и финляндских женщин в гарнизонах Свеаборга и Гельсингфорса в первой половине XIX в.: по материалам Национального архива Финляндии. (Выпуск 1). Helsinki, 2016. 312 с.

20. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 621. Л. 200 об.; Д. 626. Л. 170 об., 178 об., 179, 186 об.

21. Там же. Д. 621. Л. 215 об., 218 об.; Д. 626. Л. 189, 189 об.

22. Там же. Д. 621. Л. 219.

ных в приходе церкви Рождества Пресвятой Богородицы, в среднем рождалось по 50 в год²³. Не трудно догадаться, что при церкви заключались, в основном, «солдатские» браки. Согласно метрическим книгам, количество браков, заключённых в этом приходе увеличивалось. Среди умерших встречаются также солдаты, отставные солдаты, капитаны, солдатские вдовы. Однако в этот период заметна тенденция по уменьшению смертности населения этого прихода²⁴.

Особо любопытны метрические книги тивральской церкви Вознесения Господня (Кексгольмский уезд). Ее метрическая книга имеет только одну часть – за весь календарный год. Священнослужители зафиксировали рождение детей только у крестьян и бобылей. По архивным материалам заметно, что это был малонаселённый приход. Обнаруживается и тенденция не только по уменьшению «рождающихся», но и «бракосочетавшихся». В своём большинстве молодожёны этого прихода венчались 1-ым браком²⁵.

В приходе Шустамской церкви Николая Чудотворца проживали, прежде всего, крестьяне и бобыли, но среди прихожан церкви заметны и военные чины (гвардейцы). Согласно статистическим данным по умершим, очевидно, что намечалась тенденция по увеличению смертности в приходе²⁶.

В приходах церкви Николая Чудотворца Сердобольского погоста и церкви Успения Пресвятой Богородицы Шуезёрского погоста среди новорождённых зафиксированы исключительно дети крестьян и бобылей²⁷.

Более того, в метрических книгах за 1745 г. зафиксирован экстракт попа Константина Федорова (церковь Николая Чудотворца г. Кексгольма). В его ведомости приводятся данные по всем приходам указанной территории.

Как показано, благодаря метрическим книгам, можно выяснить не только половой и возрастной состав, но и социальный статус православных людей, проживавших на территории Старой Финляндии. Церковные записи священнослужителей в метрических книгах позволяют пролить свет на изучение движения населения на данной территории.

23. Там же. Л. 220 об.; Д. 626. Л. 199.

24. Там же. Л. 201 об. Л. 202 об.

25. Там же. Л. 204, 204 об., 205 об.

26. Там же. Л. 210 об.

27. Там же. Л. 206, 211, 211 об.

Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII – начала XX века. М.: Издательский центр РГГУ, 2006. 384 с.

Белькова А. Е. Анализ жанровой структуры и формуляра метрических книг // Вестник ВСГУТУ. 2015. № 4. С. 118-124.

Белькова А. Е. Структура и лексическое наполнение формуляра метрических книг // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 138-142.

Бушен А. Б. Об устройстве источников статистики населения в России. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1864. 122 с.

Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 230 с.

Калиничев А. А. Община ингерманландских финнов в государственной системе Швеции и России // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 13. С. 13-35.

Косых Е. А., Чеснокова Е. В. Метрические книги в системе русской культурологической парадигмы // Культура и текст. 2011. № 12. С. 467-472.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.

Пашинин А. В. Метрические книги как источник составления родословных // Власть. 2012. № 11. С. 198-201.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. № 1908; Т. VII. № 4480. СПб., 1830.

Разумов С. А. Эволюция формуляра метрических книг в XVIII – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 1. С. 7-11.

Соловьев И. П. Учебник по практическому руководству для пастырей. СПб.: Издание И. Л. Тузова, 1914. 255 с.

Спичак А. В. Эволюция оформления метрических книг в Тобольской епархии в XVIII – начале XX веков // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 54-53.

Шкваров А. Г. Когда пришли русские... Статистическое исследование семей русских военных чинов и финляндских женщин в гарнизонах Свеаборга и Гельсингфорса в первой половине XIX в.: по материалам Национального архива Финляндии. (Выпуск 1). Helsinki: RME Group Oy, 2016. 312 с.

Этнография городской жизни в скандинавских странах (XIX-начало XX веков)

На протяжении XIX в. в странах Северной Европы широкий интерес проявлялся к народной культуре. В Швеции в 1891 г. впервые был создан музей под открытым небом. Это знаменитый «Скансен». Причем примеру создателя этого музея А. Хаселиусу последовали исследователи народной культуры в Норвегии и Дании, основав в конце XIX в. музеи в столицах своих стран. Число музеев под открытым небом в Скандинавии росло. Создавались такие музеи и в Финляндии. Характерной особенностью организации подобных музеев однако являлось стремление уделять основное внимание этнографии прежде всего крестьян. В результате из разных областей страны привозили крестьянские дома, подсобные помещения, внутренне убранство и все то, что отражало быт и культуру сельского населения.

Однако в 1914 г. в Дании в городе Орхус был открыт уже музей города, получивший название «Старый Орхус». Этот музей стал создаваться после того как в 1909 г. впервые для посещения публики был предоставлен восстановленный старинный дом городской застройки, который ранее был предназначен к сносу. Инициатором же открытия этого музея стал директор местного ботанического сада. В музее «Старый Орхус» были восстановлены дома начиная с XVIII в. и вплоть до конца XIX в. Данные сооружения находились на рыночной площади и соединялись рядом мощённых булыжником улочек¹. В этом музее, а также в музеях «Старый Берген» (Норвегия), который был основан в 1934 г. и «Старый Линдчёппинг» (Швеция), основанный в 1949 г., была фактически воссоздана культура городского населения и облик городов с XVI в. по XIX в. Причем при создании этих музеев уделялось особое внимание быту ремесленников, купечества и других слоёв жителей городов Северной Европы.

Примерами аналогичных по характеру музеев являются также музеи в финских городах Турку и Тампере. Так музей в Турку расположен в центральной части города, на Монастырском холме. Застройка на территории нынешнего музея относится к концу XVIII – началу XIX вв. Этот район города тогда был заселён ремесленниками, слу-

1. См.: Шмелёв В. Г. Музеи под открытым небом. Киев, 1983. С. 24.

жащими и моряками. Несмотря на то, что дома в этом районе представляют типичные для того времени городские строения, сохранившиеся на протяжении почти векового периода, муниципалитет Турку в 1930-е гг. купил все эти старые дома для организации на этом месте музея ремёсел. Вся эта старая часть города с его кварталами и переулками сохранилась нетронутой, а это имеет большое культурно-историческое значение. Созданный в домах интерьер соответствовал скромному облику старых строений и бедной жизни их обитателей. Специалисты, работающие в этом музее, явно следовали принципу, где каждая ремесленная мастерская должна была находиться в рабочем состоянии. То же самое касается и ряда музеев рабочего населения в Тампере, где в XIX в. была сосредоточена индустриальная жизнь Финляндии. В настоящее же время в музеях быт и культура рабочих раскрывается начиная с XVIII до XX в.

В Скандинавии изучение этнографии городской жизни развивалось на протяжении всего XX в. В различных журналах, публикуемых ведущими музеями скандинавских стран, обязательно печатались научные работы, касающиеся самых разнообразных направлений городской культуры. Примером этому может служить публикация в сборнике статей XV-го заседания Европейской ассоциации музеев под открытым небом, который был издан в 1991 г.

Заседание было посвящено 100-летию юбилею создания музея «Скансен». В сборнике был опубликован доклад «Городские кварталы в музеях под открытым небом с точки зрения перспектив развития Старого Линдчэпинга» директора музея «Старый Линдчэпинг» Г. Эльфстрёма. Автор повествовал об истории музея, основных идеях и задачах развития музеев городского типа, а также о трудностях восстановления старых зданий². Таким образом, тема городского музея уже рассматривалась на научной конференции как явно установившееся направление этнологического исследования.

Причем, важно учитывать, что в скандинавских странах работы по этнографии города публиковались, как правило, в изданиях самих музеев. К примеру, можно указать работу Э. Дамгорд и П. Х. Моустгорда «Дом-семья», опубликованную в издании «National museet» (в разделе «Folkelivs studie») ³. Это был третий том серии этнографических публикаций⁴. В нем было представлено подробное исследование

2. *Elfström G.* Town quarter in open-air museums—seen from the perspective of old Lindköping / Report 15th Meeting “Skansen 1891-1991” Tagungsbericht-Stockholm, 1991. S. 83-84.

3. *Damgaard E., Moustgaard P.H.* Et hjem-en familien. København: National museet, 1970. 15 s.

4. Первый назывался «Датский народный музей и Фриланд музей», а второй – «Рыбный промысел в Лимефьорде в 1825 г.».

дование жизни зажиточной прослойки населения в 1890 г. В книге также даётся подробное описание, с соответствующими иллюстрациями, планов квартир городских жителей (в частности, владельца аптеки), а также показана экономическая жизнь семьи. Кроме того из статьи становятся ясны политические пристрастия и религиозные представления городского населения. При этом значительная часть работы посвящена раскрытию повседневной жизни семьи, привычкам и образу жизни обычных представителей городского населения конца XX в.

Среди публикаций Северного музея (Nordisk Museet handlingar) была издана работа исследователя Б. Конрадсон «Этнологическое изучение жизни в конторе»⁵. В этой книге представлено описание до второй половины XX в. довольно узкой прослойки жителей Швеции, которые представляли собой конторских служащих. Кроме того работа была проиллюстрирована большим количеством фотографий и, безусловно, отражала одну из интересных сторон культуры городской жизни Скандинавии.

В научных исследованиях норвежские специалисты также уделяли особое внимание элементам быта горожан. В частности, они особо обращали внимание на деятельность городских ремесленников. Примером этому могут служить публикации научного ежегодного журнала «*Vi o Bugd*» («Бю о Бюгд»). В них, в частности, имеется соответствующее исследование о работе в середине XIX в. в Христиании норвежского ювелира Ларсена⁶. Кроме того, в этом же ежегоднике есть еще интересная статья А. Кьельберю «Мужской костюм в Драммене в 1860 гг.»⁷. Работа также хорошо иллюстрирована и в ней еще содержатся описания мужской одежды с середины 1850-х до 1860-х гг.

Одной из ведущих исследователей городской культуры Финляндии является Анна-Мария Острём. Она опубликовала ряд статей об этнологии небольших финских городов. В частности, ее статья представлена в сборнике «Жизнь, работа, среда в прибрежном городе». Этот сборник был целиком посвящен культуре и быту финских городов на побережье Балтийского моря, поскольку здесь особо рассматривались темы касающиеся поселений восточно-ботнических

5. *Conradson B.* Kontorfolket. Et etnologisk studie av livet på kontor. Stockholm: Nordisk Museets handlingar, № 108, 1980. 285 s.

6. *Östby J. D.* C.P. Larsens gjortlerverksted-en tradisjonsrik håndversbedrift // *By og Bygd.*, Oslo: Norsk Folkemuseums årbok, 1987-88. S. 119-135.

7. *Kjellberg A.* Mannsdrakt i Drammen i 1860-årene // *By og Bygd.*, Oslo: Norsk Folkemuseums årbok, 1987-88. S. 153-173.

городов, а также социальной среде, этнологическим перспективам и школьному образованию, то есть всему тому, что объединяло исследования городской среды. В основу же этого сборника легли материалы специально организованного по данной теме в 1985 г. в Якобстаде научного симпозиума.

Безусловно, финские исследователи уделяли большое внимание истории развития столицы страны. Определённый интерес представляет, в частности, статья А. М. Острём «Создание структуры повседневной жизни 30 семей Хельсинки в начале этого столетия»⁸. В ней автор подробно представила читателям планы жилища в городе, рассматривала структуру жизни в городских условиях различных слоёв жителей города Хельсинки. Так же в солидной монографии С.-Э. Острёма «Планирование и строительство районов Хельсингфорса в императорский период»⁹ показана практически вся этнографическая история Хельсинки начиная с 1810 до 1910-х гг. При этом автор представил также еще и богатейшую коллекцию иллюстраций, а также планов, наглядно показывавших развитие города и его демографическое состояние, явно менявшееся за этот столетний период.

Необходимо отметить еще одну интереснейшую работу, опубликованную в Швеции, в 1991 г.¹⁰ В ней затрагиваются проблемы шведской иммиграции. В частности известно, что за период с 1850 по 1930 г. более миллиона шведов выехало в Соединенные Штаты Америки. На смене веков большая часть их расселилась в Чикаго. В данной работе конкретно рассматривались непосредственные условия жизни шведов в США, а также создание там шведских объединений, шведских этнических групп и т. д.

В результате краткого обзора литературы в Скандинавии, касающейся изучения этнологии городского населения стран Северной Европы, можно со всей уверенностью утверждать, что представленные в них материалы, а также информационные сведения, существую-

щие в музеях Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии, позволяют иметь хорошее представление об основных направлениях научного изучения жизни в скандинавских городах в XIX – нач. XX вв.

Литература

Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С.172-190.

Возгрин В. Е. Балтийский мир – результаты и перспективы научных исследований // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2013. № 14. С. 236-257.

История Дании с древнейших времён до начала XX в. М.: Наука, 1996. 505 с.

История Норвегии. М.: Наука, 1980. 710 с.

История Швеции. М.: Наука, 1974. 727 с.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: Издательство РГГУ, 1999. 359 с.

Клинг М. Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005. 615 с.

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв. Санкт-Петербург: РХГА, 2016. 620 с.

Шмелёв В. Г. Музеи под открытым небом. Киев: Наукова Думка, 1983. 122 с.

Åström A.-M. Die Strukturierung des Alltagslebens in 30 Familien in Helsinki am Anfang dieses Jahrhunderts // Dorf- und Stadtkultur. Der gegenseitige in 20. Jahrhundert beiden finnisch-ugrische Völker und ihren Nachbar. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, № 198, 1987. S. 195-220.

Åström S.-E. Samhällsplanering och Regionsbildning i Kejsartidens Helsingfors // Studier i Stadens ihre differentiering 1810-1910. Helsingfors: Studier i Stadens ihre differentiering 1810-1910, 195. 375 s.

Conradson B. Kontorfolket. Et etnologisk studie av livet på kontor. Stockholm: Nordisk Museets handlinger, № 108, 1980. 285 s.

Damgaard E., Moustgaard. P.H. Et hjem-en familien. København: Nationalmuseet, 1970. 15 s.

Elfström G. Town quarter in open-air museums—seen from the perspective of old Lindköpings / Report 15th Meeting “Skansen 1891-1991” Tagungsbericht-Stockholm, 1991. S. 83-84.

Kjellberg A. Mannsdrakt i Drammen i 1860-årene // By og Bygd., Oslo: Norsk Folkemuseums årbok, 1987-88. S. 153-173.

Østby J. D. C.P. Larsens gjortlerverksted—en tradisjonsrik håndversbedrift // By og Bygd., Oslo: Norsk Folkemuseums årbok, 1987-88, S. 119-135.

Swedish American Life in Chicago. Cultural and Urban Aspect of an Immigrant People, 1850-1930 / Ed. Anderson Ph., Blanch D. / Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Multiethnica Upsaliensis, 1991. 394 s.

8. *Åström A.-M.* Die Strukturierung des Alltagslebens in 30 Familien in Helsinki am Anfang dieses Jahrhunderts // Dorf- und Stadtkultur. Der gegenseitige in 20. Jahrhundert beiden finnisch-ugrische Völker und ihren Nachbar. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, № 198, 1987. S. 195-220.

9. *Åström S.-E.* Samhällsplanering och Regionsbildning i Kejsartidens Helsingfors // Studier i Stadens ihre differentiering 1810-1910. Helsingfors: Studier i Stadens ihre differentiering 1810-1910, 195. 375 s.

10. Swedish American Life in Chicago. Cultural and Urban Aspect of an Immigrant People, 1850-1930 / Ed. Anderson Ph., Blanch D. / Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Multiethnica Upsaliensis, 1991. 394 s.

Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920-1930-е гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии.

Революция 1917 г. в России коренным образом изменила подходы к изучению истории стран Северной Европы. Все прежние достижения российской скандинавистики теперь игнорировались. Одновременно начался процесс изучения социально-классовых сюжетов развития стран Северной Европы. Преемственность в Советской России наблюдалась в появлении новых авторов, которые представляли собой исследователей, переехавших в Россию из Финляндии эмигрантов («красные финны»). В целом, больших перспектив в научном развитии скандинавистики в Советской России явно не существовало.

Baryshnikov V. N. The problem of research in the USSR in the 1920s-1930s the History of the Revolution and Civil War in Finland.

The revolution of 1917 in Russia fundamentally changed the approaches to scientific research of the history of the Nordic countries. All previous achievements of Russian history have now been ignored. At the same time, the process of studying social and class development themes of the Nordic countries began. In Soviet Russia was observed in the emergence of new authors who were researchers who moved to Russia from Finland (the «Red Finns»). On the whole, in Soviet Russia there were clearly no great prospects for a scientific study of the history of the Nordic countries.

Ключевые слова: историография истории скандинавских стран и Финляндии, советские историки, «красные финны», М. С. Свечников, В. М. Смирнов, О. В. Куусинен, Ю. Сиrolа

Keywords: historiography of the history of Scandinavian countries and Finland, Soviet historians, «Red Finns», M. S. Svechnikov, V. M. Smirnov, O. V. Kuusinen, Yu. Sirolа

Васара В.-Т. Советская Карелия глазами участников «карельских походов» 1918-1922 гг.

Начиная с 1918 г. главным объектом в планах создания так называемой «великой Финляндии» стала Советская Карелия. С идеологией «великой Финляндии» в финской истории тесно связаны так называемые «карельские походы». Они были попыткой в 1918–1922 гг. присоединить Советскую Карелию к Финляндии. В межвоенный период было издано несколько десятков воспоминаний, из которых большинство в первой половине 1920-х гг. – второй половине 1930-х гг. Отдельные статьи-воспоминания регулярно публиковались в журнале Академического карельского общества (АКС) «Суомен Хеймо» («Финское Племя») в 1923–1944 гг., а также в журнале «Хеймосотури» («Солдат-соплеменник») в 1930-е гг. Общих черт в мемуарах немного. Авторы сосредоточивались на чисто военных действиях, либо описывали свои личные переживания, а также географию и население Советской Карелии; имеется и богатая этнографическая информация. Много внимания было уделено быту карелов и ингерманланцев, их характерам и обычаям, карельской природе. В мемуарах используются многочисленные карты и фотографии, сделанные во время походов.

Vasara V.-T. Soviet Karelia Through the Eyes of the Participants of the «Kinship Wars» in 1918-1922.

Starting from 1918, Eastern Karelia became the main object in the plans to create the so-called «The Greater Finland». The so-called «Kinship Wars» are closely connected with this ideology of «The Greater Finland» in Finnish history. They were an attempt to annex Soviet Karelia to Finland in 1918–1922. In the interwar period, several dozen memoirs were published, of which the majority in the first half of the 1920's and in the second half of the 1930's. Separate memoir articles were regularly published in the journal of the Academic Karelian Society (AKS) «Suomen Heimo» («The Finnish Tribe») in 1923–1944, as well as in the magazine «Heimosoturi» («Kindred Soldier») in the 1930's. There are a few common features in the memoirs. The authors focused purely on military actions, or described their personal experiences, as well as the geography and population of East Karelia. There is also a lot of rich ethnographic information. Much is told about the life of the Karelians and the Ingrian Finns, about their character and customs, about Karelian nature. The memoirs use numerous maps and photographs taken during the campaigns.

Ключевые слова: Мемуары, идеология «Великой Финляндии», «карельские походы», Советская Карелия, межвоенный период.

Keywords: Memoirs, Ideology of «the Greater Finland», «Kinship Wars», Soviet Karelia, Interwar Period.

Василик В. В. Св. князь Александр Невский и Финляндия (Поход 1256 года, его причины, характер и результаты).

Статья «Александр Невский и Финляндия» посвящена отношениям князя Александра Невского с Финляндией и финскими племенами и, в особенности, походу 1256 г. На основании ряда источников выстраивается типология похода, его военные и дипломатические аспекты, связи с миссией. Поход Александра Невского в Тавастланд 1256 г. имеет много общего с походом его отца Ярослава Всеволодовича в 1227 г. Среди общих черт можно выделить зимнее время, переход Финского залива по льду, связь похода с миссией. Поход 1256 г. был акцией возмездия за попытку шведов и союзной эми утвердиться на русском берегу реки Наровы. Не исключается, что Тавастхуса как мощной крепости еще не существовало, поэтому о нем ничего не упоминается ни в Первой Новгородской летописи, ни в булле папы Александра. Поход 1256 г. был связан с миссией среди эми, как и среди других финских племен. Именно поэтому в начале похода в новгородском войске присутствовал митрополит Кирилл, который в дальнейшем мог послать в поход кого-либо из духовенства. Уничтожение католических церквей связано с возмездием за оскверненные православные храмы и с антикатолической политикой Александра Невского. «Язычники» буллы папы Александра IV – православные корелы и русские, а отпадение в язычество на с. деле означало переход в православие.

Vasilik V. V. St. Prince Alexander Nevsky and Finland (Warfare of 1256, its reasons, character and results).

The article «Alexander Nevsky and Finland» regards the relations of St. Prince Alexander Nevsky with Finland and Finnish tribes (Karelia, Em) and specially to the warfare of 1256. Author constructs the typology of this expedition, its military and diplomatic aspects, connections with the mission. The warfare of Alexander Nevsky to Tavastland in 1256 has much in common with that of his father Yaroslav Vsevolodovich in 1227. Among common features one can point out the winter time, the crossing of Finnish Gulf on the ice, the connection of the warfare with Christian mission. The expedition in 1256 was an action of revenge for attempt of Sweden and their Finnish allies Em to build a fortress on the Russian coast of the river Narova. The author doesn't exclude that fortress Tavasthus didn't exist that time, so it is not mentioned in the 1st Novgorod Chronicle and in the Epistle of the Pope Alexander IV. The warfare in 1256 was connected with the mission among Em as among other Finnish tribes. That is why Cyril the metropolitan of Kiev appeared in the beginning of the expedition, who could later send his representative from clergy for the continuation of warfare. Destruction of Roman Catholic Churches is connected for profaned Orthodox temples and the anti-catholic policy of Alexander Nevsky. So called «Pagans» of the Epistle of the Pope Alexander IV were really Orthodox Karelians and Russian and so called apostasy in paganism could mean the conversion of Em to the Orthodoxy.

Ключевые слова: Финляндия, Корела, Емь, война, поход, миссия.

Keywords: Finland, Em, Karelians. War, Warfare, mission.

Возгрин В. Е. Выборг и Нарва как ключевые центры Шведской колониальной империи.

В статье рассмотрены особенности оборонительной системы Швеции на восточном направлении. Здесь основными аванпостами являлись Выборг и Нарва. Однако они в стратегическом отношении играли далеко не одинаковую роль. С точки зрения ведущего политика королевства, канцлера Акселя Оксеншерны, основное внимание следовало уделять Нарве, как наиболее выдвинутому на восток форпосту державы. Именно на неё, по расчётам канцлера, будет направлен очередной удар московских войск. После смерти А. Оксеншерны его проект всемерного укрепления Нарвы поддерживал крупнейший фортификатор эпохи и ливонский губернатор Эрик Дальберг. Он и приступил к фундаментальной перестройке укреплений Нарвы, однако работы были прерваны Северной войной 1700–1721 гг. после завоевания крепости

Россией она пришла в упадок и была снесена в 1940–1950-х гг. ради возведения города современного типа.

Vozgrin V. Je. Vyborg and Narva as key centers of the Swedish colonial empire.

In the article is analyzed the features of the defensive system of Sweden in the Eastern direction. Here the main outposts were Vyborg and Narva. However, they played a strategically different role. From the point of view of the leading politician of the kingdom of Chancellor Axel Oxenstierna, the main attention should be paid to Narva, as the most advanced Eastern outpost of the state. It is on it, according to the calculations of the Chancellor, exactly to where another blow by the Moscow troops will be directed. After the death of A. Oxenstierna, the largest fortifier of the era and the Livonian governor Erik Dahlberg supported his project of all-round strengthening of Narva. He began the fundamental reconstruction of the fortifications of Narva, but the Great Northern War of 1700–1721 interrupted the works. After the conquest of the fortress by Russia, it fell into decay and was demolished in the 1940's–1950's for the construction of a modern city.

Ключевые слова: Нарва, Выборг, оборонительная стратегия, крепости, А. Оксеншерна, Э. Дальберг, Северная война, упадок.

Keywords: Narva, Viborg, Defense Strategy, Fortresses, A. Oxenstierna, E. Dahlbergh, the Great Northern War, Decline.

Востров А. В. Аландский вопрос и его трансформация в период 1809–1917 годов.

Статья рассматривает трансформацию «Аландского вопроса» в период вхождения Великого княжества Финляндского в состав Российской империи в 1809–1917 годы. Выделяются три этапа истории Аландского архипелага в указанный временной отрезок в зависимости от наличия или отсутствия российских военных частей, а также демилитаризованного статуса, полученного Аландами по итогам Крымской войны 1854–1856 гг. Рассматриваются основные внешнеполитические изменения, оказавшие влияние на развитие Аландского вопроса, – в первую очередь, Крымская война, революционные события и Первая мировая война. В конце статьи анализируются последствия трансформации Аландского вопроса в указанный период, ставшие предпосылками так называемого «Аландского кризиса».

Vostrov A. V. Aland question and its transformation between 1809 and 1917.

The article deals with the transformation of the Aland question between 1809 and 1917 when the Great Duchy of Finland was a part of the Russian Empire. The history of Aland of that period is divided into three stages depending on presence or absence of Russian military units here as well as the demilitarized status given to Aland after the Crimean War. It reviews main external changes that influenced the development of the Aland question – primarily, the Crimean War, revolutionary events and the World War I. Finally, it analyses consequences of the Aland question transformation in the given period that turned out to be the pre-requisites of a so-called "Aland crises".

Ключевые слова: Аландский архипелаг, Аландский вопрос, Крымская война, Первая мировая война, Российская империя, Швеция, Великое княжество Финляндское.

Keywords: Aland Islands, Aland question, Crimean War, First World War, Russian empire, Sweden, Great Duchy of Finland.

Гребенщикова Г. А. Некоторые аспекты развития кораблестроения на Балтике в конце XVIII – начале XIX века.

В статье рассматриваются особенности кораблестроения на Балтике при императоре Павле и в начальный период царствования Александра I в условиях, когда Швеция оставалась главным противником России на море. В соответствии с этой военно-морской доктриной происходило развитие Балтийского флота и подготовка специалистов.

Grebenshchikova G. A. Some aspects of Baltic Sea shipbuilding at the end of XVIII – beginning of XIX cent.

The article is dedicated to special aspects of shipbuilding at Baltic during the rule of Emperors Pavel the First and Alexander the First, when Sweden was the main opponent of Russia. The development of Baltic Fleet including the specialists' preparing had been in according to that military and naval doctrine.

Ключевые слова: изменения в кораблестроении, 74-пушечные корабли, император Павел, корабль «Благодатель», Училище корабельной архитектуры.

Keywords: shipbuilding's changing, 74-guns line man-of-war, Emperor Pavel, «Blagodat'» ship, naval architecture school.

Жаров Б. С. Датский юрист Хермод Ланнунг – свидетель революционных событий 1917 года в Петрограде.

Датский юрист, политический деятель и дипломат Хермод Ланнунг (1895–1996) опубликовал в 1978 г. книгу «Моя русская юность» о своей работе в России в 1917–1924 гг. С мая 1917 по июль 1918 г. он находился в Петрограде в составе датской гуманитарной миссии, которая представляла интересы граждан Австро-Венгрии в России. Он был внимательным наблюдателем и отразил в своих записях многие события революционной поры. В книге использованы его подробные письма родственникам и знакомым, дневниковые записи и фрагменты статей, которые он посылал в газеты. Позже, в июле 1918 – марте 1919 г., Ланнунг работал в Москве в представительстве Датского Красного Креста. Автор рассказывает также и о пребывании в России в 1922–1924 гг., когда он принимал активное участие в помощи голодающим под руководством Ф. Нансена, которая позволила сохранить жизнь многим представителям интеллигенции России и Украины.

Zharov B. S. Danish lawyer Hermod Lannung, a witness of the revolutionary events of 1917 in Petrograd.

The Danish lawyer, politician and diplomat Hermod Lannung (1895–1996) published in 1978 the book «My Russian Youth» about his work in Russia in 1917–1924. From May 1917 to July 1918 he was in Petrograd as a member of Danish humanitarian mission, which represented the interests of citizens of Austria-Hungary in Russia. He was an attentive observer and reflected in his records many events of a revolutionary period. The book uses his detailed letters to relatives and friends, diary entries and fragments of articles that he sent to newspapers. Later, in July 1918 – March 1919, Lannung worked in Moscow in the representation of the Danish Red Cross. The author also tells about his stay in Russia in 1922–1924, when he took an active part in helping the starving people under the leadership of F. Nansen, which allowed many intellectuals in Russia and Ukraine to save their lives.

Ключевые слова: русская революция 1917 г., Петроград, датчане в России, Хермод Ланнунг (1895–1996)

Keywords: Russian revolution 1917, Petrograd, danes in Russia, Hermod Lannung (1895–1996)

Жирнова А. С., Мельнов А. В. Петровская гора в Выборге как памятное место русской истории города: до и после 1917 г.

Накануне революции и распада Российской империи в Выборге формируются финская, шведская и русская мемориальные зоны. В исторической памяти русского населения города особую роль играло взятие Выборга войсками Петра I в 1710 г. Уже в XVIII в. Петровская гора становится не только петровским мемориалом, но и материализованной отправной точкой русской истории города. Прерванная после революции и отделения Финляндии традиция вновь возродилась после вхождения города в состав СССР. Петровская гора и памятник императору послужили связующим идеологическим звеном между двумя качественно разными русскими периодами городской истории.

Zhirnova A. S., Melnov A. V. Petrovskaya cliff in Vyborg as a historic site of Russian town history: before and after 1917.

Before the revolution and disintegration of the Russian Empire the Finnish, Swedish and Russian memorial zones were formed in Vyborg. The capture of Vyborg by troops of Peter the Great in 1710 played a very important role in historical memory of the Russian population of the city. In the XVIII century the Petrovskaya cliff becomes not only a Peter's memorial, but also a materialized starting point of the Russian town history. After the revolution and proclaiming the independance of Finland the tradition was interrupted and it has revived after entering the town into the USSR. The Petrovskaya cliff and monument of Peter the Great have served as a binding ideological link between two qualitatively different Russian periods of urban history.

Ключевые слова: Выборг, Петр I, Петровская гора, Памятник Петру I в Выборге, памятное место, идеология, Советский Выборг.

Keywords: Vyborg, Peter the Great, Petrovskaya mountain, monument of Peter the Great in Vyborg, memorable place, ideology, Soviet Vyborg.

Николаев Н. И. Проблема датских проливов в военно-морском планировании Великобритании и России накануне и в годы Первой мировой войны.

В стратегическом отношении датские проливы имели первостепенное значение в условиях надвигающейся коалиционной войны в Европе. В случае занятия Зунда и Бельтов Германией, Россия оказалась бы окончательно отрезанной от своих союзников (исключая выход в Баренцево море). Осознавая ключевое значение проливов в случае войны, военно-морские деятели пытались решить эту проблему на уровне военно-морского планирования как в Великобритании, так и в России, однако ни к каким конкретным практическим результатам это не привело. Однако попытка решения этой проблемы и переговоры относительно реализации некоторых мероприятий являются важными, так как впервые в истории началось взаимодействие между российскими и британскими военно-морскими силами. В статье анализируются попытки решить вопрос о датских проливах, даётся оценка разработанным планам.

Nikolaev N. I. The problem of the Danish straits in the naval planning of the UK and Russia before and during the First World war.

In strategic point of view Danish channels had the priority importance in the situation of forthcoming war of coalitions in Europe. With Zund and Belts being conquered by Germany, Russia will be completely cut off from its confederates (excluding the way out into the Barents Sea). Having realised key importance of these channels in case of the war, marine specialists tried to solve this problem in Britain as well as in Russia, but it didn't lead to any practical results. However the trial to solve this problem and the negotiations considering some events' realisation are important as it lead to relations between British and Russian marines. This article has the analysis of the trials to solve the issue of the Dutch channels and evaluates the plans developed.

Ключевые слова: Первая Мировая война, датские проливы, Джон Фишер, Императорский Балтийский флот, военно-морское планирование

Keywords: First World war, danish straits, John Fisher, Imperial Baltic Fleet, naval planning

Лебедев А. А. Свет и тени крейсерских действий русского флота в Русско-шведской войне 1788–1790 гг.

Хотя истории Русско-шведской войны 1788–1790 гг. на море посвящено немало трудов, проблема крейсерских операций Балтийского флота остается разобранной весьма поверхностно. И это притом, что последние по идее должны представлять собой более чем важную страницу военно-морского противостояния в означенной войне, ибо Швеция традиционно сильно зависела от морских перевозок. Восстановлению обаятельного пробела и посвящена данная статья.

Lebedev A. A. Lights and shadows cruising the actions of the Russian fleet in the Russo-Swedish war of 1788–1790.

The history of Russo-Swedish war of 1788–1790 on the sea is the subject of many papers, but the problem of cruising operations of the Baltic fleet remains disassembled very superficial. Meanwhile, the last supposed to represent more than an important page naval conflict in the aforesaid war, because Sweden has traditionally depended heavily on Maritime transport. Anyway, to catch the Russian cruiser was exactly that, because only the Swedish merchant fleet in 1785–1786 counted at least 900–1200 ships. But the Swedes were used and vessels subject to them Finland (the number of which has increased over the 1747–1799 from 171 to 608 units), not to mention the merchant ships of foreign States. Recovery declared the space devoted to this article.

Ключевые слова: Русско-шведская война 1788–1790 гг. Балтийский флот. Крейсерские операции. Морская война. Швеция.

Keywords: The Russo-Swedish war of 1788–1790. The Baltic fleet. Cruising the operation. Sea war. Sweden.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии в финской историографии в первой половине XX-го века.

В статье анализируется взгляд финских исследователей первой половины XX в. на события гражданской войны в Финляндии. В финской историографии утверждение независимости страны долгое время являлось одной из центральных тем исторических исследований. В работах в период с 1920–1960 гг., изданных на территории Финляндии, можно заметить, что многие авторы явно придерживались, в отражении характера войны, идей ее «освободительного» для Финляндии значения, оправдывая, таким образом, тот кровавый террор, который начался в стране по отношению к части ее населения после победы «белых».

Lobanova D. R. The Civil War in Finland in the Finnish Historiography in the First Half of the XXth Century.

The article analyzes the view of Finnish researchers of the first half of the 20th century on the events of the civil war in Finland. In Finnish historiography, the assertion of the country's independence for a long time was one of the central themes of historical research. In works from 1920–1960 published on the territory of Finland, one can note that many authors clearly adhered to the idea of its «liberating» meaning for Finland, in justifying the nature of the war, thus justifying the bloody terror that began in The country in relation to part of its population after the victory of the «white».

Ключевые слова: Гражданская война в Финляндии, освободительная война, историография.

Keywords: Civil war in Finland, liberation war, historiography

Мошник Ю. И. «Эшелоны направлять в Выборг». Выборгский гарнизон в декабре 1917–январе 1918 гг.

Статья посвящена судьбе выборгского гарнизона после победы октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, когда Выборг стал местом передислокации финляндских воинских частей, перебрасываемых советским правительством в распоряжение Петроградского военно-революционного комитета. В статье затрагиваются сюжеты, связанные с попыткой создания большевиками «народно-социалистической гвардии», реквизициями у местного населения продуктов питания, вооружением русскими воинскими частями финских красногвардейцев и ролью выборгских событий 6–7 (18–19) января 1918 г. в обострении противостояния «белых» и «красных» финнов, вылившегося в гражданскую войну в Финляндии.

Moshnik J. I. «Send echelons to Vyborg». Vyborg garrison in December 1917 – January 1918.

The article is devoted to the Vyborg garrison after the victory of the October armed uprising in Petrograd. In November 1917 Vyborg became the place of redeployment of the Finnish military units transferred by the Soviet government to the disposal of the Petrograd Military Revolutionary Committee. The article touches on the attempt to creating the «people's socialist guards» by the Bolsheviks, requisitioning, arming the Finnish Red Guards and the role of the Vyborg events of 6–7 (18–19) January 1918 in aggravating the confrontation between the Whites and the Red Finns, which resulted in the civil war in Finland.

Ключевые слова: гарнизон, революция, Советы, Выборг, Финляндия.

Keywords: garrison, revolution, Soviets, Vyborg, Finland.

Мусаев В. И. «Соплеменная» эмиграция и «работа с соплеменниками» («heimotöb»): ингерманландский и восточно-карельский фактор в политике межвоенной Финляндии.

Статья посвящена попыткам использования деятелей ингерманландской и восточно-карельской диаспоры в Финляндии в политических целях в 1920-е – 1930-е гг. В Финляндии в этот период действовали организации, отстаивавшие антисоветские и антирусские взгляды («Академическое общество Карелия», «Союз независимости» и др.). Для достижения своих целей, включая территориальные претензии к Советской России/СССР, они пытались воспользоваться «ингерманландским и карельским вопросом» и эксплуатировать тему «угнетения и преследования соплеменников в СССР». Выходцы из России также привлекали внимание финляндских спецслужб,

поскольку представляли ценность при ведении разведывательной работы против Советского Союза. Расчеты на использование «соплеменной проблемы», однако, не оправдались. Планы развертывания шпионской и диверсионной работы остались нереализованными, пропагандистская деятельность внутри страны также имела небольшой эффект. Во второй половине 1930-х гг. «племенная работа» сошла почти на нет и оживилась снова только во время второй мировой войны.

Musaev V. I. «Co-tribal» Emigration and «Work with the Co-tribesmen» («heimotyö»): Ingrian and East-Karelian Factor in the Policies of Interwar Finland.

The article deals with attempts of using the actors of the Ingrian and East-Karelian diaspora in Finland for political goals in the interwar period of the 1920s and 1930s. During that period some organizations, which held up anti-Soviet and anti-Russian agenda (such as "Academic Society Karelia", "Independence Union" etc.) were active in Finland. For reaching their objectives, including territorial claims against Soviet Russia / the USSR, they tried to make use of the "Ingrian and Karelian question" and to exploit the issue of "oppression and persecution of the co-tribesmen in the USSR". The natives of Russia also attracted attention of the Finnish special services, since they were of some interest from the point of view of conducting reconnaissance work against the Soviet Union. Hopes for using the "co-tribal problem", however, hardly proved justified. Plans for expanding espionage and subversive work remained unfulfilled, propaganda activities within the country were also of little effect. In the second half of the thirties so called "work with the co-tribesmen" came almost to naught, to be enlivened again only during the World War Two.

Ключевые слова: эмиграция, диаспора, ирредентизм, национализм, шпионаж.

Keywords: emigration, diaspora, irredentism, nationalism, espionage.

Партала М. А. История участия 12-го лыжного батальона в «зимней войне» в литературных источниках.

Статья посвящена участию 12-го лыжного батальона в советско-финской войне (1939–1940) в составе 155-й стрелковой дивизии. Показано, что по истории 12-го лыжного батальона существует комплекс литературных источников, имеющих документальную основу. Авторами свидетельств и воспоминаний являются участники событий: Т. Джатиев, М. Луконин, Г. Цуркин, П. Воронько, Б. Лихарев, Б. Заходер и др.

Partala M.A. The history of the 12th ski battalion in the «winter war» in the literary sources.

The article is devoted to participation of the 12th ski battalion in the Soviet-Finnish war (1939–1940) as the part of the 155th Infantry Division. It is shown that there is a complex of literary sources on the history of the 12th ski battalion, with documentary basis. The authors of the evidence and memories are participants in the events: T. Jatiev, M. Lukonin, G. Tsurkin, P. Voron'ko, B. Likharev, B. Zahoder and others.

Ключевые слова: Советско-финская война (1939–1940), Карелия, 12-й лыжный батальон, 155-я стрелковая дивизия, А. Копштейн, Н. Отрада, Т. Джатиев, М. Луконин, Г. Цуркин, П. Воронько, Б. Лихарев, Б. Заходер.

Keywords: Soviet-Finnish War (1939–1940), Karelia, 12th ski battalion, 155th Infantry Division, A. Kopshtein, N. Otrada, T. Jatiev, M. Lukonin, G. Tsurkin, P. Voron'ko, B. Likharev, B. Zahoder.

Петров П. В. Документы об участии Финляндии в событиях революции и Гражданской войны в России в фондах ЦГАИПД СПб.

Важным источником по истории взаимоотношений между Советской Россией и Финляндией в период революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг. являются документы советских партийных и государственных органов и финских партийных и общественных организаций. В этих документах описывается история Гражданской войны в Финляндии в 1918 г., а также участие финнов в событиях Гражданской войны в России в период 1918–1920 гг. В значительной мере это документы о деятельности Финской коммунистической партии, финских коммунистических клубов и газет в годы войны. Большое внимание уделяется деятельности известных финских коммунистических деятелей в России и Финляндии. Также имеется значительное количество документов партийных органов Советской России, описывающих организационную, пропагандистскую и издательскую деятельность финских коммунистов

в период 1918–1920 гг. В целом, стоит отметить, что несмотря на неполноту имеющихся документов, они способствуют всестороннему и углубленному изучению проблемы участия финнов в событиях Гражданской войны в России.

Petrov P. V. Documents on Finland's participation in the events of the revolution and the Civil War in Russia in the funds of the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg.

An important source on the history of the relationship between Soviet Russia and Finland during the revolution of 1917 and the Civil War of 1918–1920 are documents of Soviet party and state bodies and Finnish party and social organizations. These documents describe the history of the Civil War in Finland in 1918, as well as the participation of Finns in the events of the Civil War in Russia in the period 1918–1920. To a large extent these are documents on the activities of the Finnish Communist Party, Finnish communist clubs and newspapers during the war. Much attention is paid to the activities of famous Finnish communist leaders in Russia and Finland. There is also a significant number of documents of the party bodies of Soviet Russia, describing the organizational, propaganda and publishing activities of the Finnish Communists in the period 1918–1920. In general, it is worth noting that, despite the incompleteness of the available documents, they contribute to a comprehensive and in-depth study of the problem of Finns' participation in the events of the Civil War in Russia.

Ключевые слова: архив, документ, революция, Гражданская война, Коммунистическая партия, комитет, газета, клуб.

Keywords: archive, document, revolution, Civil War, Communist Party, committee, newspaper, club.

Пилипчук И. В. Комплект чертежей Выборгской крепости Л.К. Стобеуса от 17 (18) марта 1703 г. как основа для реконструкции внешнего вида городских укреплений Выборга в XV–XVII вв.

В статье рассматривается комплекс чертежей выборгской крепости, полученный в результате ее обследования шведскими инженерами-фортификаторами под руководством Л. К. Стобеуса (1676–1756) в начале Великой Северной войны (1700–1721). Данные чертежи показывают облик Выборгской крепости, сложившийся к началу XVIII века.

Pylypchuk I. Vik. Set of drawings Vyborg Castle L. C. Stobeusa of 17 (18) in March 1703 as a basis for the reconstruction of the appearance of the city fortifications of Vyborg in the XV–XVII centuries.

The article considers a complex of drawings of the Vyborg fortress, obtained as a result of its examination by Swedish fortification engineers under the guidance of L. C. Stobeus (1676–1756) at the beginning of the Great Northern War (1700–1721). These drawings show the appearance of the Vyborg fortress, formed by the beginning of the XVIII century.

Ключевые слова: Выборг, фортификация XVII–XVIII вв., бастионная крепость, планы городов, Великая Северная война

Keywords: Vyborg, fortification in 17th – 18th centuries, bastion fortress, city plans, Great Northern War

Славнитский Н. Р. Финские рабочие в народническом движении.

В статье рассматриваются судьбы финских рабочих, ставших участниками кружков народников. Нам известны имена четырех финляндских уроженцев, принимавших участие в народническом движении, причем трое из них оказались связаны с организацией носившей название «Общество друзей». Эта группа сформировалась вокруг М.А. Натансона и тала костяком партии «Земля и Воля».

Все уроженцы Финляндии являлись рабочими, один из них – Иоанн Пельконен – являлся сапожником, а Карл Иванайнен, Карл Стольберг и Вильгельм Прейс работали на петербургских заводах. К. Иванайнен полностью отождествлял себя с русскими, да и остальные, скорее всего, не отделяли себя от России.

Slavnitsky N. R. Finnish workers in the Narodnik movement.

The article examines the fate of Finnish workers who became participants in the circles of the Narodniks. We know the names of four Finnish natives who took part in the Narodnik movement, three of whom were associated with the organization that was known

as the Society of Friends. The article examines the fate of Finnish workers who became participants in the circles of the Narodniks. We know the names of four Finnish natives who took part in the Narodnik movement, three of whom were associated with the organization that was known as the Society of Friends. This group was formed around MA. Nathanson and tala skeleton of the party «Earth and Freedom».

All the natives of Finland were workers, one of them - John Pelconen - was a shoemaker, and Karl Ivaneinen, Karl Stolberg and Wilhelm Preis worked in St. Petersburg factories. K. Ivaneinen completely identified himself with the Russians, and the rest, most likely, did not separate themselves from Russia.

Their anti-government activities turned out to be very short, K. Stolberg and V. Pries soon found themselves in administrative exile, I. Pelkonen died during the investigation. And K. Ivaneinen became the most famous among them - he joined the workers' circles in 1874, then left for Switzerland, after returning he again joined in the anti-government work and in 1883 was sentenced to hard labor.

Ключевые слова: Земля и Воля, народники, политическая ссылка, Олонецкая губерния.

Keywords: Earth and Will, populists, political exile, Olonets province.

Смолин А. В. Проблемы демаркации русско-финской морской границы в 1918 г.

В статье рассматриваются попытки проведения демаркационной линии в Финском заливе в 1918 г., а также причины, не позволившие это сделать. Появление в Финском заливе германской эскадры и создание финнами своего флота из бывших русских судов, поставили перед командованием Балтийского флота задачу по обеспечению безопасности главной морской крепости и базы Балтийского флота – Кронштадта. Отсутствие демаркационной линии приводило к конфликтам между Советской республикой и Финляндией.

Smolin A. V. The problems of demarcation of the Russian-Finnish maritime border in 1918.

The article examines the attempts to conduct a demarcation line in the Gulf of Finland in 1918, as well as the reasons that prevented it from doing so. The appearance of a German squadron in the Gulf of Finland and the creation by Finns of its fleet from the former Russian ships put the task of ensuring the safety of the main naval fortress and the base of the Baltic Fleet, Kronstadt, before the command of the Baltic Fleet. The absence of a demarcation line led to conflicts between the Soviet Republic and Finland.

Ключевые слова: демаркация Россия, Финляндия, граница, переговоры.

Keywords: demarcation Russia, Finland, border, negotiations

Шкваров А.Г. Русский гарнизон Фридриксгама в 1750-1850-х гг.: по материалам национального архива Финляндии.

Статья рассматривает изменения состава русского гарнизона Фридриксгама на протяжении столетия и царствования четырех монархов – с момента включения в состав Российской империи в 1743 г. и до Восточной войны 1853–1856 гг. Фридриксгам долгое время был пограничным форпостом России против Швеции. Этим определялась его специфика. Поименные списки офицеров и нижних чинов, находящиеся в Национальном архиве Финляндии, дают нам исчерпывающую информацию о количественном и качественном составе гарнизона в различные годы, рассказывают о преобразованиях, проходивших в армии, а также развития крепости в инженерном отношении.

Shkvarov A. G. The Russian garrison of Fredrikshamn in 1750-1850: documents from the National archive of Finland.

The article examines changes in the composition of the Russian garrison of Fredrikshamn for over a century and the reign of four monarchs, from the time of inclusion the fortress under the power of Russian Empire in 1743 till Eastern war of 1853–1856. Fredrikshamn for a long time was a frontier outpost of Russia against Sweden. This defines its specificity. The lists of names of companies and different teams, officers, non-commissioned officers and privates from the National archives of Finland give us comprehensive information about quantitative and qualitative composition of the garrison in different years, narrate about

the transformations that took place in the army, as well as the development of the fortress in weapons engineering.

Ключевые слова: Русская армия в Финляндии, пограничная крепость, пехота, артиллерия, инженерный корпус, флот, именные списки гарнизона.

Keywords: The Russian army in Finland, frontier outpost of Russia, infantry, artillery, corps of engineers, Navy, lists of names of garrison.

Шрадер Т. А. Этнография городской жизни в Скандинавских странах (XIX–начало XX веков).

В начале XX столетия во всех скандинавских странах (Дания, Швеция, Норвегия и Финляндия) были созданы музеи под открытым небом, в которых была широко показана жизнь городов, а именно быт жителей, культура, образование и др. различных слоёв населения. В этих музеях представлены строения и интерьеры жилых помещений, относящиеся начиная с XVI и до начала XX вв. Скандинавские учёные публикуют в настоящее время и публиковали ранее этнографические исследования городской жизни в периодических изданиях музеев города. Среди статей есть исследования жизни скандинавов в городах других стран. Они раскрывают исторические аспекты развития городской жизни скандинавов.

Shrader T. A. Ethnography of townlife in Scandinavian countries (XIX- beginning of XX centuries).

In the beginning of the XX-th century in all Scandinavian countries (Denmark, Sweden, Norway and Finland) were opened Museums in the open air, where was widely shown the life in the towns- buildings, every-day life, culture, education and other- of different sections of the population. In these museums we can see the buildings and interiors where peoples lived from the XVI century to the beginning of the XX century. Scandinavian scientists are publishing now and published before in the periodicals of these museums ethnographical investigations on the town-life. We can meet some articles about the life of the Scandinavian people in towns in another countries. The scientists are showing the historical aspects of the development of the town life in Scandinavia.

Ключевые слова: Скандинавия, этнография, население города.

Keywords: Scandinavia, ethnography, people in town.

Шувалова А. Н. Метрические книги православных церквей Старой Финляндии середины XVIII века как исторический источник.

Представлен анализ метрических книг православных церквей Старой Финляндии (Выборг и Кексгольм, финляндские уездные церкви) за 1745 и 1750 гг. Особое внимание уделено структуре метрических книг этой территории. В статье рассматриваются следующие вопросы: половой и социальный состав населения православных приходов. Статья основана на архивных материалах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Shuvalova A. N. Registers of births of orthodox churches of Old Finland middle of the 18th century as historical source.

Presents an analysis of registers of births of orthodox churches of Old Finland (Vyborg and Kexholm, the district churches of Finland) for 1745 and 1750. Special attention is paid to structure of registers of births of this territory. It considers the following questions: sexual and social composition of the population of orthodox parishes. The article is based on archive materials of the Central State Historical Archive of St. Petersburg.

Ключевые слова: метрические книги, Старая Финляндия, история XVIII века.

Keywords: registers of births, Old Finland, history of the 18th century.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышников Владимир Николаевич, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Васара Виена-Туули, Тампере (Финляндия), viena-tuuli@skinsaw.com

Василик Владимир Владимирович, д.фил.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, v.v.vasilik@spbu.ru

Востров Алексей Владимирович, Санкт-Петербургский Политехнический университет, alex.sinkriver@gmail.com

Возгрин Валерий Евгеньевич, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, vozgrin60@mail.ru, v.vozgrin@spbu.ru

Гребенщикова Галина Александровна, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, inversiya@bk.ru

Жаров Борис Сергеевич, к.фил.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, bzharov@gmail.com, b.zharov@spbu.ru

Жирнова Анна Сергеевна, Выборг, a.s.zhirnova@yandex.ru

Николаев Никита Иванович, Институт Истории Санкт-Петербургского государственного университета, madnickhistory@gmail.com

Лебедев Алексей Анатольевич, к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, aalebedew@yandex.ru

Лобанова Дарья Ростиславовна, Санкт-Петербургский государственный университет, d.lobanova@spbu.ru

Мельнов Алексей Витальевич, к.и.н., Выборгский объединенный музей-заповедник, alexmelnov@yandex.ru

Мошник Юлия Игоревна, к.и.н., Выборгский объединенный музей-заповедник, julia.moshnik@gmail.com

Мусаев Вадим Ибрагимович, д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, vmusaev62@mail.ru

Партала Михаил Анатольевич, к.т.н., доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, par_ma@mail.ru.

Петров Павел Владимирович, д.и.н., Государственный музей-заповедник «Петергоф», kbf1939@rambler.ru

Пилипчук Игорь Викторович, Военно-исторический центр Карельского перешейка, igor_history@mail.ru

Славнитский Николай Равильевич, к.и.н., Государственный музей истории Санкт-Петербурга, slavnitski@bk.ru

Смолин Анатолий Васильевич, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, a.smolin@spbu.ru

Шкваров Алексей Геннадьевич, к.и.н., д. филос. (Финляндия), shkv-aleksej@yandex.ru

Шрадер Татьяна Алексеевна, к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, tatyana.schrader@gmail.com

Шувалова Анастасия Николаевна, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, nastia_220295@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Baryshnikov Vladimir N., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Grebenshchikova Galina A., PhD (History), professor of Saint-Petersburg State Marine University, inversiya@bk.ru

Zharov Boris S., PhD (Philology), associated professor of Saint Petersburg State University, bzharov@gmail.com

Zhirnova Anna S., Vyborg a.s.zhirnova@yandex.ru

Nikolaev Nikita I., Institute of History, Saint-Petersburg State University, madnickhistory@gmail.com

Lebedev Aleksey A., PhD (History), St. Petersburg State University of Film and Television, aalebedew@yandex.ru

Lobanova Darja R., Saint Petersburg State University, d.lobanova@spbu.ru

Melnov Alexey V., PhD (History), Vyborg's associated heritage museum, alexmelnov@yandex.ru

Moshnik Yuliya I., PhD (History), Vyborg's associated heritage museum, julia.moshnik@gmail.com

Musaev Vadim I., PhD (History), the St.-Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences, vmusaev62@mail.ru

Partala Mikhail A., Ph.D., associated professor of St. Petersburg State Electrotechnical University, par_ma@mail.ru

Petrov Pavel V., PhD (History), The State museum-reserve «Peterhof», kbf1939@rambler.ru

Pylypchuk Igor Vik., Military-Historical Center of the Karelian Isthmus, igor_history@mail.ru

Schader Tatjana, Dr.Ph., Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) Russian Ac.of Sci. tatyana.shcrader@gmail.com

Shkvarov Alexey G., PhD (History), shkv-aleksej@yandex.ru

Shuvalova Anastasiia N., Herzen State Pedagogical University of Russia, nastia_220295@mail.ru

Slavnitsky Nikolai R., PhD (History), State Museum of History of St. Petersburg, slavnitski@bk.ru

Smolin Anatolit Vs., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University, a.smolin@spbu.ru

Vasara Viena-Tuuli, Tampere (Finland), viena-tuuli@skinsaw.com

Vasilik Vladimir V., PhD, St. Petersburg Universtiy. v.v.vasilik@spbu.ru

Vostrov Alexey V., St. Petersburg Polytechnic University, alex.sinkriver@gmail.com

Vozgrin Valeriy Je., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University, valerijvozhgrin@mail.ru, v.vozgrin@spbu.ru

Научное издание

Санкт-Петербург и страны
Северной Европы
19 (№2)
тематический выпуск

РОССИЯ, ФИНЛЯНДИЯ
И СКАНДИНАВИЯ:
КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ
В ИСТОРИИ

*К столетию
Великой русской революции
и независимости Финляндии*

Материалы седьмых ежегодных
Барышниковских научных чтений

Подписано в печать с готового оригинал-макета 03.09.2018.
Формат 70х90/16. Бум. офсетная. Гарнитура РТ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,5.
Тираж 200 экз. Заказ № 210.

195248, г. Санкт-Петербург, пр. Энергетиков д.30, к. 10/11 лит. А
Издательство: ООО «Центр Сохранения Культурного Наследия»
Тел. (812) 935-49-47
E-mail: info@zskn.ru URL:<http://zskn.ru/>

Отпечатано в типографии ООО «ЦСКН»
Санкт-Петербург, пр. Энергетиков, д.30, к. 10/11 лит. А